

Андрей Белянин
Чего хотят демоны

«Андрей Белянин и его друзья. ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»: Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2007
ISBN 978-5-9922-0239-7

Аннотация

А знаете, тенденция, однако. Или традиция – кому как больше нравится. Зима – это Новый год, весна – пора любви, лето – долгожданный отпуск, осень – новый сборник

рассказов славянских писателей-фантастов, друзей Андрея Белянина. Этот третий, между прочим. Лица всё знакомые, но среди них есть и те, кто дебютирует в этой компании единомышленников, и те, чьё творчество российские читатели открыли для себя благодаря хорошему вкусу и неугомонности Андрея. Польша, Болгария, Чехия, конечно, Россия – думаете, легко поднимать в одиночку литературное единство наших славянских народов? Труд Андрей проделал колоссальный, но ни останавливаться на достигнутом, ни почивать на лаврах не собирается. А собирается, ведомый зовом родственной крови, снова в путь – пока на Балканы, ну а там видно будет...

СОДЕРЖАНИЕ:

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН - Чего хотят демоны

ЕКАТЕРИНА ШАШКОВА - Мария

ЭЛЕОНОРА ТАТАРИНЦЕВА - Джонни

АНДЖЕЙ ПИЛИПИК

Протокол задержания. Перевод с польского Маргариты Бобровской

Свиной бунт. Перевод с польского Маргариты Бобровской

Ревизия. Перевод с польского Маргариты Бобровской

Y-files. Рассекреченные материалы. Перевод с польского Маргариты Бобровской

Киллер. Перевод с польского Андрея Белянина

ВИТАЛИЙ ЗЫКОВ - Знание – сила! Гамзарские байки

ХРИСТО ПОШТАКОВ - Нашествие. Перевод с болгарского Николая Теллалова

ЕЛЕНА БЫЧКОВА, НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА - Gloriosa Superba

НИКОЛАЙ БАСОВ - Комната, и никакой фантастики

ФРАНТИШКА ВЕРБЕНСКА. Перевод с чешского Йозефа Рараха

Перо сойки

Время реки

НИКОЛАЙ ТЕЛЛАЛОВ. Перевод с болгарского автора

Небесные приiski

Жёсткие крылья

АЛЕКСАНДР РУДАЗОВ - Кого боятся маги

НАТАЛЬЯ ТАТАРИНЦЕВА - Анжелика и философ

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН, ГАЛИНА ЧЁРНАЯ - Кот для да Винчи

Андрей Белянин и его друзья ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ

От составителя

Итак, вот он, наш третий сборник. Лично для меня это и третья победа, и повод серьёзно задуматься о будущем. Хотя вроде бы если победа, так о чём, собственно, думать-то? Праздновать надо! Почивать на лаврах, надевать друг другу веночки из той же лаврушки и, попивая нектар (фернет, сливовицу, горилку, гжеч, мавруд, столичную и т.д.), небрежно следить с высот литературного Олимпа за фэнтезийной суетой на Земле...

Тем паче что компания наша разрастается от книги к книге, и я от всей души рад представить вам новых лиц. Об уже известных авторах надо говорить? Ладно, не проблема. От меня не убудет, а любому писателю всегда приятно лишнее упоминание его имени в положительном контексте.

Сначала пройдем по странам дальним, славянским, братским, а значит, родственным. Болгар у нас двое – Христо Поштаков и Николай Теллалов. Христо знают уже все поклонники фантастики, кто-то благодаря блистательным рассказам в стиле жёсткой НФ,

кто-то по лёгкому пародийному «Меч, магия и челюсти». Кстати, продолжение этого романа готовится в нашем издательстве. Николай Теллалов проявил себя сначала как переводчик, а теперь мы представляем его как самостоятельного и интересного автора. Рекомендую.

А вот поляки подвели. То есть традиционно польская фантастика очень сильна и своеобразна, но в этот раз за всю шляхту отдувается один пан Анджей Пилипик. Правда, он настаивает на том, что мы неправильно произносим его фамилию, по-польски она произносится как Пилипьюк. Но, по-моему, так ещё смешнее, а Анджей писатель блистательный, создавший не только культового Якуба Вендеровича, но и ещё ряд великолепных романов в жанре исторического фэнтези. Он мой друг, всегда зовёт в гости в Краков, а в последний раз гордо демонстрировал собственную реконструкцию казачьей шашки. Читать его надо! У нас подобного автора пока нет.

Чехи показали тихую и, я бы даже сказал, интеллигентную литературу. Франтишка Вербенска – учёный, филолог, хранитель архивов, человек изумительной образованности и деликатности. Её пересказы старинных чешских легенд возвращают нас в мистический и жутковатый мир европейского Средневековья, но читается на одном дыхании.

Теперь о нашей матушке-России, которая «всему свету голова!». Николая Басова представлять не нужно. В том плане, что достаточно произнести имя и фамилию, чтобы любой знаток фантастики сразу восхищённо захлопал в ладоши. Басова знают все, как все знают его знаменитого Лотара и кучу восхитительных романов в стиле фэнтези и научной фантастики. Рассказы Николая редки, пишет он их нечасто, так что мне повезло, что успел ухватить.

Наташа Татаринцева дебютировала в прошлом сборнике, и вроде бы довольно успешно. Она пишет для нашего издательства роман, а сейчас продолжает линию приключений уродливой девицы Анжелики, нолей судьбы ставшей штатным психологом всей городской нечисти. Это забавно и актуально...

А вот её мама, поэтесса Элеонора Татаринцева, как автор фантастики появляется впервые. Рассказ у неё сложный и неожиданный. Я бы обратил внимание...

Елену Бычкову и Наталью Турчанинову тоже особо рекламировать не надо. Или всё-таки надо, учитывая вечные сплетни вокруг этого творческого тандема в мире фэндомов? Глупейшая ситуация – молодые интересные авторы, обаятельные и умные девчонки, периодически кому-то встают поперёк горла. Слишком молоды или слишком талантливы?! Дайте судить о них по их творчеству. И я с удовольствием представляю их рассказ в нашем сборнике, одновременно козырнув за храбрость. Вы не поверите, но сейчас, чтобы открыто назвать себя другом Белянина, нужно немалое мужество...

Александр Рудазов – лауреат «Меча Без Имени», молодой и перспективный писатель, умеющий создавать свои миры и мастерски работающий как в большой, так и в малой форме. Мне и самому было жутко интересно: кого же «боятся магии»? Сначала подозревал, что Конана-варвара, он с ними особо не церемонился, оказалось, ответ иной – и посложнее, и поинтереснее...

Екатерина Шашкова – моя землячка, из Астрахани. Её роман «Марготта» вышел в свет в прошлом году. Реалии местные, кто не был в Астрахани, всего вкуса произведения, увы, не ощутит. Сейчас она упорно трудится над новой вещью и представляет свой рассказ. Скорее всего, и он тоже выльется в отдельную книгу. А пока добро пожаловать в магический мир братьев наших меньших.

Виталий Зыков – один из самых популярных и тиражных авторов нашего издательства. В прошлом году бросил перчатку всем «титулованным» фантастам России и ближнего зарубежья, вызывая их на открытый литературный поединок. Ответить «титулованные» не рискнули до сих пор... Сам Виталий очень волновался, подойдет ли его рассказ по стилю в наш сборник? По-моему, отлично подходит!

О нас с Галиной говорить не буду. Во-первых, сложно – вдруг перехвалишь? Во-вторых, вряд ли нужно – работаем вместе уже более шести лет, и популярность «Оборотней...» пока всё ещё на высоте. В ближайшее время мы сдадим в издательство цикл

коротких рассказов о шумной Алине, героическом Алексе и их вечном спутнике, говорящем коте с двумя университетами за плечами, агенте 013, Стальном Когте, Профессоре, или просто Пусике! Тема да Винчи сейчас так популярна, что мы не удержались... простите.

О себе не буду говорить тем более. Разве что признаюсь – идею моего коротенького рассказа самоотверженно подарила всё та же Галина Чёрная. Сам бы я не догадался...

Ну вот вроде бы и всё. Теперь о проблемах. Они, конечно, есть. Оказалось, что в одиночку поднимать литературное единство наших славянских народов очень сложно. Хотелось бы надеяться хоть на какую-то помощь. Вот Евгений Харитонов, например, помог переводами Христо Поштакова – благое дело! Не оставайтесь в стороне, а?

Я был в Сербии как раз перед отделением Косово, знаете, они всерьёз считают себя русскими! Говорят, мы такие же русские, как и вы, выходцы из Сибири, поэтому – сербы. И язык похож, и пишут кириллицей, и вера православная. Очень хочу, чтобы в нашей следующей книге была и сербская фантастика. Поэтому поеду туда снова. Мы братья, и если фэнте- чи – сказка, то сказка не худший способ напомнить нам о зове родственной крови...

Присоединяйтесь! В конце концов, «АРМАДУ – АЛЬФУ» больше всего и критикуют (как, впрочем, и хвалят) именно за то, что она даёт дорогу молодым и неизвестным авторам.

Искренне ваш, АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Андрей Белянин

ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ

Я – Абифасдон. Демон. Л любить и жаловать не прошу. Всё понимаю, не послали матом, уже спасибо. Работа адская – судебный пристав, то есть кредитор проданных душ. Внешность соответственная – высок, мускулист, кожа бледно-зелёная, нечесуйчатая, профиль греческий, волосы чёрные, язык нераздвоен. Дресс-код – строгий костюм-тройка, галстук в тон и туфли без пошлого блеска.

Короче, стандартный демон, не «демонстратор измерений» по Асприну. В меру удачлив, в меру непопулярен, карьерным ростом не избалован, а если и есть серьёзные проблемы, то только в личной жизни.

Нет, с женой как раз всё в порядке. Азриэлла умна и красива, мы вместе уже четыре тысячи лет или больше, она скажет точнее, женщины всегда проявляют трогательное внимание к датам. Проблема в ином...

Впрочем, неважно. Вам уж наверняка нет дела до судьбы обыкновенного демона. А если и есть, то чем мне можете помочь вы, люди?

...Я автоматически перечитал адрес, уже не надеясь на свою память за столько-то лет. В этом городе названия улиц меняют едва ли не через каждое столетие. На пустырях растут новые микрорайоны, а старые купеческие особняки сносят ради строительства очередной автозаправки или мини-маркета с едой в пакетиках, по вкусу мало чем отличающейся от своей же упаковки.

А какой там продают кофе-э-э... Шеф хвастался, что состав был разработан в наших секретных лабораториях и первоначально позиционировался как стимулятор желудочных и сердечных заболеваний. Несколько молодых демонов-аспирантов серьёзно отравились при испытаниях, но люди же пьют! Людей ничем не выведешь...

– Надеюсь, что ты дома, смертный, – неуверенно вздохнул я, нажимая клавишу соответствующей квартиры на пульте домофона.

Замигал красный огонёк, противно запищал зуммер, один звонок, другой, третий... Вельзевулова задница, да открывай же!

– Кто там? – послышался мужской голос из динамика.

– Абифасдон. По вашу душу. Здравствуйте.

– Не понял... Это кто?!

– Константин Петрович,– всё ещё безукоризненно вежливо начал я,– вас беспокоят из налоговой службы. Будьте добры, откройте дверь.

– А чего от меня надо налоговой? – как-то подозрительно искренне удивился он.

Неужели за этим типом ещё какие-то грешки, кроме Договора? Ладно, не моё дело.

– В прошлом году вы продали мотоцикл и...

– Я за всё заплатил! По двум квитанциям! А мне, между прочим, пришла третья, с угрозой штрафа, суда и пеней! Вы что там, совсем обалдели, да?

– Не нарывайся, человек! – не сдержавшись, рывкнул я. Быть вежливым утомительно, но надо, работа такая...– Прошу прощения, я хотел сказать, не могли бы вы всё-таки открыть дверь? Нам будет куда удобнее переговорить наедине, а не обсуждать иски государственных служб на радость вашим соседкам.

– Ну... это... логично,– похоже, сдался он.– Только я очень занят, не могли бы вы зайти завтра?

– Убью... никаких нервов с ними не хватит,– тихо пообещал я и громче добавил: – Разумеется, как вам будет удобнее, но завтра я приду с милицией и ордером.

– За что?!

– За всё!!!

– Чёрт с вами, заходите...

Вот это другое дело. Когда тебя благословляют таким образом – грех не зайти. Общеизвестно, что демон не может по собственной воле войти в человеческое жилище, его надо пригласить. Причём не один раз!

Как вы понимаете, нас не так уж часто приглашают. А в последние лет двадцать народ ещё взял моду освящать квартиры. Плюс, до кучи, яхты, дачи, машины, компьютеры и даже сотовые телефоны. Как работать в таких условиях, а?

...Лифт был относительно новый, но стены уже исписаны англо-америкосовской сленговой дрянью. Граффити не искусство, а акт спонтанного уличного вандализма. Тоже наши придумали. Особенно упоительно баллончиковая роспись смотрится на старинных храмах и памятниках архитектуры. Мы поощряем современную молодёжь, надо идти в ногу со временем.

Шестой этаж, сорок восьмая квартира. Теперь надо, чтобы он сам попросил меня войти. Нажимаю кнопку звонка. Тупо жду. Или он оглох, или в туалете, или передумал общаться. Зря, смертный, демоны редко позволяют себя игнорировать.

– Константин Петрович, будьте любезны, откройте дверь. В противном случае я её просто подожгу. Мне несложно, а вы ничего не докажете...

За дверью раздалось напряжённое сопение, и кто-то с той стороны прилип к глазку. Я расслабил плечи, поправил галстук и позволил расползтись по своему лицу самой дружелюбной улыбке.

– Дверь металлическая,– зачем-то сообщил он.

Не хочет пускать...

– Зато обшивка деревянная,– напомнил я. Не хочет он, как же...

– А ваше удостоверение?

Я молча достал из кармана типовую корочку младшего сотрудника отдела по вопросам кредитования и вплотную приставил её к глазку. Всё равно там ни черта не разберёшь. С верхнего этажа неслышно спустилась не в меру любопытная кошка. Вот ведь знает, мерзавка, что их губит, а лезет...

Мгновением позже наши взгляды встретились, шерсть на кошке встала дыбом, по спине пробежали зелёные искры, и, задрав хвост, она с дурным воплем бросилась в атаку. Отработанным пинком ноги я отшвырнул её об стену. У дуры девять жизней, не помрёт, а мне абсолютно не улыбалось заявиться после работы домой расцарапанным. Азриэлла начнёт не в шутку задавать разные вопросы на интимные темы, если вы понимаете, о чём я. А у нас и так проблемы...

– Ладно,– хмуро раздалось из-за двери,– толкайте, незаперто.

– Хм... э-э-э, не уверен, что понял вас правильно, вы точно хотите, чтобы я вошёл?
– Ну да. Куда от вас денешься...
– Э-э-э, тогда не могли бы вы сами открыть мне дверь? Как-никак вы хозяин дома, я – гость, и всё такое...

– Я ж сказал, незаперто! – огрызнулся он, но всё равно повернул дверную ручку, раздражённо посмотрел на меня и махнул рукой, нарочито негостеприимным жестом приглашая войти.

– То есть могу заходить?

– Да.

– Пожалуйста, скажите это сами.

– Что?

– Что вы предлагаете мне зайти.

– Да вы чё, издеваетесь, что ли?! – едва не сорвался он, явно испытывая жгучее желание захлопнуть дверь перед моим аристократическим носом. – Блин, когда не надо, мы тут прям все такие вежливые! Ни шагу без разрешения! А чуть что не так – сразу милицию вызовем, дверь подожжём, удостоверением помашем... Входите же наконец, входите!

Это был его последний шанс и последний случай, когда он повысил на меня голос, потому что в следующую минуту я вошёл. Все формальности соблюдены, имею полное право, теперь он мой – меня пригласили!

– Пройдём на кухню, у меня не прибрано. Чаю не предлагаю.

– А кофе?

– Только растворимый.

– Из супермаркета?! Нет, увольте, тогда лучше не надо...

Он сопровождал меня из узкой прихожей в маленькую кухню, плюхнулся на табурет и, зевая, поскрёб небритый подбородок. Совершенно невзрачный мужчина, лет тридцати-тридцати пяти, в белой майке и бывших когда-то синими спортивных трениках, пузырящихся на коленках. Крестика на шее нет, татуировка «МФ – навсегда!» с кривым Андреевским флагом, две металлических коронки во рту (и как только таких типов женщины любят?). А главное – за что? И почему так результативно?!

– Ну чего у вас там, в вашей налоговой? – буркнул он, кивком указав мне на вторую табуретку. – Предупреждаю, квитанции у жены, а жена с детьми у тёщи, приедет только завтра. Господи, один выходной хотел провести спокойно, и нате вам...

– Я не из налоговой.

– Не понял...

– Всё гораздо более неприятно, Константин Петрович, – Я откашлялся, на мгновение прикрыл глаза, сконцентрировался и принял свой истинный облик. – Трепещи, смертный! Ибо пробил час, и я пришёл забрать твою бессмертную душу!

Хозяин придушенно пискнул, попытавшись вжаться спиной в стену, редкие волосы на голове дружно встали дыбом, а в голубых квадратных глазах застыл неподдельный ужас. Хорошо пугается мужик, уважаю...

– Вы...ы...ы...и-у-у-у!

Я сидел перед ним совершенно обнажённый, с буграми тренированных мышц под бледно-зелёной кожей, впечатляющими когтями, пронзительным взглядом и небольшими толстыми рогами на лбу. Рога, кстати, были лишними, редко кто их сейчас носит, но для людей они по-прежнему главный аргумент в идентификации демонов. Можно было, конечно, добавить ещё копыта и хвост, но я сторонюсь дешёвых спецэффектов.

– А-а-а-и-и-ых-кых-ой! – перешла жертва на непереносимую смесь визга и нервного хрипа.

Нет, не предсмертного – в таких делах я разбираюсь...

– Моё имя Абифасдон, смертный! В прошлом году ты предложил свою душу в обмен на велосипед для младшего сына. Твой зов был услышан...

– Я... я... не... – Он умоляюще покосился на шкафчик над холодильником.

Получив мой снисходительный кивок, вскочил с места, выудил непечатую бутылку дрянного виски и свернул ей крышку. Наверняка подарок коллег из серии «натебеубожечтонамногоже». Мужик сделал долгий глоток прямо из горла, едва не задохнулся и уставился на меня кристально трезвыми глазами. Парадокс, не находите?

– Вспомнил?

– Нет.

– Вспоминай. Двадцать второе августа, вечер, ты с друзьями и любовницей Катей сидел в уличном кафе на набережной. Вышел в туалет и нашёл в кабинке на полу кошелек с пятнадцатью тысячами рублей. Этого как раз должно было хватить на велосипед.

– Да, но...

– Но ты их тут же пропил, лишенец! Нам пришлось подкидывать тебе необходимую сумму ровно шесть раз, пока ты не сдержал обещание, данное ребёнку. Срок вышел, пора платить по счетам.

Он дёрнулся, икнул, приложился к виски ещё раз и вдруг спросил:

– А чем докажете? Где договор? Договора-то у вас нет, ничего я не подписывал, а значит...

– Цыц.

– Чего?! Я законы знаю! Если нет договора, то нет и...

– Цыц, смертный! – рыкнул я, для остротки изрыгая меж зубов оранжевое пламя.

Хозяин дома снова влип в стену, но бутылку из рук не выпустил. Тоже мне, нашёл Священный Грааль, ага...

– Слово высказанное есть озвученная мыслеформа, отпущенная на энергетическом уровне в информационное поле Земли, – не заморачиваясь с более тонкими материями, пояснил я. – Короче, хотел – получил! Факт подтверждён и нотариально заверенного Договора не требует. Можешь глотнуть ещё раз, и в путь. Преисподняя ждёт. Последнее желание?

– Чтоб ты ушёл и никогда не возвращался!

– Неумно. Я-то уйду, не проблема, но через три минуты за тобой явится другой демон, менее вежливый и обходительный, а последнего желания уже не будет.

Мужик выпил ещё раз и задумчиво протянул бутылку мне. Я автоматически взял. О Люциферова отрыжка, какая дрянь! И как только этот прокисший скипидар с запахом горелой резины могут пить нормальные люди?! У меня и то полглотки огнём обожгло...

– Что мне делать, посоветуйте... – жалобно вздохнул он.

Я пожал плечами. Да в общем-то уже ничего, раньше надо было думать.

– У меня жена, дети, родители ещё живы. Мне нельзя так вот просто... взять и...

– Ещё две любовницы, – напомнил я, – Катя с работы и Лида-проводница. Кстати, Лида беременна, шесть недель...

– Вот видите, – ещё более печально вздохнул он. – Четверо крошек останутся сиротами.

– Пятеро, – снова поправил я, – Помнишь, три года назад Ирину в Адлере?

– Что, и у неё?!

– Девочка. Очень на тебя похожа.

– Она мне ничего не писала... Выпьём?

– Чуть-чуть, я на работе.

– Неблагодарная она у вас...

– Привык.

На этот раз виски пошло заметно легче.

Константин Петрович достал нарезку колбасы и приличные стопки. Не такой уж он и сволочной мужик, если подумать, я встречал куда хуже...

– А если... ну только предположим, что я могу что-то для вас сделать? Вот лично для вас. Не знаю даже что, но... Отпустите?

– Тебе нечего мне предложить, смертный. Дороже души у вас, людей, ничего нет, а я выбиваю души из злостных неплательщиков.

– Да, но... в смысле, я понимаю, не деньги, естественно. Может, какая-то информация, помощь, совет?

– В чём?! Ты и умеешь-то только детей строгать...– хмыкнул было я и осёкся. Сам не зная, этот тип коснулся моего самого больного места. У нас с Азриэллой детей нет...

– По вашим глазам я вижу, что вы точно хотите о чём-то меня спросить! – с надеждой вскинулся он.

Я замер со стопкой в руке. Чёрт бы с ним, почему нет?! В конце концов, он всё равно попадёт в нашу контору, а мы с женой... быть может...

– Ладно. Сумеешь внятно ответить на один вопрос, дам отсрочку на один год.

– Тогда лучше на сто вопросов!

– Не зарывайся.

– Ясно. Весь во внимании!

– Как вы делаете детей?

– Какмы... ЧТО?! – По-видимому, он не поверил собственным ушам.

Я вскинул руку и попытался объяснить:

– Человек, у тебя четверо детей, а будет пятеро. У нас с женой – ни одного. Демоны размножаются не так, как люди, но, когда более чем за четыре тысячи лет нет результата, поневоле начнёшь хвататься за каждую соломинку. И предупреждаю, попробуешь ещё так улыбнуться – я вобью эту поганую ухмылочку одним пинком тебе в глотку так, что незапломбированные зубы вылетят через задницу и застрянут в табуретке, не вытягиваемые ни одними клещами!

– Понял, понял, не надо лишних движений.– Мужик наполнил стопки, приподнял и провозгласил: – Ну за Камасутру! Читали?

– Более чем – участвовал в составлении.– Я выпил и уточнил: – Другие предложения есть?

– У врача обследовались?!

– Какие врачи у демонов?

– Ещё по чуть-чуть?

– Почему нет...

В конце концов, лично на меня алкоголь не действует, а у него и без того печень увеличенная, по-любому наш клиент. Разговор получился долгим, виски кончилось быстрее. Кое-что я предпочёл записать, мало ли...

Домой я вернулся за полночь. Отчёт по несданному грешнику могу представить в офис и завтра. Из нашей многообразной и жутко содержательной беседы мне удалось вычленить главное – дети должны рождаться по любви! А откуда любовь у нас, демонов?!

Нет, во всём, что касается просто секса, мы на высоте. Благо секс и любовь вещи взаимодопустимые, но разные. Духовная составляющая – небу, всё физиологическое – нам. В конце концов, те же ангелы даровали людям только одну позу – миссионерскую, все прочие изобрели мы. Какой-никакой, но повод для гордости, да?

...Азриэлла ждала меня в гостинной, умопомрачительно красивая и соблазнительная, с роскошной трёхсосковой грудью, шестью хвостами, крутыми бёдрами, поросшими чуть кучерявящейся шерстью, и в томно накинутом чёрном пеньюаре из шевелящихся летучих мышей. Я тоже выпустил когти на ногах, чтоб они стучали по полу, и снял с подставки у двери тяжёлую цепь с острыми крючьями. Не поняли?

Моя половина вполне может и убить в порыве страсти, большинство демонесс всегда так поступают. Но, ах, как же она была хороша! Я не сразу смог заговорить от восторга, мне нужно было, чтоб она выслушала меня всего три минуты...

– Милый, ты сегодня поздно,– упрекнула Азриэлла, с неуловимой грацией хищницы бросаясь на меня, и я ждал этого. Хлёсткий удар цепи пришёлся ей по щеке!

– Дорогая, сегодня я дал фору одному беспросветному грешнику, у которого пятеро детей. Взамен он поделился парой полезных секретов интимного плана. Уверен, что такого мы ещё не пробовали...

– Я хочу попробовать тебя,– Она с видимым удовольствием слизнула длинным жёлтым языком кровь с щеки и нежно улыбнулась.

Мягким, скользящим шагом я уходил вдоль стены, раскручивая цепь пропеллером и стараясь держать супругу на расстоянии.

– Дело не столько в прелюдии, хотя и это важно. Нам надо попытаться одну ночь, всего одну, попробовать вести себя как люди.

– Как влюблённые люди?

– Не иронизируй...

Я замешкался с ответом, и один из её хвостов, дотянувшись, едва не выхлестнул мне глаз. От двух последующих ударов я ушёл легко – сказывались века ежедневной практики выживания в законном браке.

– И как мы это сделаем, милый?

– Всё просто, на один лишь раз мы оба забудем о том, что мы демоны. Это несложно, поверь мне.

– Я не возбуждаю тебя в своём истинном облике?!

– Дорогая, ты же знаешь, я принимаю тебя такой, какая ты есть, и не ищу другую. Счти это игрой. Результат будет виден почти сразу. Девять месяцев не срок по сравнению с вечностью...

– Я не уверена, что...– Её голос дрогнул.– Мы столько пытались... Я очень хочу ребёнка, но... боюсь. Боюсь, что опять...

Моя цепь с грохотом упала на пол. По щекам Азри- эллы текли настоящие кислотные слёзы. Я знал, что в таком состоянии она втрое опаснее, но рискнул – подхватил её на руки, вылизал лицо и отнёс в спальню. На одну ночь мы будем людьми...

Пока моя жена приводила себя в порядок, я успел бегло создать соответствующую обстановку – убрал грубые стены под нежные обои, закрыл битый кирпич и стекло на полу толстенным ковролином и установил широкую кровать, покрытую красным шёлком. Дань популярной сказке Грина, должно сработать – женщинам нравится.

Ещё побольше свечей, розы и шампанское! Его я принёс с собой из мира людей, у нас такое не выпускают, только синильную кислоту или ацетиленовый спирт. Для дружеской попойки в сауне самое оно, но мне ведь нужна изящная романтика...

Когда обернулся на стук каблучков, то едва не ахнул – Азриэлла стояла передо мной совершенно обнажённая, в туфлях на высоченном каблуке, сияя матово-молочной кожей, с копной золотистых волос, удивительно похожая на спелую купальщицу кисти Цорна. Она работала в отделе искушений и человеческий облик принимала с непередаваемой лёгкостью...

– Что теперь, милый? – Моя жена шагнула вперёд, крылатым движением закидывая лебединые руки мне на плечи,– Мы ведь не сразу должны наброситься друг на друга, так?

– Да-а,– неуверенно отступил я.– Но знаешь, что-то... что-то не то.

– Я не нравлюсь тебе?!

– Именно! Ты меня не возбуждаешь, дорогая.

– Я старалась! – едва не заплакала она.– Что не нравится? Увеличить грудь, подстрой нить талию, изменить цвет глаз или волос, скажи! Я же не знаю, это твоя идея...

– Нет, нет, ты всё сделала замечательно.– Я нервно потёр лоб,– Причина в ином. Может, он не всё мне объяснил или я неправильно записал. Может быть... Погоди, так... Обстановка, цветы, прелюдия, мы оба...

– Оба, милый! – всплеснула руками Азриэлла.

Дьявол, какой я дурак... Изгаляюсь тут перед ней в обличье демона, то есть в своём истинном облике, и дебилно удивляюсь, что меня не возбуждает смертная женщина! Мгновение спустя перед ней стоял я, в таком же виде, как выхожу на работу, только без дурацкого костюма с галстуком и туфлями. Вот так!

– Иди ко мне...

Дальше всё шло просто идеально, потому что мы оба старались и были более чем

заинтересованы в результате. Правда, первый глоток шампанского, который я должен был набрать в рот и разделить с ней в поцелуе, я безобразно пролил. Она засмеялась, и мне удалось превратить это в игру – я слизывал колющие язык капли с её изумительной шеи. Попытка с тем же шампанским целовать её грудь прошла гораздо успешнее. Пить искрящееся вино из ложбинки её живота – совсем легко, а когда я плавно спустился ниже, Азриэлла уже едва не кричала от наслаждения...

Когда она в свою очередь перевернула меня на спину, то буквально на третьей минуте я мысленно поклялся поставить Константину Петровичу бутылку самого лучшего шотландского виски! Да и поза миссионеров, рекомендованная ангелами, оказалась максимально подходящей, и мы не могли насмотреться в счастливые глаза друг друга.

Я пришёл в себя лишь на мгновение, резко ощутив, как внезапно отросшие когти моей жены в порыве страсти раздирают мою человеческую спину. Хорошо ещё вовремя успел впиться клыками ей в горло...

...Утром, провожая меня на работу, Азриэлла виновато коснулась кончиком раздвоенного языка моего обгрызенного уха...

– Я не хотела, милый. Всё было так замечательно...

– Мы демоны, – вздохнул я, сердиться на неё

было глупо – женщины в любви чаще теряют контроль, чем мужчины.

– Но... ты успел? – Она опустила глаза.

– Да.

– Точно?

– Абсолютно.

– И что-то может получиться? У нас может родиться человеческий ребёнок? Я уже согласна на любого...

Хм... Такая мысль мне в голову не приходила. Человеческий ребёнок, зачатый и рождённый демонами. Об этом невозможно было даже мечтать, потому что... это просто невозможно. Никак. Ни при каких условиях. И всё-таки... всё-таки...

P.S.

– Константин Петрович?

– Да.

– Это Абифасдон. Откройте.

– Э-э-э, а зачем?

– С меня причитается...

Екатерина Шашкова

МАРИЯ

Да, хотел бы я увидеть кого-либо из вас, людей, так же спокойно реагирующих на появление существа из вашей мифологии. И демонологии.

А. Сапковский. Золотой полдень

Двор был квадратный, окружённый по периметру четырьмя панельными пятиэтажками, и с типовой детской площадкой в центре. Скучный. Стандартный. Серый. Мне почему-то всегда доставались именно такие – безликие и однообразные. И с собаками...

В этот раз собак было две: крупный рыжий двортерьер и мелкая лохматая пародия на болонку.

– Гав, – сказал рыжий, преграждая мне дорогу. – Гав-гав.

– Тяв! – робко подтвердила лохматая.

– Мяу, – согласилась я, на всякий случай отступая на пару шагов.

– Р-р-р! – Рыжий оскалил клыки и выразительно облизнулся.

– Чего? – опешила я. – А по-русски можно? А то эти ваши «р-р-р» имеют три сотни значений в зависимости от ситуации и степени благовоспитанности. Если вы меня таким образом некультурно посылаете, то так и говорите! Тем более что я всё равно не уйду.

Собаки переглянулись. Видимо, им редко попадались такие разговорчивые и наглые жертвы. Псевдоболонка, кажется, вообще дар речи потеряла.

– Гр-р-р? – уточнил рьский. – Ты из этих, что ли?

– Из тех же, что и ты, тормоз.

Я окинула пса самым презрительным из коллекции своих взглядов и повторила попытку попасть во двор. Но, видно, двортерьера в моём ответе что-то не устроило. Он шагнул в мою сторону и снова зарычал. Лохматая покосилась на старшего товарища и тоже попыталась изобразить что-нибудь грозное.

– В чём дело? – не поняла я. – Какие-то проблемы?

– Пар-р-роль! – гавкнул рыжий.

– Мяу? В смысле, зачем?

– Пр-р-роход неидентифицир-р-рованных лиц на ввер-р-ренную мне тер-р-риторию стр-р-рого запр-р-решён. Исключение – пар-р-роль. Без пар-р-роля не пушу. Особое р-р-распор-р-ряжение... отсюда... – Пёс выразительно закатил глаза к ночному небу, затянутому плотной пеленой тёмных облаков. И, насколько я знала собак, означать этот жест мог всё что угодно. Начиная тем, что сообщение принесла залётная ворона, и заканчивая прямым приказом Верховной.

Я задумалась. Мне о пароле ничего не сообщили, а ведь задание передали всего полчаса назад. Что же такое могло произойти за это время? Пресловутое шестое чувство подсказывало, что ничего хорошего.

– И что, совсем никого не пускаете? А если я очень попрошу?

Рыжий виновато переступил с лапы на лапу:

– Пр-р-ростите, если нар-р-рушаю ваши планы, миледи, но не пушу. Пр-р-приказ, сами понимаете. Тут такой особый случай...

– А в чём дело? – Нельзя проявлять чересчур явный интерес. Но умеренное любопытство ещё никому не вредило.

– Да я и сам толком не знаю. Письмо прислали с нар-р-рочным.

Ну вот, я же говорила, что ворона принесла. Ох уж эти вездесущие птицы...

– А хоть какие-то соображения имеются?

– Да нет, вр-р-роде всё нор-р-рмально было... Я, пр-р-равда, не слишком в курсе. Я ведь даже не патр-р-рульный, пр-р-росто живу здесь неподалёку. Р-р-ричардом меня зовут.

– Мария, – представилась я. – А что, обычных людей вы тоже во двор пускать не будете?

– А обычные и сами не придут, – вмешалась лохматая, – Тут же барьер, не видишь, что ли?

Я присмотрелась и действительно различила за спинами собак лёгкое мерцание. Ага, тут и отвращающий, чтоб сбить с пути случайного прохожего, и обычный – если кто-то всё-таки попытается прорваться.

Впрочем, какие могут быть прохожие в три часа ночи? Разве что бомжи да загулявшие студенты. Ну на первых мне плевать, а вторым иногда даже полезно «случайно» не найти дорогу домой – впредь будут возвращаться вовремя.

– Ну что замолчала-то? – не унималась назойливая псевдоболонка. – Или ты барьер не видишь даже?

– Вижу я его, прекрасно вижу. И то, как паршиво он выполняет свою функцию, тоже вижу.

– Тяв? Почему паршиво?

– Да потому, что не больно-то он завернул меня с дороги. Я даже на сантиметр не отклонилась. И во двор могу пройти совершенно спокойно. Так что сама ты – тяв!

– Как это можешь? Никто, значит, не может, даже я, патрульная, не могу, а ты можешь?

– Ах так это ты местная патрульная?

Собаченция меня здорово развеселила. Признаться, я привыкла к тому, что в патрульные выбирают в основном овчарок или лабрадоров. Ну и сенбернаров, конечно. Но страж порядка, который чуть выше меня в холке и с уровнем ай кью ниже пятидесяти,— это... по меньшей мере забавно.

— Ну патрульная, и что с того? Уж всяко не чета тебе, на ответственной должности состою! А такие, как ты, ходят тут, работать мешают, мозги пудрят ерундой. Где ж это видано, чтоб барьеры не работали, да ещё те, которые сама Верховная ставила?!

— Верховная? Вот прямо-таки и сама? Признайся, лохматая, ты же её никогда в жизни даже не видела! — Лёгкая усмешка, ироничный прищур глаз. Я прекрасно знала, какое впечатление производят на окружающих мои глаза и никогда не стеснялась пользоваться этим маленьким преимуществом при общении с окружающими. А особенно с собаками. Тоже мне, друзья людей!

Рыжий, поймав мой взгляд, стыдливо потупился. Кажется, ему было неловко за хамство несдержанной напарницы. Чего, впрочем, нельзя сказать о ней самой.

— Ну и что? — не растерялась псевдоболонка.— Пусть она сама здесь и не появлялась, но барьер-то она и на расстоянии могла поставить. Вот и поставила! А меня, значит, сюда сторожить! И Ричи в помощь! А кошки всякие нам тут вовсе и не нужны, так что поворачивай-ка туда, откуда явилась, и не мешай работать. Тяв!

— Вот что, тявка, ты мне тут не тыкай! — мурлык- нула я, попытавшись сделать голос как можно ласковее.— Ещё когда твоя бабка ходить не умела и материнским молоком питалась, меня та самая Верховная ведьма Варвара лично спрашивала, как можно с наименьшими затратами проконтролировать общий магический фон города. И я тогда ей посоветовала использовать собак в качестве патрульных, потому что у них, то есть у вас, дорогие мои, чутьё. И Верховная со мной согласилась. И благодаря этому ты сейчас так гордишься своей работой.

С этими словами я элегантно взмахнула хвостом и прошествовала во двор мимо обалдевших собак. Прямо сквозь сдвоенный барьер. Сигнальный контур даже не колыхнулся. Что, ещё и контур? Хм, а я его сперва и не заметила. Хорошо поставили, чисто. Наверное, и в самом деле работа Варвары. Молодец, девочка.

Внутри контура было... пожалуй, я бы сказала громко, но не скажу — это не слишком подходящее слово. Скорее уж наоборот — там царила полнейшая тишина. Но эта тишина хлестнула по ушам не хуже грохота стартующей ракеты.

Это сложно объяснить, но мы, кошки, воспринимаем мир не так, как люди. Мы способны видеть и слышать гораздо дальше и чётче, в разных диапазонах. Так вот, во дворе было совершенно тихо. В человеческом понимании этого слова. Я же моментально услышала частые всхлипывания. На третьем этаже одной из пятиэтажек, уткнувшись лбом в оконное стекло, плакал ребёнок. Человеческий ребёнок. Девочка. Ведьма. И сейчас эта маленькая ведьмочка находилась на грани истерики. Я имела весьма неплохое представление о том, как у ведьм проявляется истерика. А особенно у тех ведьм, которые ещё не умеют себя контролировать.

Пожалуй, Варвара правильно поступила, когда установила барьер.

А пока что я поспешила выйти за его пределы, потому что иначе мне пришлось бы лицезреть не слишком приятное зрелище — двух первых в мире собак, умерших от удивления и любопытства.

— Как ты это сделала? — набросилась на меня лохматая, едва я переступила искрящуюся черту барьера.

— Ножками,— улыбнулась я.

Улыбаться мне совершенно не хотелось, но положение обязывало. Я не имела ни малейшего понятия о том, что делать дальше, совершенно не владела ситуацией, зверски хотела нецензурно выругаться и ещё больше жаждала обругать Верховную, но сама не знала, за что именно... Короче, пришлось улыбаться.

— Прекрати надо мной издеваться! Я тебя серьёзно спрашиваю! Это мой участок, это

моя работа, и меня интересует, как ты это сделала. И кто ты вообще такая?

– Действительно, миледи, а вы, собственно, кто? – поддержал патрульную пёс.

– Неужели вы до сих пор не поняли? – О, как же мне осточертела собственная слащавая улыбка!

– Есть некотор-р-рые пр-р-редположения, – серьёзно кивнул Ричард.

– Какие ещё предположения?! – взвилась лохматая. – А почему я не в курсе? Что это вы за заговоры плетёте у меня за спиной? А?

– Не за спиной, а перед носом. Впрочем, вы, может быть, не расслышали. А я ведь уже говорила, что меня зовут Мария. Мария Бастинда Бао-Ли.

– Тяв? А попроще никак нельзя?

– И давно вас так зовут, миледи?

– Здесь и сейчас меня зовут именно так. И никак иначе.

Рыжий почтительно склонил голову, давая понять, что его догадки подтвердились. Однако мне всё больше и больше нравится этот пёс. И всё меньше и меньше его спутница.

Но чёрт возьми, что же делать-то?

Я отошла на пару метров в сторону (лохматая тут же горделиво завиляла хвостом, явно причисляя моё отступление к своим личным заслугам) и прикрыла глаза, вызывая в мыслях образ Верховной:

– Варька! Ты где? Слышишь меня?

– Первый, первый, я седьмой! Слышу вас хорошо, высота полсотни метров над уровнем Волги, полёт нормальный.

– Тебе бы всё шуточки... Ты вообще представляешь, что тут происходит? У малявки потенциал, как у...

– Как у меня в юности? – Голос в моей голове разом посерьёзней, – Я в курсе, поэтому тебя туда и послала. Ну успокой её как-нибудь, лапши на уши навешай – ты же это умеешь. А я попозже подлечу, тут такое творится...

Что подразумевалось под «таким», я рассмотреть так и не смогла. Звук шёл хорошо, а вот картинка дребезжала и перескакивала с места на место, подсовывая внутреннему зору то прядь рыжих волос, то черенок метлы, а то и просто затянутое тучами небо.

– Мне плевать, что у тебя стряслось, но, если выяснится, что эта малявка не любит кошек, тут полгорода снесёт. Да ещё патрульная какая-то невразумительная. Ты бы им тесты на психологическую устойчивость проводила, что ли?

– Ладно, учту. Ну правда, удержи её как-нибудь. А то у меня тут какая-то дрянь портал ставит прямо над дельтой. И представляться упрямо не желает.

– Ну и впустила бы, – фыркнула я, – Не армия же на драконах там прётся.

– Одних впусти, других впусти... У нас город или проходной двор? Мне вьетнамцев на рынке хватает!

– А что тебе вьетнамцы? Они собак едят... или это корейцы?

– Мусь, всё, мне некогда... Ай, зараза!.. Совсем некогда. Хочешь, Олежку тебе пришлю для компании?

– Ну шли, что уж теперь... И поосторожней там, у тебя-то не девять жизней!

Конец фразы ушёл в никуда – Верховная разорвала связь. Я поморщилась. Вот непутёвая девчонка! Совсем себя не бережёт. Как будто больше некому заняться этим дурацким порталом... То есть она, конечно, лучшая, кто же спорит. Но когда в центре города хлопает носом бомба замедленного действия с активированным детонатором... Хм...

Я уселась на тротуар и остервенело, не обращая никакого внимания на собак, почесала задней лапой за ухом.

А ведь не в портале дело... Она просто боится. Знает, чем кончится дело, вот и боится. Закон природы: в мире не могут одновременно существовать две Верховные ведьмы, равные по силе. Слабейшая должна умереть. Хотя нет, «должна» – неверное слово. Никому она ничего не должна... Но почему-то всегда умирает. От старости, от несчастного случая, от рук завистников и врагов или в поединке с соперницей. Это и есть то самое, что называют

судьбой.

И Варвара боится этой неизвестной девчонки. Боится, что одна из них непременно умрёт, а другая всю жизнь будет винить в этом себя. Но это долг Верховной, её крест...

А бедной кошке что теперь делать прикажете?

Неторопливый ход моих мыслей (а поспешишь, как говорится, собак насмешишь) прервал дикий рёв чего-то большого и механического. За последние двадцать лет я уже успела привыкнуть, что появление Олега всегда сопровождается невразумительным грохотом и скрежетом очередного чуда техники, но сегодня мальчишка явно решил побить собственные рекорды. Я нарочито неторопливо обернулась к источнику звука, машинально гадая, не угнал ли этот сорванец танк с бульвара Победы... Нет, всего лишь мотоцикл. И на том спасибо.

– Привет, Мусь! – Олег прыгнул со своего рычащего агрегата и присел передо мной на корточки. И тут же испуганно отшатнулся, потому что моя лапа с выпущенными когтями просвистела у самого его глаза, – Ты чего?

– Во-первых, я тебе не Мусь, и даже не Муська, а Мария, – прошипела я, обходя парня по крутой дуге, – Во-вторых, если я ещё раз увижу, что ты едешь без шлема, то на стол твоей матери ляжет длинный список всех твоих походов по кошечкам... по девочкам то есть. А увенчает его копия приказа на отчисление из университета.

– Так он же не подписан ещё! Его и вывешивают-то для острастки только... И вообще, делай что хочешь. Не убьёт же она меня, в конце концов, сама та ещё приключенка! А в-третьих?

– Что – в-третьих? – не поняла я.

– Ну «во-первых» и «во-вторых» же было! Значит, для полноты ощущений должно быть ещё и «в-третьих»!

Я прошла по Олегу взглядом, ища, к чему бы придраться. Но сердиться на него всерьёз было выше моих сил. Избаловали мы с Варькой мальчишку, что уж греха таить. Зато какой красавец вышел, будь он котом – так и влюбилась бы.

– Чёлку подстриги. В глаза же лезет, самому неудобно.

– Не, Мария Батьковна, об этом и не просите. Это имидж такой!

Я даже шипеть не стала. Такого переупрямить – вечности не хватит.

– Ну что, пошли?

– А куда, кстати? Мне мать сказала, чтоб дул сюда на всех парах и слушался тебя. Я прибыл. А дальше?

– А дальше... Вон тот дом, окошко с зелёными занавесками видишь?

– Это где девчонка ревет? Ну вижу. Её что, прибить, чтоб покой спящих граждан не нарушала?

К этому времени мы уже благополучно миновали оба барьера и контур. Ошалевшая от такой наглости псевдоболонка попыталась было нас остановить, но была моментально отброшена назад магической защитой. Её напарник тихо усмехнулся.

А что? Может, малышке всё-таки собаки больше по душе?

– Эй, Ричард, поди-ка сюда. Не бойся, я блокирую.

Рыжий торопливо приблизился и вежливо взмахнул хвостом.

– Значит, так, мальчики. Сейчас пойдём выполнять функции детского сада. Девчонку надо успокоить, да побыстрее – пока она не вошла во вкус. Потому что, как только она поймёт, что от её воя стёкла вылетают и деревья ломаются, – никакие барьеры не удержат. Так что ведём себя как белые и пушистые сказочные герои; узнаём, что случилось, и быстренько ликвидируем проблему. Ну и объясняем малышке, почему ведьмам нельзя психовать.

– А если не получится? – поинтересовался пёс.

– По ситуации разберёмся, – отмахнулся Олег, бодро взбегая по ступенькам, – в крайнем случае удерём отсюда и свалим всю вину на мамку. Это же её работа!

Я поморщилась, но смолчала. Ведь по сути дела мачишка

был прав. А Олег тем временем уже жал на кнопку звонка.

– Кто там? – немедленно отозвался из-за двери детский голос.

– Сто грамм! – брякнул парень, за что и схлопотал когтями по ноге. – Ну... э-э-э... горгаз. Ваши соседи запах газа учуяли, а мы теперь трубы везде проверяем. Можно войти?

В квартире что-то зашуршало, стукнуло... Наконец, дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы нашу разношёрстную компанию смог осмотреть любопытный голубой глаз.

– А удостоверение ваше можно посмотреть?

– Можно! – Олег не колеблясь вытащил из кармана зачётку и помахал ею перед щелью.

– Не-э-эт, так я не разгляжу. Вы почитать дайте.

– А ты умеешь?

– А вы дайте! А то, может, вы бандит! – Дитё было непреклонно. Причём никакой назревающей истерики в её голосе не слышалось. Хотя в воздухе она явственно ощущалась.

Может, мы дверью ошиблись? Или в квартире есть кто-нибудь ещё? Нет, не похоже...

– Слушай, маленькая, а у тебя есть братик или сестрёнка? – не удержалась я.

– Не-э-э, я одна. А мама ушла куда-то. Сказала, что на работу, только я же знаю, что сегодня суббота, а она всё равно ушла. А я тут сижу, сижу...

Ага, вот вам и долгожданная причина пореветь. Просто девчонка привыкла всё держать внутри, внешне оставаясь совершенно спокойной. Её и говорящая кошка, кажется, совершенно не удивила. Впрочем, может быть, и правда не удивила, кто же их, детей, разберёт.

– ...Я даже котлеты пожарила. То есть хотела пожарить, но они подгорели слегка. Снизу. А сверху сырые, кажется. Хотите попробовать? Они, правда, остыли уже...

Что характерно, приглашение относилось исключительно ко мне. Да и в щель, расширившуюся тем временем ещё на пару сантиметров, никто из моих спутников не пролез бы. Кажется, кошек малявка всё-таки любит больше.

– А мальчики? Их ты не хочешь угостить котлеткой? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– А у меня на них не хватит, потому что всего одна осталась. А вторую я Баське скормила, потому что побоялась, что у меня живот заболит.

– Кому? – хором переспросили я и Олег.

Причём я исключительно из вежливости, а вот мальчишка с плохо скрываемым сарказмом. Дело в том, что Варвара называла меня не только Муськой, но и Баськой, вульгарно коверкая моё второе (или первое, это как посмотреть) имя.

– Ну Баська – это моя кошка. Её вообще-то Колбаса зовут, только она колбасу не любит. Мама говорит, это потому, что нельзя есть себе подобных. А котлету она съела. А вас не Котлета зовут, нет?

– Мария, – с достоинством представилась я.

– А я – Ленка.

Дверь наконец-то открылась во всю ширь, и я смогла рассмотреть девчонку, которой в ближайшие несколько дней предстояло умереть. Или послужить причиной Варькиной смерти. О втором я боялась даже думать. Но и первого с каждой минутой хотела всё меньше.

В общем, малявке было года четыре, не больше. Светловолосая, голубоглазая, с маленьким вздёрнутым носиком – настоящий ангелочек, обещающий со временем вырасти в сногшибательную, по человеческим меркам, девушку. Если доживёт, конечно.

– А ребят зовут Олег и Ричард. И без котлеты они прекрасно обойдутся. Ну что, пригласишь их войти?

– А они что, вампиры? Без приглашения войти не могут?

– С чего ты взяла такую чушь? – мурлыкнула я.

– А я в книжке читала, что вампира надо обязательно пригласить, иначе он в дом никак не попадёт.

– То есть читать ты всё-таки умеешь? – усмехнулся Олег, немедленно создавая себе иллюзию клыков.

– Конечно! И читать, и писать! А вы что думали – я дура, что ли? Маленькая не значит глупая, между прочим. А ты,– Лена повернулась к «вампиру»,– зубы убери, пожалуйста. Тебе так не идёт, с нормальными лучше. И чёлку тоже убери, а то это плохо, когда глаз не видно. Хочешь, я тебе тоже котлетку поджарю? А ты,– это относилось уже к Ричи,– только Баську мою не съешь, ладно? А то мама может не понять... Когда вернётся... А уже ночь...

От вновь нахлынувшего беспокойства слегка заколыхались шторы, и я поспешно утащила девчонку на кухню, лакомиться чуть подгоревшими (то есть наполовину обуглившимися) котлетами. Парень и пёс поспешили следом.

Кошка по имени Колбаса, встретившаяся нам по дороге, оказалась мелким бесшёрстным созданием, раскормленным так, что её длина и ширина не сильно отличались друг от друга. Я поморщилась – ну нельзя же так издеваться над своей фигурой. Завидев меня, Колбаса выпучила глаза, стремительно покраснела (сразу став похожей на свою продовольственную тёзку) и метнулась под диван. В принципе стандартная реакция, хорошо ещё, что не в туалет. А то за мою долгую жизнь всякое бывало.

– Она никогда других кошек не видела. – по-своему истолковала поведение Баськи девочка. – А то, что толстая, так это мама вечно на диетах сидит, а еда остаётся. Ну мы ей и скармливаем.

То, что Лена оказалась вполне вменяемым ребёнком, меня, бесспорно, обрадовало. Но вот что теперь делать, я упорно понять не могла. Рассказывать малявке очередную вариацию вечных историй про Избранность категорически не хотелось. А то, чего доброго, возомнит себя эдаким гибридом Супермена и Гарри Поттера и отправится спасать мир от Вселенского Зла. И даже умудриться найти это Зло, которое я лично никогда в жизни не видела. Разве что брата Анубиса вспомнить...

Пока я мучилась от нехватки идей и давилась котлетой (та ещё гадость, если честно), мои спутники развили бурную деятельность. То есть Ричард деловито обнюхивал ворох каких-то тряпок, принесённых Леной, а сама девчонка тем временем что-то обсуждала с Олегом. Хорошо так обсуждала, качественно. От её умственных усилий у меня шерсть дыбом встала. В самом прямом смысле этого слова от наэлектризованности воздуха. А жители соседних домов, надо думать, были весьма недовольны внезапными телепомехами.

Кошмар! Что же будет, когда девчонка вырастет и пойдёт учиться? Перед каждой контрольной в доме перебои с электричеством, а в сессию весь квартал без света сидит?!

Но смех смехом, а... до меня наконец-то дошло, что пытались сделать эти малолетки!!!

И Олег конечно же схлопотал очередную воспитательную царапину.

– Ты чему ребёнка учишь, псих?

– Как это – чему? – искренне удивился парень,– Как маму искать! Ленка транслировала мне её ментальный образ, и теперь мы пытаемся наладить сдвоенный поиск. Без инструментов, конечно, фигово получается; точность плохая. Но нам хотя бы район нащупать, а там Ричи её по запаху...

– Это пар-р-ра пустяков, миледи,– поддержал его пёс. – Пр-р-роще, чем окор-р-рочок с р-р-рынка спер-р-реть.

– Для тебя, может, и пара пустяков,– согласилась я, старательно не замечая подробностей про похищение окорочков,– но учить четырёхлетнего человека пространственному поиску – это... это...

– Это просто здорово! – перебила меня девчонка,– Мы так быстро-быстро найдём маму и вернём её домой. Вы не волнуйтесь только, я ей не буду говорить^ что я настоящая ведьма. Да она мне и не поверит всё равно. А когда мы её найдём, она обрадуется и вернётся домой. Только вам надо будет спрятаться, наверное. А то она собак боится. А на кошачью шерсть у неё аллергия. А со взрослыми дядями мне вообще ходить нельзя, даже если они не маньки и не вампиры! Вот...

– Вот! – завопил Олег. – Кажется, нашёл! Где-то в районе Кубанской, в переулках. Чуть южнее. Карты здесь, понятное дело, нет. О Джи-пи-эс я вообще молчу. Значит, будем искать методом тыка, и да помо жет нам Рэндомайз, во имя Контрола, Альта и святого Дела.

Эскейп!

– Пр-р-рогр-р-раммист! – уважительно гавкнул Ричард.

– Раздолбай, – уныло согласилась я.

Пока наша разношёрстная компания сбегала вниз по ступенькам, я попыталась связаться с Варькой. Безрезультатно. То ли какая-то посторонняя магия блокировала сигнал, то ли, О плохом думать не хотелось, Но пришлось! Потому что я поняла, как нам предстоит добираться на другой конец города. Все пристойные мысли из головы сразу же улетучились.

– Я туда не полезу! – решительно заявила я, выгибая спину и настороженно косясь на огромный чёрный мотоцикл. – А если эта штука развалится на кусочки на скорости двести километров в час?

– Не развалится. Всё тыщу раз проверено, Мусь. Всё надёжно, как заклинание трёхслойного щита.

– Вот это-то я и боюсь. Запомни, мальчик, надёжных заклинаний в природе не существует. Единственное, что не может отказать, находится у тебя внутри.

– И что это? Желудок? Лёгкие?

– Мочевой пузырь? – вставила своё предположение девочка.

– Душа, обалдуи! – фыркнула я. И грациозным прыжком взлетела на железного коня, пристроившись между Олегом и Леной.

– А я пр-р-робегусь, пожалуй.

– Ну уж нет! – Ко всеобщему хору присоединилась даже я. Уж больно хотелось посмотреть, как пёс будет взгромождаться на мотоцикл.

Ну он и взгромоздился – под наши ехидные смешки и комментарии. Замер, вцепившись зубами в пояс Олега, и шумно вздохнул.

– А что это вы тут делаете, а? Почему без меня? Тяв?!

Про псевдоболонку мы, признаться, совсем позабыли. И я ничуть об этом не жалела. Было бы что помнить...

Её и ответом-то никто не удостоил. Я не посчитала нужным, у Ричарда пасть была занята, Олег как раз заводил свой агрегат, а Лена, может, и хотела поздороваться с ещё одной говорящей собакой, но мотоцикл уже рванул с места.

Придорожные деревья слились в одну большую серо-зелёную полосу. Редкие встречные водители, глядя на нас, недоумённо протирали глаза, чтобы в следующее мгновение убедиться, что всё это им только померещилось. Малявка верещала от восторга, Олег орал «Я – король дороги!» – Ричард поскуливал сквозь сжатые зубы, а я... я вдруг почувствовала, как в неспешный ход моих размышлений врывается Варькина безумная круговерть.

– Мусь, ты не поверишь! Их два!

– Чего два?

– Два портала! Одновременно, из одной и той же точки! И оба к нам. И оба не отзываются! Ты точно уверена, что там не армия на драконах?

– Уже нет. А что, всё так плохо?

– А как ты думаешь?

– А я не думаю, мне не положено. Ты же у нас Верховная! А помочь ничем не могу, не моя компетенция.

– Вот вечно ты так!

– Ну извини, как умею... – фыркнула я, разрывая связь.

Ничего, сама как-нибудь разберётся. В любом случае отвлекаться на болтовню со мной Варваре сейчас не резон. Пусть за порталами своими следит.

Тем более если их два.

– Прибыли! – провозгласил вдруг Олег и резко затормозил своего стального коня.

– Что, уже? – удивилась девчонка.

– Тут ехать-то...

– Нуда. Всего-то полгорода по закоулкам, – буркнула я, соскакивая на землю. Следом за

мной скатился Ричард, причём выражение морды лица у него было как у святого великомученика.

– Не, обр-р-ратно точно пешком побегу. Мне ещё жить не надоело.

– Ладно, хватит ворчать. Ты лучше нюхай давай. Была она тут? – поторопила я.

Пёс рассеянно потянул носом воздух... и вдруг рванулся вперёд, взмахом хвоста приглашая последовать за ним.

----- Нашёл?! – взвизгнула Ленка, припускаясь следом.

Двортерьер промолчал, погружённый в бездну запахов, но и без того было понятно, что след он поймал.

Пока я задумчиво смотрела вслед удаляющейся парочке, Олег нерешительно переминался с ноги на ногу, косясь на меня.

– Что сидим? Кого ждём? – наконец решился спросить парень, – Мы с тобой бежим, идём или едем?

– Я – еду! – мурлыкнула я, грациозно вспрыгивая ему на руки, – А ты – бежишь.

– Муся, ты...

– Самое очаровательное в мире существо, я знаю. Но всё равно спасибо, что не забываешь мне об этом напомнить. Мне приятно, честное слово.

Олег благоразумно промолчал и бросился за Ричардом и Ленкой. Я, пользуясь возможностью, устроилась поуютнее, прикрыла глаза и попыталась осмотреть район на предмет магических возмущений. На первый взгляд всё было спокойно, но именно это меня и напрягало. Потому что с пресловутым кошачьим шестым чувством творилось что-то неладное. Сердце то и дело тягостно сжималось, и мысли путались, цепляясь одна за другую.

– Паршиво, – проворчала я.

– Что именно? – не сбавляя хода, уточнил мой почётный носильщик.

– Да всё! И то, что эта малявка – потенциальная Верховная, и порталы эти непонятные...

– Какие ещё порталы?

– Говорю же – непонятные. Если хочешь, у матери спроси.

– Пробовал. Не отзывается она, – вздохнул парень.

– Вот и я говорю – паршиво!

Тут мы поравнялись с Ленкой. Девчонка изо всех сил пыталась поспеть за псом, но уже явно начала уставать. Олег недолго думая подхватил её свободной рукой и зажал под мышкой.

– Ой, как здорово! – тут же завопила малявка, – Меня ещё никогда мальчишки на руках не носили. А правду говорят, что, когда женятся, жених невесту всегда на руках носит?

– Угу, – не особо вслушиваясь в её болтовню, кивнул Олег.

– А ты мог бы быть моим женихом?

– Ты подрасти сначала.

– А когда подрасту? Ты меня на руках носить будешь?

– Угу. Обязательно, – буркнул парень, чтоб хоть как-то отвязаться от малолетней вымогательницы.

– И женишься на мне?

– Посмотрим.

– Нет, ты пообещай!

– Ладно, женюсь.

– Ой, свадьба! – радостно заверещала девчонка.

– Так, юная леди, – не выдержала я, – давай ты попозже помечтаешь о свадьбах, а сейчас успокоишься и помолчишь.

– Да я не мечтаю, – надула пухлые губки Ленка. – Просто вон там свадьбу празднуют, вот я и подумала...

Я машинально проследила её взгляд и увидела вереницу украшенных лентами машин, стоящих возле входа в небольшой, искусно спрятанный в переулке ресторанчик. И именно к

этому ресторанику направлялся Ричард. Ну что ж...

– Мама – там! – уверенно провозгласила малявка.

– Да, по всей видимости, так оно и есть, – согласилась я.

Олег опустил девчонку на землю, и она со всех ног бросилась к дверям... которые как раз в этот момент кто-то открывал изнутри. Под свет фонаря ступили двое: красивая рыжеволосая женщина под руку с высоким статным мужчиной.

Женщину я узнала – Татьяна была одной из сильнейших магичек города. А вот её мужа я видела всего пару раз, и то мельком. Но вот уж воистину у нас не город, а большая деревня! Куда бы ни пошёл – наткнёшься на знакомых,

– Ой... не мама! – ошарашенно пролепетала Ленка.

– Да, я уж точно не мама. То есть мама, но не твоя, – приветливо улыбнулась Татьяна. И вежливо кивнула, заметив меня: – Здравствуйте, миледи. Привет, Олег.

– Привет, – чуть замешкавшись, ответил парень. – Не ожидал вас тут увидеть. Какими судьбами?

– Гуляли у знакомых на свадьбе. Только домой уже пора. А то мне что-то беспокойно. Ребёнка там одна сидит...

– Вот, – вздохнула Ленка, – все нормальные мамы домой спешат, только мою где-то носит...

– Ну мою тоже, – хмыкнул Олег. – Ничего, найдутся, никуда не денутся.

– Причём одна из них найдётся прямо сейчас, – мяукнула я, поднимая взгляд.

По тёмно-синему полотну, покрытому крупными звёздами, пробежала смутная рябь. И почти одновременно с этим хлопнул открывающийся портал, пропуская Варвару. Верховная, всем телом прильнувшая к разогнавшейся метле, заложила над нами крутой вираж, что-то высматривая в только ей доступной дали, и вдруг резко завопила:

– Олег, прикрой дома. Муська, контур!

Я всегда отрицательно относилась к попыткам мною понукать, но сейчас беспрекословно прыгнула на землю и небрежным движением воздвигла непроходимый барьер, отгородив нехилый кусок улицы. Потому что ведьма была не на шутку встревожена.

И причина её тревоги выяснилась через несколько мгновений.

В вышине хлопнул ещё один портал, из которого вывалился непонятный вопяще-скулящий комок. Я не сразу сообразила, что это. Лишь когда этот неопознанный падающий объект рассыпался на две составляющие, стало понятно, что скулящее – это крупный лохматый щенок, а вопящее – замотанный в красную тряпку младенец.

Варвара, прошипев сквозь зубы что-то нецензурное, рванулась наперерез ребёнку. Каким чудом она успела его поймать, я не видела. Да, признаться, и не смотрела, потому что сама в этот момент пыталась спасти щенка. Ситуация осложнялась тем, что спасаемый был раза в два крупнее меня.

Впрочем, раз уж решила...

Махнув лапой на все принципы и предрассудки, я взвилась вверх, попутно принимая свой настоящий облик. Олег за моей спиной разочарованно вздохнул. Помнится, он всё мечтал понаблюдать, как я превращаюсь, а оказалось, что смотреть-то и не на что.

Это только в человеческом кино такие события сопровождаются взрывами, вспышками и красивыми (или не очень) картинками, изображающими перестройку организма. На самом же деле я просто стала собой, подхватила в воздухе верещащий комок меха, осторожно приземлилась и спустила псёныша на землю. А потом брезгливо отряхнула руки (нет, ну надо же! Я – и спасаю собаку! Стыд-то какой!) и перекинулась обратно.

Заняло всё это какие-то доли секунды. Татьяна с мужем ещё не успели толком сообразить, что произошло, а Верховная уже соскочила с метлы и протянула им пойманного ребёнка:

– Значит, так, дитё в зубы и шагом марш отсюда. Да побыстрее.

– А потом?

Ох уж эти мужчины с их последовательным мышлением.

– Поживём – увидим, выживем – узнаем,– хмыкнула ведьма,– Но за ребёнка головой отвечаете! Всё, одна нога здесь, другая... Да кто вас просил сразу бежать? Сейчас дырку открою!

И в самом деле, перед семейной парой тут же распахнулся небольшой портал. Татьяна кивнула, стиснула руку мужа, прижала к себе ребёнка и шагнула в неизвестность. Впрочем, я не сомневалась, что выйдут они благополучно ----- возле своего подъезда или вовсе внутри квартиры. Варвара не случайно слыла мастерицей по части пространственных прыжков.

Но не успела я задуматься, что бы всё это значило, как спасённый щенок рванул с места и нырнул в закрывающийся портал. Пространство схлопнулось за ним, откусив на память кончик хвоста. А я ведь даже рассмотреть этого зверёныша толком не успела. Как, кстати, и младенца – разглядела лишь по-эльфячьи острые ушки да эльфийскую же букву «М», вышитую на пелёнке.

– Мам, а можно пару вопросов? – не выдержал Олег.

– Вопросы – можно. Но ответов не дождётесь,– фыркнула Варвара и снова вспрыгнула на помело.– Лучше готовьтесь. Сейчас здесь будет жарко!

– Армия на драконах? – ехидно осведомилась я.

– Что, правда? На настоящих драконах?! – восторженно взвизгнула Ленка.

Признаться, я уже успела про неё забыть, поэтому невольно вздрогнула.

– А детям тут вообще не мес...

Конец фразы утонул в грохоте.

Если открытие обычного портала воспринимается на слух как тихий хлопок, то в этот раз звук был такой, будто на соседней улице ударила молния. И тем не менее это был портал. Очень крепкий, целенаправленный и междумировой.

– Прорвалась-таки, с-с-селёдка сушёная,– прошипела Варвара и покрепче ухватила помело.

Ногти у неё на руках удлинились и засеребрились, а зрачки вытянулись вертикально. Ведьма готовилась к бою.

Олег молча задвинул Ленку себе за спину и не мудрствуя лукаво создал в каждой руке по пульсару.

Ричард припал к земле и глухо зарычал.

Я выпустила когти и выгнула спину.

И, честно говоря, это было практически всё, что я могла сделать. В конце концов, моё время давно прошло, а настоящий облик очень уязвим и недолговечен. Только и годился, что ловить падающих с неба щенков. А для драки гораздо более полезными будут крепкие когти и острые клыки. Знать бы ещё, с кем драться...

Противник, впрочем, не замедлил появиться: из портала вылетела женщина. Именно вылетела, а не выпала. Просто так, без всяких подручных средств, зависла в воздухе и окинула нас таким взглядом, что даже я невольно поёжилась. И в следующее мгновение почувствовала, как меня оторвало от земли и понесло куда-то вбок. Причём с такой силой и злостью, будто незнакомка год для этого энергию копила.

Взвыв от обиды (это же надо – швырять меня, как обычную кошку!), я кое-как выровнялась, подобралась и прыгнула на обидчицу. И тут же Олег метнул в неё оба своих пульсара. И тут произошло такое, чего я никогда в жизни не видела. Женщина выставила вперёд руки, перехватила сгустки магии, как детские резиновые мячики, и сразу же метнула их обратно. Олег отпрыгнул в сторону, а ближайший куст превратился в аккуратную горстку пепла.

Зато мне удалось приземлиться на плечо незнакомки. Впрочем, лапы сразу же соскользнули с атласного платья. Я честно выпустила когти, пытаюсь зацепиться хоть за что-нибудь, но тут женщина раздражённо дёрнулась, и меня снова снесло в сторону. При этом я готова была поклясться, что сумела располосовать ей руку, но она, кажется, вовсе не заметила этого. А кровь или незаметно впиталась в алую ткань, или её вовсе не было.

Ричард попытался повторить мой подвиг, подобравшись к незнакомке с тыла, но до

заветной пятой точки не допрыгнул и успел только куснуть шлейф платья. После чего, повинувшись неистовой магии, красиво вписался в столб.

Брр... Что же это за наваждение такое...

Варвара выдала длинную непечатную тираду, которой позавидовали бы портовые грузчики, и долбанула незваную гостью чем-то невидимым, но очень ощутимым. Откат дошёл даже до меня, заставив шерсть на загривке вздыбиться. Но незнакомка едва поморщилась и в ответ устроила самый настоящий звездопад. Огненные шары падали с неба, разрывали электропроводку и оплавливали асфальт.

При этом сама нападающая и не думала подставляться под удар. Она просто вежливо помахала нам ручкой... и исчезла.

То есть умом я понимала, что она просто незаметно шагнула в очень искусный портал, но это было так похоже на совершенно мифическое исчезновение или на невидимость... Я тщательно приняхалась... Нет, всё-таки портал!

– Мусь, ты мне помочь не хочешь, а? – Верховная соорудила над нами защитный купол и теперь изо всех сил пыталась его удержать. Но шары оказались не так просты, и с каждым ударом наша защита всё больше и больше истончалась. При этом звездопад и не думал кончаться. Я влила в купол большую часть имеющейся у меня силы и поморщилась.

– Слушай, это вообще кто?

– А я знаю? – огрызнулась Варвара. – Прилетела тут и начала права качать. А я очень не люблю, когда мне в моём мире условия ставят. Тем более что мне и хозяйничать-то здесь осталось всего ничего.

– Да ладно себя хоронить-то! – вмешался Олег. – Ведь жива же пока!

– Ключевое слово – «пока», – ухмыльнулась ведьма. – Вон, и преемница уже готова. Ты ведь готова?

– К чему? – удивилась Ленка.

– К тому, чтоб управлять всеми магами и ведьмами этого мира, конечно.

От такой перспективы у малышки аж глаза на лоб полезли.

– А экзамен какой-нибудь сдавать надо?

– Экзамен? А хочешь? – Голос Варвары становился всё тише.

Она явно начала уставать. Я, впрочем, тоже... А вот шары – нет.

– Ну если надо...

– Тогда... Ты же умная девочка. Вот и придумай, что нам сделать с этой нехорошей тётей, которая ни с того ни с сего решила нас испепелить.

– А где она сейчас?

– Нырнула в портал. Но выскочить может в любую секунду. Ну?

Ленка задумалась. Думала она старательно и совершенно по-детски: морщила лобик, накручивала на палец прядь белокурых волос, теребила юбочку. А потом всё же решилась спросить:

– А что такое портал?

Теперь задумалась Варвара. И в самом деле, как в двух словах объяснить ребёнку всю теорию пространственного перемещения? Ситуацию спас Олег, который и сам ещё от ребёнка недалеко ушёл:

– Вот представь себе шланг. Только он невидимый. Ты ныряешь в него на одном конце, очень быстро пролетаешь и вынырываешь на другом. Там, где тебя никто не ждёт. В другой комнате или в другом городе. Или в другом мире.

– А никто не может догадаться, что сейчас ты вынырнешь?

– Это можно вычислить, но только перед самым-самым появлением.

– А зажать тот конец, через который выходят?

– Я пробовала. Но эта зараза такая сильная, что ей все зажимы как Муське паутинка.

– А если... А если приставить к выходу другой шланг, но входом? И чтоб выход у него был там, где нам надо? Ну она не успеет остановиться, когда будет выходить, и улетит дальше...

– Умница! – воскликнула Варвара, – Я всегда говорила, что устами младенца... Только вот куда бы нам её зашвырнуть?

– Скажите, миледи, а шланг... он ведь гибкий? – вмешался Ричард. И, дождавшись нашего дружного кивка, продолжил: – А когда она ныр-р-рнёт в наш шланг... ну то есть пор-р-ртал... можем мы тогда взять тот конец, котор-р-рый выход, и приставить его к тому, котор-р-рый вход? И пусть себе летает по кругу!

– Ричи, ты гений! – завопил Олег. – Только всё рассчитать надо...

– Некогда рассчитывать, – прошипела я, вслушиваясь в колебания энергии. – Сейчас выскочит...

– Снимаю купол!

Эх! А вот об этом я не подумала!

Этим вечером все только и делали, что исчезали в порталах и появлялись из них же, поэтому я совершенно забыла, что вообще-то создание пространственной дырки – работа тонкая и ответственная. И прикладная. То есть пространство при этом нужно чувствовать руками. И чтобы поставить портал перед носом у злобной незнакомки, нужно быть там, перед её носом.

Слишком опасно!

Пока я корила себя за неосмотрительность, Варвара верхом на метле взмыла вверх, искусно лавируя между огненными шарами. Они всё ещё падали, эти злополучные шары. Или у нашей гостьи был бездонный резерв, или... К сожалению, больше никакого «или» не придумывалось.

Мгновения показались вечностью. Я не видела... такое невозможно увидеть... Но я чувствовала, как

Верховная разрывает пространство, погибает этот треклятый «шланг»... И как летит с внезапно очистившегося неба последний, необычайно яркий и стремительный шар.

– Берегись! – Мы закричали это хором. Закричали – и поняли, что опоздали.

Нет, у Варвары был выбор. В последний момент увернуться от опасности – или замкнуть портал. Она выбрала второе.

Я отвернулась, чтобы не видеть, как её сшибает с метлы и вдавливают в землю. Как бросаются к тому, что осталось от её тела, Олег и Ричард. Мужской рефлекс – всегда быть в центре событий. Даже в такой ситуации. Впрочем, Олега можно понять. Когда он рухнул возле матери на колени, глаза у него были совершенно стеклянные. И чёрные. Он ничего не говорил, просто смотрел...

У меня к горлу подступил комок... Варвара...

Она была ещё жива, но я подходить не стала. Мне и отсюда было прекрасно видно раздробленные кости и тускло отсвечивающую кровь, разлившуюся по асфальту. Неаппетитное зрелище.

– Мария...

– Что? – Я оглянулась.

Девчонка подошла ко мне вплотную, но смотрела куда-то вдаль – не то на светлеющий горизонт, не то на вереницу бетонных столбов, соединённых проводами.

– Мария... а если она умрёт, то...

– Она умрёт! – решительно обрубил я. Ни к чему плодить лишние иллюзии. – Ни одна кошка... и тем более – ни один человек не оправится от таких ран. Ты разве не чувствуешь?

– Чувствую, – покорно кивнула Ленка. – Я теперь всё чувствую. И как ей больно – тоже чувствую. И ещё я теперь знаю, кто ты. Я про тебя в книжке читала. Только мама говорит, что это сказки. Ну то есть мифы. Но это ведь одно и то же, да?

Я глубокомысленно хмыкнула.

И неожиданно для самой себя подалась вперёд, пресловутым шестым чувством унюхав какие-то изменения в поведении Олега. Парень вдруг прекратил скорбеть, вскочил на ноги и, оглядевшись, бегом рванул к ближайшей мусорке. С энтузиазмом порывшись в ней несколько мгновений, он выудил сомнительной чистоты бутылку из-под водки и бросился

обратно.

Пахнуло магией. Очень сильной магией. В обычной ситуации у меня бы от такого шерсть дыбом встала, но сейчас она ещё и улечься-то толком не успела...

– Что он делает? – удивлённо спросила малявка. И сама тут же ответила на свой вопрос: – Хочет поймать её отлетающую душу?

– Почти угадала, – мурлыкнула я. – Только душу в бутылке не удержишь. Ему нужно всего лишь её последнее дыхание.

– И тогда он сможет её воскресить?

– Скорее всего – нет. – В этот раз я решила быть предельно честной. – Но он всё равно попробует. И ещё раз попробует... Что ж, по крайней мере в ближайшие лет семь ему будет чем заняться.

– А потом?

– А потом выйдут все возможные сроки.

– Поня-а-атно, – протянула девчонка.

И тут...

Нет, гром не грянул. И молния не ударила в телебашню, озарив всё вокруг неоновой вспышкой. И даже воробьи не вспорхнули с ближайшей акации шумной чирикающей стайкой.

Лишь тихо звякнула завинчиваемая крышечка бутылки да Ленка тяжело вздохнула, будто силась поднять груз, который ей не по плечу.

В этом мире снова сменилась Верховная ведьма. И это не было большой бедой – скорее традицией, законом природы. Но на душе отчего-то было так тоскливо, что хотелось выть. Громко и совершенно по-со-бачьи. Потому что только собаки могут так отрешённо и самозабвенно оплакивать смерть хозяина. И пусть Варвара не была моей хозяйкой... но подругой, соратницей... И если бы было возможно – я отдала бы за неё одну из своих девяти жизней. Точнее, из оставшихся трёх.

Жаль, не тот случай...

Гнетущую траурную тишину прервал весёлый гомон. Двери рестораника распахнулись, и наружу вывалилась развесёлая толпа, возглавляемая с трудом держащимися на ногах молодожёнами. Я едва успела накинуть на место побоища плотную иллюзию, когда малявка резко переменилась в лице и с воплем «Мама!» бросилась к одной из празднующих.

– Ленка, ты что здесь делаешь? – всплеснула та руками. – Ты как сюда попала?

– Мам, я тебя искала. Ты же не предупредила, что задержишься. А я котлеты пожарила, а они уже остыли. И мне было так грустно, – бодро затараторила девчонка.

– Ты что, одна сюда пришла? Ты откуда вообще узнала, куда идти?

– Я не одна, я с Олегом приехала!

– С каким ещё Олегом? – нахмурилась мамаша, – Я тебе сколько раз говорила, что с незнакомыми дядями общаться нельзя!

– Он не знакомый! Он сказал, что, когда я вырасту, он на мне женится. Честное слово!

– А квартира? Она что, открыта? О господи! Это не ребёнок, это какой-то кошмар. За что мне такое наказание?!

– Я не наказание, я – ведьма, – попробовала возразить малявка, но родительница была непреклонна.

Подхватив сопротивляющуюся дочурку на руки, женщина строевым шагом направилась к выходу из переулка.

А я осталась. Мне некуда было спешить.

Элеонора Татаринцева

ДЖОННИ

«Интернет... Это помойная яма, в которую сваливают все кому не лень всё что ни попадя! Никакой таможни, никакой цензуры и никаких границ! Умопомрачительная вседозволенность! Вот и помрачаются... Ччерпают из этой клоаки все, кто только научился мышкой двигать и на кнопки нажимать. И прикипают к поганому окошку монитора, как к замочной скважине, продвинутые, свихнутые с ума, начисто забывшие о реальности – наши дети. Конечно, и очень нужная информация, и оперативность, и объём услуг, немыслимый ранее, – всё это плюс. Но пока до нужного сайта докопаешься, сто пудов мусора на голову обрушишь. Это как в секунд-хенде – среди тонны чужих отбросов одно изделие с бирочкой производителя...»

Так в своё время старомодно негодовал и сокрушался отец пятнадцатилетнего Женьки в попытке оторвать сына от компьютера. Безуспешно! Никак не состыковывались интересы двух поколений, и, непонятый, он, чтобы хоть как-то сохранить ниточку взаимоотношений, продолжал поставлять материальные средства на технический алтарь сына. Всякое новое программное обеспечение, видеоплаты, видеокарты – это были ценности первой величины. Он перестал понимать сына уже давно и обиженно считал, что именно Интернет повинен в этом. Все мысли – игровые диски, все друзья – в чате, все время – за компьютерным столом... Даже имя своё Женька переделал на западный лад, назвавшись в Сети – Джонни. О, если бы вернуть то время!

И вовсе не Интернет отобрал у него сына, а двое подонков, возможно, из таких же любителей игр, для которых жизнь и смерть стали понятием виртуальным. Просчитанные ходы действий имели для них гораздо большее значение, чем реальный результат. Удача выводит на следующий уровень опять же действий, неудача – всего лишь вариант... Цена жизни? Она определилась стоимостью мобильного, который они забрали у парнишки.

И лучше бы он не сопротивлялся, а отдал бы добровольно всё, что имел! Но любители игр серии «Меча и магии» имеют свою мораль, не совместимую с моралью играющих в «СТА».

«Лучше бы он не сопротивлялся... – в который раз горевал отец, скорбя о сыне, – Может, остался бы жив...»

Телефон потом вернулся, пройдя с десятков перекупщиков, Женька – нет. Его палачей тоже так и не нашли. Слишком часто стали происходить подобные вещи в утробах наших городов. И слишком трудно стало вычислять в наших благополучных мальчиках и девочках потенциальных убийц...

Женькин отец снова и снова перебирал свои горькие думы, присев за рабочий стол сына. Экран монитора, обычно всегда заманивающий взгляд разными картинками, тускло демонстрировал свою неживую поверхность. Это угнетало ещё хуже, чем тишина... Не выдержав, он включил «пилот». Экран ожил, появились заставка и окно приветствия. А через мгновение проявил себя, неожиданно выметнув из глубины памяти, живой образ сына. Отец вздрогнул... Когда это Женька успел сменить картинку рабочего стола?

Отцу стало ещё горше от этого привет из прошлого. Непроизвольно пальцы побежали по клавишам. Захотелось высказаться, выкрикаться в пространство, в никуда... И короткий текст был отправлен наобум в глубины того же проклятого Интернета.

«Где ты теперь, Женька? Как мне не хватает тебя!»

Компьютер немного помедлил, переварив полученный сигнал, потом утробно заурчал и выдал ответ:

«Привет! Это я, Джонни! Как дела?»

Это могло быть только чудовищной случайностью... Или сумасшествием... Или злым розыгрышем...

Пальцы лихорадочно забегали по клавиатуре:

«Ты кто? Кто мне ответил?»

«Знаешь, я живу в чате. Здесь так много клёвых друзей! Не бойся, заходи и ты!»

Отец не понимал, каким образом и куда он пробился. Похоже, компьютер взял на себя руководящую роль, оставалось слегка соответствовать...

Экран выдал аватару даже без запроса. Это был образ сына! Отец так и не решил, в здравом ли он уме. Он вообще ничего не успел для себя решить. Потому что просто продолжал набирать новый текст:

«Не уходи, пожалуйста! Поговори со мной! Так одиноко жить без тебя!»

Джонни: «Что такое жизнь? Даже наши самые давние предки задавали этот вопрос. Они сравнивали жизнь с рассветом и закатом, с цветком и радугой – в общем, с тем, что видели. Об этом и первые наскальные рисунки, ты не находишь? Позже она была садом и полем, огнем и избой. Потом она стала поездом и автомобилем, рыболовецким колхозом им. Ленина, и акциями Газпрома, и ещё много чем... Но, несмотря на это, жизнь как была туфтой, так и осталась. (Как у меня)».

«Не говори так! А мы? Разве мы зря дали тебе её – жизнь?»

Джонни: «Предки у меня клёвые! Но всё равно – чужие. Они ничего не понимают... Заходи на чат! Это совсем другой мир!»

Скрипнула входная дверь. Пришла жена. Отец торопливо свернул сеанс – ей ни к чему лишние расстройства. С этим он справится сам.

За неделю общения с виртуальным Женькой отец узнал о нём больше, чем за предыдущий год. Сообщения носили отрывистый характер и порой не соответствовали вопросу. Поэтому для себя отец решил, что это какой-то странный сбой в программе и злополучный Интернет посылает ему прошлую переписку сына с его виртуальными друзьями. Он не был особенно силен в этой технике, так, на уровне скромного «чайника»... Но эта иллюзия несла хоть какое-то утешение!

Джонни: «Посмотрел «Мы из будущего». Феерическая клюква про то, что есть не только Билл (он всё же лучший), но и весёлые чуваки – солдаты. Туфтовая муть для тринадцатилетних. Там ещё солдаты ходят в бейсболках, окруженцев принимают в состав части. Про медсестру вообще молчу – мочалка квашеная! Когда я был маленьким, смотрел нормальные фильмы про войну типа «А зори здесь тихие», «Аты-баты...», и как-то ничего, нормально всё было. Почему нельзя снимать более правдиво и быть более точным в деталях? Подростки, правда, тащатся до визга. А девчонки слезы утирают. По спецэффектам съёмочная группа должна передавать привет Майклу Бею («Пёрл-Хар- бор-2003») – содрано отлично! В остальном – унылая дрянь. К просмотру запретить, режиссёра – в топку, продюсера в суд за растрату госбюджета!»

«Значит, тебе старые фильмы больше нравились? А я-то думал, что тебе современные дебильные боевики по душе».

Джонни: «Веселье, впрочем как и дебилизм, бывает очень разное. Когда это «веселье с дебилизмом» и к месту, и по теме – весело. А когда веселье лишь подтверждает наличие симптомов дебилизма, то это уже не смешно! И вообще, я против насилия, я за биоразнообразие».

«Я и не предполагал, что ты так рассуждать умеешь. Мальчик мой, я же тебя совсем не знал!»

Джонни: «Мне пришла в голову интересная мысль – если в чай или кофе вместо двух кусочков сахара класть один, то можно сократить потребление вдвое. Стоит задуматься! С одним меньше потолстеешь и по-прежнему сладко. Надо маме сказать, может, ей эта мысль понравится!»

Эти странные диалоги продолжали притягивать подсевшего на Интернет отца. Старательно скрывая своё занятие от жены, он выбирал надёжное время её отсутствия, чтобы выйти в Сеть. Это случалось нечасто – их график работы почти совпадал. Но всё его ставшее бесполезным время заполняли мысли о Джонни, ждущем его вызова. Во всяком случае, так казалось отцу, потерявшемуся в реальностях и иллюзиях настоящего... Джонни ни разу не обратился к нему прямо. Все диалоги имели направление как бы к третьему лицу, как бы случайно совпадая по мысли и теме...

Зато в обыденной жизни с женой они совершенно не упоминали имя сына. Горестным подсознанием наложенное табу блокировало все разговоры на эту тему. Даже портреты Женьки исчезли с видных мест, спрятавшись в более потаённые, не видимые праздному глазу. Так было проще горевать!

Однажды ночью он проснулся от неясной тревоги. В комнате сына горел слабый свет. Жены рядом не было. Он поднялся и тихонько приоткрыл дверь. Экран светился мягким сиянием неведомого, и по синему полю бежали лёгкие буквы текста:

«Здравствуй, сынок!»

«Привет, мам! В чате всё спокойно! А у вас?»

«Всё нормально, ну почти... Ты снова со мной... Только не исчезай совсем, ладно?»

«Вы у меня молодцы, предки! Всё будет в шоколаде!»

Тихо-тихо, стараясь не скрипнуть дверью, он подошел и встал за спинкой компьютерного кресла. Жена не испугалась, кожей почувствовав его присутствие, и, откинувшись, так же тихо прислонилась головой к его груди. С экрана на них смотрели весёлые глаза сына...

С этого момента общение с Джонни стало для них смыслом жизни. Они в буквальном смысле подсели на Интернет, всё больше и больше проникаясь к нему благодарностью. С жадностью, чуть ли не соревнуясь, изучали специальную литературу, оставшуюся от сына. Почти ничего не понимая, стыдились сами себя и снова открывали компьютер, чтобы узнать что-то новое. Оказывается, возраст – это не только достоинство, но и ущербность, если топтаться на одном месте. В это время другие начинают своё движение по жизни, и у каждого свои точки отсчёта. И можно двигаться даже в одном пространстве и даже в одном направлении, но не соприкоснуться...

Сейчас отец осторожно дотрагивался, двигая мышкой, до этих жизненно важных для другого точек и, открывая файлы, открывал мир.

«Я прослушал твои записи песен группы «Пилот». Я и не знал о таких. И, знаешь, меня зацепило... Такой музыки в наше время не было. А тексты! Прости, я всегда критиковал новое время за его дешёвые песни. Просто оно развивается по своим законам, и можно совпадать или выпадать из общего ритма. Мне захотелось совпадать...»

Джонни: «Группа «Пилот» поют с 1997 года. Тут дело даже не в том, кто он, Илья Чёрт. Пусть даже был бы кто другой. Он человек достойный уважения, которому досталась очень тяжёлая ноша. Хотя он сам говорил, что это помогло ему познать себя. И наркотики, и онкология плата за это, только очень высокая».

«Когда я слушал песню «Уголь и перья», почему-то вспоминал Цоя. А ещё «Нет вестей с небес»...

Джонни: «Я часто думал об этом. Песни... Сегодняшним днём... И на свете одним меньше человеком... И скажут – классным был он парнем...

Он уже знал. Уже конечно же всё знал. Мне один человек сказал, что это фанатизм... А что же тогда участие? Сострадание?! Такого уже нет? Вот и всё, прости, пора... Мне обидно за тех, кто не понимает. А чтобы понять, совсем не обязательно слушать группу «Пилот». Совсем необязательно знать, кто такой Илья Чёрт... Когда я услышал песни этой группы, я открыл для себя новый мир. Огромное спасибо моей подруге – Лисёнку. «Пилот» не просто группа. Это что-то большее... Мне кажется, что уже появилась особая такая... микрокультура, что ли... Спасибо «Пилотам!» «Пилотам» – проводникам для заплутавших в этом огромном мире душ».

«Познакомь нас со своими друзьями, Джонни!» – Это уже мама.

Повседневные виртуальные беседы объединили их, как никогда не смогла сделать реальная жизнь.

Джонни: «Друзья приходят сами. Их не надо звать:

Не секрет, что друзья – это честь и отвага,

Это верность, отвага и честь...»

И они действительно пришли, обозначив третий уровень общения.

Скиф: «Любопытно получается... То есть не может быть настоящим другом тот, в ком чести нет, зато есть то же, что у всех, например, совесть? И вообще, почему честь и совесть – разные понятия? Мнения будут?»

Лисёнок: «Ну, может, человек с честью всегда поступит по чести, а совестливый, что ж, помучается-помучается, а гадость всё равно сделает...»

Заноза: «Ну если хотите, коротко обозначу так. Совесть – это моральная составляющая личности. Честь – не моральная, не составляющая и не личности, а скорее общества в определённом плане. Так, аристократическая, честь мундира и прочая, и прочая... А совесть – штука индивидуальная, для общего пользования не предусмотрена».

Гном: «Эй, народ, вам больше делать нечего?! Нашли тему... Скажите лучше, как мне свою аську создать?»

Скиф: «Для начала ты её должен установить на свой комп. Некоторые предпочитают не аську, мейл-агент».

Заноза: «А я могу за недорого по своему коммуникатору болтать с теми, у кого есть мейл...»

Гном: «А у тебя коммуникатор? Вот здорово! Нет, мыло я не хочу».

Джонни: «Пардон, ребята, Инет глюкануло, пришлось комп перезагружать! Гном, расскажи о себе!»

Гном: «Ну... Мне 15 лет, слушаю рок, люблю BMX, аниме...»

Заноза: «Второе – это что такое?»

Гном: «Трюковой байк, маленький такой...»

Джонни: «Заноза, а ты?»

Заноза: «Если в том же ключе, мне 20. Люблю много чего (книги, в основном). Не люблю тоже много...»

Джонни: «Лисёнок и Скиф, вас я давно знаю... Как и вы меня. Итак, дамы и господа! Скоро мой день рождения. Высылаю вам свою фотку и приглашаю в гости. Идёт?»

Лисёнок: «Спасибо! Фотка классная! Это ты по жизни или образ в Мирах?»

Джонни: «Ну Миры – они Миры и есть. Всякие, понимаешь? Я думаю, у каждого из нас там своя ипостась есть...»

– Ты что-нибудь понял? – жалобно спросила жена, оторвавшись от экрана. Он пожал плечами. Признаваться в скудости ума явно не хотелось. Не мужское это дело!

Через несколько дней, возвратившись с работы, он обнаружил празднично накрытый стол. Жена хлопотала на кухне. Пахло пирогами...

– Ты что это затеяла? – недовольно поинтересовался он.

– А ты помнишь, какой сегодня день?

«Еще бы! В этот день Женьке исполнилось бы шестнадцать...»

– Но ведь...

Жена покачала головой, остерегаясь произнесённых слов. Лучше не озвучивать горе...

– Он пригласил друзей! И вообще сегодня сплошной тарарам...

Она взяла со стола злополучный мобильник сына. В нём давно закончился заряд, но тем не менее память была забита новыми эсмэсками с поздравлениями. Среди адресатов знакомо высвечивались: Гном, Заноза, Скиф... Звонок в дверь бросил их обоих в прихожую.

На пороге стояли рыжая девчонка в джинсовке и бритоголовый парень в чёрной футболке с непонятной символикой на груди. Оба были прикованы проводками к своим плеерам, что не помешало им дружненько поздороваться и почти синхронно озвучить вопрос:

– Скажите, здесь живёт Джонни?

Несчастливого отца это окончательно выбило из колеи:

– Да, как вы... Да я!.. – растерянно пробормотал он, не в силах ни гневаться, ни понять что-либо. Из-за спины его тихо выдвинулась жена:

– Проходите, ребята! ДЖОННИ ЖИВЁТ ЗДЕСЬ!

А потом они сидели вместе за столом и пили чай. И ели пироги. И оказалось, что не так уж страшен мир детей. Впрочем, и мир взрослых тоже. Присутствие сына не требовало доказательств. Он был таким же близким и понятным, как никогда в жизни.

Отец бросил украдкой взгляд в сторону компьютера. На мониторе зависла картинка их родной комнаты с накрытым столом посередине. Только по ту сторону экрана стулья были пусты.

— Джонни живёт здесь...

— И мы тоже...

Р. С. Некоторые диалоги героев имеют под собой реальную почву, за что автор благодарен Сети и её обитателям.

Анджей Пилипик

ПРОТОКОЛ ЗАДЕРЖАНИЯ

СЕКРЕТНО Протокол задержания

Имя: Якуб.

Фамилия: Вендерович.

Год рождения: ок. 1900 г. Точной даты не припоминает.

Проживает: Старый Майдан, Гмина Войславице.

Образование: 3 класса церковно-приходской школы (ещё при царе). Утверждает, что на данный момент навыками письма не обладает (вторичный анальфabetизм).

Полученная профессия: Данные отсутствуют. Задержанный отказался отвечать.

Реальная профессия: Общественный паразит, постоянно увильивает от работы. Ранее состоял на учёте за браконьерство и самогонование, а также за необоснованную конфискацию имущества (включая служебных собак) у местных правоохранительных органов.

Сообщники: Семён Панченко – казак, русский монархист. Юзеф (Йосип) Корчашка – тунеядец, самогонщик. Павел Марковский – ксёндз.

Отношение к режиму государства: Категорично негативное.

Причина ареста: Раскапывание могилы на приходском кладбище с целью надругательства над останками

при использовании осинового кола. Пойман с поличным. Акт вандализма объяснить отказался.

Причина освобождения: Лучше не связываться. Ну его...

Комендант М. Бирский Войславице 6. IX. 1985 г.

СВИНОЙ БУНТ

1

Капля отбеливателя ACE сползла по внутренней стенке бутылки с денатуратом. Якуб Вендерович задумчиво посмотрел на происходящие в бутылке процессы и, улыбнувшись, направил по тому же пути ещё одну каплю из пипетки. Фиолетовый краситель помалу исчезал. Губы экзорциста расплылись в триумфальной торской улыбке.

Боль атаковала внезапно. Якуб ойкнул и выбил ногой ведро с кормом для свиней, которое покатилося по полу, расплескивая содержимое во все стороны. Минуту спустя его уже самого кидало на стены и под потолок, да так, что весь дом дрожал. Безрезультатно борящемуся со слабостью Якубу всё же удалось установить ментальную блокаду. И то в

последнюю минуту. Ибо сразу после этого последовал удар ещё большей силы. Банки и глиняная посуда, стоявшие на полках в серванте, буквально разлетелись на черепки. Одновременно повывлетали стёкла из окон, а лампочка под потолком ни с того ни с сего зажглась и накалилась, а потом тоже лопнула. Огонь в печи погас. Самого же Якуба крутануло несколько раз волчком вокруг собственной оси и вышвырнуло во двор прямо сквозь стену. К счастью, балки в этом месте были уже немного подгнившие.

Контакт с серой реальностью, состоявшей из пыли и грязи, был не из приятных. Экзорцист-любигель лежал неподвижно, кося под умершего. Он надеялся, что враг, кем бы он ни был, после такой атаки оставит его в покое. Но неожиданно почувствовал, как чьи-то посторонние мысли силой проникают в его разум. Вероятнее всего, враг проверял, жив ли ещё его соперник. Якуб слабо улыбнулся. Он уже знал, что должен предпринять. В уме сотворил настенные часы и поместил их перед собой на расстоянии вытянутой руки так, чтобы не терять из виду, после чего отключил все свои мысли, кроме монотонного тиканья часов. Отключению разума он научился в баре, после выпитых не то семнадцати, не то восемнадцати стаканов горилки. Теперь этот навык спасёт ему жизнь! Мысли врага ворвались в его мозг. Телепатическая мысль проверила повреждения его тела, а потом взялась за контроль разума.

Но контролировать оказалось нечего, так как мозг Якуба не работал. Он был полностью отключён. Вероятно, враг счёл это за свою победу и, удовлетворённый, отступил. Большая стрелка часов дошла до двенадцати, малая остановилась на шести. Мысли Якуба включились автоматически. Он не любил телепатии и других разных там новомодных штучек, но если его выводили из себя или того требовали обстоятельства, то мог заварить лихую кашу, где телепатия вместе с телекинезом будут просто цветочками. Якуб наложил новую блокаду, после чего проверил состояние своего организма. Если не брать во внимание мелкие ссадины и порезы, то его тело давно уже было хорошенько потрёпанным, одряхлевшим и насквозь проспиртованным. Однако враг, шаривший по лабиринтам его разума, всё-таки оставил свой след.

Портал был ещё активным, поэтому Якуб не замедлил послать обидчику ответ, состоявший из самых нецензурных и грязных мыслей, которые в тот миг пришли ему в голову. А потом резко оборвал соединение между пространственными коридорами разумов и ехидно улыбнулся. Вендерович гордо встал, осмотрелся на своём дворе, отряхнулся от пыли и всякого мусора, который лип к нему, как мухи к навозной куче, и, удовлетворённый, что есть ещё порох в пороховницах, потопал в сторону кухни. Там его ожидало разочарование. Научный эксперимент потерпел крушение вместе с бутылкой денатурата, которую разорвало на мелкие осколки. Якуб малость расстроился, но вспомнил, что под ванной у него стоит ещё пластиковая бутылка с отбеливателем. А за настойку «ягод на костях» он не переживал, так как такое дешёвое пойло продавали в каждом уважающем себя сельском магазинчике.

Якуб вынул из-за печи новехонький совок для мусора. Сын из Варшавы подарил его Якубу на день рождения. Старичок и так без него прекрасно обходился, поэтому никогда и не доставал, так, хранил на всякий случай. Но после такого безобразия не грех и прибраться. Да и совок оказался как раз под рукой, когда надо было собирать обратно в ведро корм для свиней. Хотели его убить или нет, а зверей нужно кормить. Они-то здесь точно ни при чём, бедолаги, а кушать им хочется.

Экзорцист уже было дошёл до хлева, когда его настиг третий выстрел. Якуб выпустил из рук ведро, и опять всё содержимое посуды вылилось на землю. Но в этот раз экзорцист был готов к столкновению. Он скрестил пальцы и направил мощный контрудар. Над селом сошлись в смертельной схватке две Силы, не уступавшие друг другу.

Стороннему наблюдателю то, что происходило, напомнило бы потоп, пожар и ураган вместе взятые. Наконец враг отступил окончательно, как минимум на сегодня. Ещё бы, ведь Якуб его только что неслабо потрепал. Старик, крихтя, опять пошёл за совком. Что за докука убирать дважды в день?! Нет уж, на этот раз он таки накормит свиней!

В деревне люди начали осторожно выходить из своих домишек. После нескольких

секунд выброса заряда такой силы в округе повыбивало пробки, посрывало крыши и вышибло окна; те халупы, что были подревнее, просто перекосило, а в новых постройках осыпалась штукатурка, и они стояли голыми, сверкая кирпичом. Листва с деревьев, несмотря на средину лета, ковром устелила землю. Поваленные заборы уже ничего не ограждали. Жители, как всегда, когда случалось что-то необъяснимое, в страхе поглядывали в сторону холма, на котором стоял дом Якуба Вендеро- вича.

На фоне всеобщего разрушения его халупа вместе с прилегающим хозяйством стояла себе, слепя побелкой на солнышке, не задетая перстом разрушения. Это если не принимать во внимание её возраст и все нарушения правил эксплуатации жилого помещения во время экспериментов. Но так уж сложилась жизнь. Се ля ви, как говорят наши старшие братья по Евросоюзу. Случаи в жизни людей бывают разные. Одного, глядишь, судьба растопчет, а другого и медком балует.

Якуб с ведром вошёл в хлев. Поначалу эта постройка выполняла функцию склада. Хозяин ещё по молодости понатаскал сюда разного хлама типа старых телевизоров, стиральных машин, разных запчастей и прочего мусора, найденного на свалке. В свободное время и при хорошем настроении Якуб запирался внутри с несколькими бутылками самогона и до самого утра при свете керосиновой лампы углублялся в познание тайн механизмов современной техники.

В углу хлева он построил манежик, в котором стабильно набирали вес два поросёнка, Котлета и Отбивная. Якуб сам придумал эти имена, чем очень гордился. Как обычно, он подошел к барьеру манежа и перевернул ведро, целясь в корыто. А потом случилось то, из-за чего ведро в третий раз выпало из рук старика. Отбивная посмотрела на хозяина и молвила человеческим голосом:

– Ты того, слышь, Вендерович, нам с тобой надо обсудить некоторые важные вопросы.

В жизни Якуба случались моменты, когда он слышал от зверей человеческую речь, но, как правило, в таких случаях он был в стельку пьян и воспринимал данную аномалию как последствие белой горячки. Галлюцинации, не более того. Но сейчас-то Якуб был трезвым как огурчик, и у него даже не было похмелья! А это значит, что всё происходило на самом деле!

– Чего хочешь, свинья? – спросил её хозяин.

Он постарался, чтобы обращение «свинья» прозвучало соответственно пренебрежительно, и, кажется, ему это удалось.

– У нас к тебе есть несколько вопросов экзистенциального характера,– сказала Котлета.– И мы требуем переговоров.

Якуб не любил переговоров, особенно в хлеву. Старик на минуту даже задумался.

– Ну и чего, собственно, вам надо? – спросил он почти вежливо.

– Мы не согласны с условиями нашего содержания,– прохрюкала Котлета.– А рацион питания так ни в какие рамки не лезет!

– И вообще,– вклинилась Отбивная,– лично меня интересует, какой идиот и зачем дал нам такие провокационные имена?

– А за беспредел с кастрацией три месяца назад мы требуем возмещения ущерба. Финансового!

– Во, блин! – только и смог ответить Якуб, после чего дал дёру из хлева, захлопнул за собой двери и подпер их доской. Присел на землю и вытер шапкой пот с лица.– Черт знает что! – сказал он сам себе,– И надо было дураку на старости лет хозяйство заводить!

Была среда, а значит, базарный день. Якуб вот уже семьдесят лет как проводил этот день в корчме. И решил, что нарушать традицию нехорошо.

2

Якуб Вендерович шёл через разрушенное село. Люди обычно избегали встречаться с ним взглядом и переходили на другую сторону дороги. Дома – это лишь кирпич и дерево, а

жизнь – она бесценна, к тому же только одна. Каждый, укрываясь в своей хате, как перед исповедью задаёт вопросы своей совести, спрашивая, чем он согрешил в последнее время. Потому что Якуб никогда никого первым не атакował. Всему должна быть веская причина.

Экзорцист споткнулся о деревянную балку, которая преградила ему дорогу, и пробудился от раздумий. Остановился и посмотрел вокруг. С минуту ещё помедитировал над окружавшими его развалинами и пробормотал:

– От холера! Я что, землетрясение тут пропустил или...

3

Светало. Якуб только что приплёлся домой, еле волоча ноги. Как всегда, он возвращался из корчмы в состоянии глубокого опьянения, в народе называемом «до чёртиков». Но, несмотря на его почти невесомое состояние, в нём ещё не уснула ответственность за братьев меньших. И Якуб, как истинный царь природы, решил, что независимо от того, разговаривают ли его свиньи и что они там вообще говорят, а ложиться спать голодными нехорошо. Как во сне, он взял в руки ведро, наполнил его всякой всячиной и занёс в хлев. Открыл двери и замер, ослеплённый внезапной вспышкой света. Внутри тихо ворчал мотор агрегата. Одна из лампочек в углу освещала Котлету, которая, держа в копытце карандаш, набрасывала на побелённой стене эскиз какого-то сложного технического рисунка.

– А, хозяин пришёл! – обрадовался поросёнок. – У тебя случайно не найдётся с поллитра бензина? За нами не заржавеет!

Экзорцист всегда рад был помочь знакомым, поэтому спокойно пошёл в конюшню, где в углу дремал трофейный мотоцикл. А так как Якуб не смог спустить из бака бензин, то прикатил мотоцикл в хлев.

– Сами себе слейте, – сказал он.

– О! Мотор! Большой мощности! – обрадовалась Отбивная. – Так мы теперь построим само...

– Цыц! – осадил её второй поросёнок. – Потом.

– Ну ещё что-нибудь? – спросил Якуб. – А то я жутко спать хочу...

– Не, ничего, – успокоила его свинка. – Иди уже спать, хозяин, небось утомился за целый день.

На том и распрощались. Якуб сразу же рухнул на койку и захрапел. Проснулся посреди ночи от странного предчувствия. Вспомнил, как в тумане, что на рынке видел женщину, не здешнюю, которая у всех покупала куриц. Только чёрных.

– Чары, – буркнул себе под нос Вендерович.

Огромным усилием воли он заставил себя встать с кровати и пойти на кухню. Там он поставил на газ большую кастрюлю с водой. Вынул из банки горсть сушёных мухоморов, добавил растёртый конский навоз, вырвал пару своих седых волосков и довел смесь до кипения. Потом вынес кастрюлю на улицу и перед домом вылил приготовленным снадобьем специальный магический знак на земле.

– Мел-ге-ле, – прошептал напоследок в пространство ночи старик, скрестив при этом в соответствующей фигуре пальцы.

К утру в радиусе сорока километров подошли все чёрные курицы.

4

Якуб проснулся. Вышел на улицу перед хатой и довольно потянулся. В знак приветствия вознёс к восходящему солнцу бутылку с денатуратом. Краситель уже осел илом на дне. Понюхал. Вроде бы всё в норме. Запах заметно не изменился, но отвращение к этому напитку как будто бы возросло.

– Ну пока хватит, – решил для себя старик, ставя бутылку на камень возле ступенек.

И тогда он увидел её. Женщина, та, с рынка, стояла пред ним.

– Чего надобно, пани?

– Пан Якуб Вендерович?

– А вы кого-то другого здесь видите?

– Я хочу поселиться в вашей округе.

Якуб сел на ступеньках и сжал голову руками. Вообще-то вопросами регистрации и прописки ведали участковые в Войславице, но тут было исключение из правил.

– Чем пани занимается? – спросил он вежливо.

– Мне нужно спокойное место, где я могла бы продолжить своё обучение, – И женщина материализовала в воздухе небольшой огненный шар.

– Ох какой чудный шарик! Для начала пани пробует меня убить...

– Не убить, а только подчинить себе.

– А дулю не хочешь?! Не родился ещё тот, кто бы был сильнее Якуба Вендеровича!

– Вы меня неправильно поняли. Я никому не хочу переходить дорогу. Просто в вашей деревне нет ни чародея, ни даже знахаря.

Якуб скривился.

– Слышала звон, да не знаешь где он? – произнес задумчиво, – Тут, понимаешь, структура совсем другая. Теперешний административный раздел страны вообще не в счёт. Мы, иные, привязаны только к приходам костёлов. И в данном округе может пребывать только один из нас. Один иной. И неважно, есть тут другой, кроме меня, или нет. Я здесь живу, и, значит, свободных мест нету, понятно?

Глаза незнакомки сузились, и она спросила с нескрываемым злорадством:

– А знахарка с улицы Гробовецкой, что померла недавно? Ведь она жила у тебя под боком?

Экзорцист скривился:

– То была моя дальняя родственница. В семье, знаешь ли, некоторые дела решаются по-другому. А кроме того, она не была одарена Силой.

– Ты тоже...

– Женщина, сначала проверь своих чёрных цыплят, а потом уж поговорим, у кого чего нет.

Ведьма закрыла глаза и сконцентрировалась. Её астрал оставил тело и полетел куда-то в направлении северо-востока, в Войславице. Через минуту она открыла глаза:

– Хорошо. Беру свои слова обратно. Ты – одаренный иной.

– Ладно, иди уже.

– Но я не сдамся. Ты сам сказал, что на этой земле может остаться только один. Так пускай же второй из нас останется под этой землёй навеки!

– Да будет так, – сказал Якуб, – Ты сделала свой выбор. Прежде я никогда не убивал женщину, но, если понадобится, моя рука не дрогнет.

Женщина истерично рассмеялась, взмахнула рукой и испарилась. Что-то несмело застучало у Якуба под черепом. Нет, теперь это была не атака, а только информация о присланном сообщении.

«Проверь свой хлевок, старик».

Якуб почесал в затылке и пошёл. Как только он открыл двери, то сразу же наткнулся на часового. Часовой был очень похож на терминатора. Вместо глаз у него горели две красные лампочки, а вместо вен стальной остов ошгетали разноцветные провода.

– Ух ты, сукин сын! – Якуб не любил терминаторов и поэтому что было мочи пнул того резиновым сапогом. Потом резким движением руки вырвал у железного пару проводов и бросил их концы в бочку с водой.

Терминатора пробрала дрожь, полетели искры, и красные лампочки погасли.

– Ты чего, хозяин, нам рабочий материал портишь?! – взвизгнул поросёнок, сидя в кресле и постукивая по клавиатуре свежесобранного компьютера.

Другой, лежа на куче металлолома, возился со сломанным телевизором.

- Ты что, не видишь, что мы здесь работаем?
- Из-звините... – промямлил Якуб.
- В следующий раз попрошу записываться на приём.
- Да, и не забудь постучаться.
- И ноги вытирай!

Якуб опешил. Поставил робота на место, стряхнул с него шапкой воображаемую пыль и, кланяясь, вышел, пятась задом. Он сел на крыльце дома, сделал глоток из фляги и послал местным диалектом в адрес хлева (детей просим не читать следующие строки):

- Холера ясна, тряся його матери, шляг бы вас трафил, курва мать!

В голове его страшно шумело. То ли оттого, что денатурат нельзя самогоном запивать, то ли от происков завистников, но с этим надо было что-то делать. «Война так война!» – решил Якуб и вошёл в дом.

Когда-то давным-давно, ещё во времена немецкой оккупации, услышал он одну историю. До хаты его друга пришли двое фрицев и попросили ведро горячей воды. Тот им подогрел целых десять литров на печи. Когда вода закипела, один из немцев высыпал в неё пригоршню странного порошка, и миг ведро воды превратилось в ведро водки. Немцы забрали её и пошли. Якуб потом спрашивал многих старожилов, некоторые из них были даже учёными, но все в один голос твердили, что такое невозможно. Но Якуба это не напугало. Он не опустил руки. И словно средневековый алхимик, пытающийся создать из свинца чистое золото или эликсир вечной молодости, Якуб годами пытался раскрыть этот секрет. Он уже не мог сосчитать, сколько экспериментов провёл ради достижения цели. Помнил только, что накупил тогда разных химических ингредиентов и что на создание этого порошка ушло пять лет. Правда, такой порошок он как раз и не создал, но, ошибаясь, открыл такое, что никогда не решился бы опробовать на людях! Но сейчас наступил момент истины.

Якуб вытащил из тайника банку с серой пылью.

Пыль эта выглядела подозрительно, такой же подозрительный шёл от неё и запах. Достал из шкафа костюм и лакированные ботинки. На полке, запакованная в бумажный пакет, красовалась пара белоснежных носков. Якуб тяжело вздохнул. Он всегда переживал, когда должен был поступать против своих правил. Но того требовали обстоятельства. Поэтому старик, пересилив своё пренебрежение к воде и мылу (он был уверен, что мыло изготавливают издохлых коров), умылся и даже побрился. Щёткой причесал волосы и надел костюм поверх своего ежедневного наряда. После чего встал напротив захватанного зеркала, набрал столовую ложку той самой серой пыли, перекрестился и высыпал себе эту гадость в рот, обильно запив самогоном.

Якуб стоял и ждал. ЭТО начало действовать. ОН пришёл. Неожиданно по телу экзорциста пробежала дрожь, потом его приподняло на несколько сантиметров над полом и начало трясти. Когда припадок отпустил, человек в костюме поднял голову и посмотрел в зеркало. Это был уже не Якуб Вендерович.

Томаш Гнида педантично отряхнул невидимую пыль с костюма. Надел на нос круглые профессорские очки. Посмотрел на бутылку в своей длинной и узкой ладони и с выражением глубокого пренебрежения отбросил её в сторону. Продолжая смотреть в зеркало, поправил галстук.

- Наконец-то! – с триумфом сказал человек. – Я опять на свободе!

Он огляделся, потом открыл холодильник советского производства, гудящий в углу. В холодильнике лежало полтуши собачатины, прямо с шерстью. Томаш выбежал на улицу, его стошнило. Он постоял на свежем воздухе и отдышался. Вернувшись, он умылся ржавой водой, лениво капающей из крана. Как заметил эстет, ни одно из полотенец не подходило для употребления. Он нашёл висящую в шкафу тряпку и вытер ею лицо. Для предыдущего владельца эта тряпка, между прочим, служила праздничной рубахой.

– Ладно, – сказал он сам себе. – Надо ехать в Хелм и приобрести там поддельные документы. Потом откопаю под дубом банку с долларами и дам дёру на Запад или ещё лучше – через горы, к германцам. Большая часть жизни уже за плечами, но надежда хотя бы

на титул магистра ещё есть.

Мыслями вернулся во времена тридцатилетней давности. Почему он тогда отступил? Этого Томаш никак не мог припомнить.

«Гнида! Ты, пся крев! – услышал эстет знакомый голос под своей черепной коробкой. – А ну давай, дел полно! А то, гляди, замечтался, очкарик!»

– А накася выкуси! – громко и уверенно послал тот Якуба.

А зря...

В тот же час черты лица грубияна исказились в мучительной гримасе. Разум Якуба покорял чужое тело. Минутой позже уже покорное тело встало и как зомби направилось в сторону Войславице. Через час он уже был в деревне. Якуб, сидя внутри, переключил мозг на функцию надчувствительного наблюдения. Ведьма оставила четкий след. Он догнал её на рынке, где она тщетно искала чёрных цыплят. Женщина уловила ход его мыслей. Резко обернувшись, ища взглядом Якуба Вендеровича, но его нигде не было. Так, сбита с толку, постояла с минуту, разглядывая людей. А удостоверившись, что ей показалось, и успокоившись, опять повернулась к прилавку, чтобы продолжить разговор с продавцом.

И тогда Гнида вынул из-под полы пиджака топор. Молниеносно, но с педантичной грацией он ловким движением отрубил ведьме голову. Люди закричали в ужасе. Откуда-то со стороны лотка с пивом блеснула вспышка фотоаппарата. Гнида кинулся наутёк, размахивая при этом окровавленным топором. Он ловко нырнул в густые заросли, которые были неотъемлемой составляющей прекрасного пейзажа с берегом реки, и пропал, как в воду канул. Через несколько минут всеобщий ступор прошёл, и рассвирепевшая толпа, вооруженная чем попало, сомкнутой цепью направилась к реке только с одним желанием – линчевать чужака, который посмел среди бела дня убить женщину, да ещё и на рынке! Каково же было их удивление, когда, выйдя на берег, они увидели там только Якуба Вендеровича, который невинно бултыхал ногами в прохладной воде.

– Что-то случилось, шановне панство? – спросил вежливо старичок.

В воздухе стояла отвратительная вонь денатурата.

– Э-э-э... А ты не видал того мужика? – решил спросить кто-то из толпы.

– Такого в костюме? В чёрном? – Якуб выглядел весьма довольным, – Так он, зараза, вон туды побёг. – И старик уверенно ткнул пальцем в кусты на другом берегу реки.

Разъярённая толпа с воем начала переправу. Экзорцист легко улыбнулся. Костюм, лежащий на дне реки, уже, несомненно, втоптан в ил. А если и нет, то теперь это уже не имело никакого значения.

5

Якуб вернулся домой. Первым делом он проведаль свой хлев. По правде говоря, экзорцист надеялся, что после смерти ведьмы все её чары рассеются. Но чары, судя по всему, и не собирались рассеиваться. Два поросёнка как раз заканчивали строительство чего-то напоминающего реактивный самолет.

– Куды собираемся? – спросил хозяин злобно.

– Да так, – ответила Котлета. – Планируем эмигрировать в Объединенные Арабские Эмираты. Там свинину не едят.

– А-а-а, понимаю, – протянул Якуб. – А мне що прикажете кушать?

– Для пана Вендеровича мы построили специальный синтезатор продовольствия, – вежливо прохрюкала Отбивная. – Это та машина, что в углу стоит. Вам достаточно насыпать туда по ведру воды и песка, а остальное она сама сделает, всё, что только пан пожелает.

Якуб недоверчиво посмотрел на два ряда клавиш и кнопок, рычаг и светящиеся разноцветные лампочки. Вспомнил, как давным-давно пытался понять инструкцию к стиральной машинке «Малютка».

– Выглядит слишком навороченно, сложно слишком, а я стар уже...

– Так мы пана научим...

– И я вас тоже кое-чему по жизни... Свиньям – свинячье!

В руке Якуба блеснул револьвер. В хлеву было мало места, бежать некуда, да и работа хрюшки починить не успели. Соседи услышали только два выстрела и на всякий случай попрятались под кроватями. Следующие пару месяцев Якуб питался исключительно мясом. Чередуя день – котлеты, день – отбивные. Чтобы не приелось.

И вам приятного аппетита!

РЕВИЗИЯ

Настойчивый стук в дверь вырвал Якуба Вендеровича из объятий сна. Он лениво приоткрыл веко и посмотрел на светящиеся в темноте стрелки будильника.

Якуб никогда не обращал внимания на то, во сколько часов он просыпается. Будильник был подарком сына из Варшавы. На фиг ненужным, но подарком...

– Малая стрелка на четвёрке, большая – на двенадцати, – пробубнил экзорцист, имеющий весьма своеобразное понятие о времени. – Значит, это сорок минут после полуночи. Кого это черти в такую пору носят?

Пинки в дверь не прекращались, даже усилились.

– Как пить дать ментов нелёгкая принесла, – процедил сквозь зубы старик.

Он вылез из-под пухового одеяла, прилизал волосы куском шкурки от сала, стряхнул соломинки с фуфайки.

– Чего надо?

– Полиция! – Экзорцист узнал голос коменданта Бирского. – Отпирай! Именем закона!

– Нечистый их побери, – крикнул себе под нос Якуб.

Рукой нащупал за кроватью солидный деревянный рычаг и потянул его на себя. Включил радио, выставив его на максимальную громкость, и почапал к двери.

– А ордер имеется? – на всякий случай спросил сквозь щель.

– Сам прокурор подписал! – с гордостью произнёс Бирский. – Ну открывай же, а то дверь высадим.

– Нажми на ручку, и дверь сама откроется, имбе- цил эдакий, – тихо ответил Якуб и налил себе стакан сыворотки из бидона, что стоял у подоконника. Почему-то сильно хотелось пить.

Полицейские грубой массой форсировали и так не имеющую замка дверь. Их было восемь человек, с фонарями и пистолетами. Как в кино...

– Полный обыск! – скомандовал вошедший последним Бирский.

– Ордер, – сказал Якуб, протягивая руку.

Участковый передал ему бумагу. Одновременно кто-то включил свет. Якуб всматривался в ровные ряды буковок, но никак не мог сложить их в предложение.

– Вы держите его вверх ногами, – доброжелательно проинформировал полицейский.

– Сам прочитай, и вслух, если ты такой умный, – разозлился экзорцист, отдавая ему бумажку.

– Вы обвиняетесь в нелегальном изготовлении самогона, – самодовольно объяснил Бирский. – Мы имеем ордер на обыск и арест... А дальше суд и срок, в зависимости от результатов.

В то время как радио распибалось на все сто, семеро представителей власти переворачивали халупу вверх тормашками. По истечении получаса один из них подошел к коменданту:

– Ни единой капли.

– Как это – ни единой капли? – удивился. Бирский, оборачиваясь к хозяину. – Ты что, Якуб, записался в общество трезвости?

– Так точно, – с гордостью подтвердил самогонщик. – А что, разве нельзя?

– Но должно же здесь быть хоть несколько бутылок,– Участковый обратился к подчинённым: – Ведь в анонимке прямо написано, что «вчера Якуб Вендерович продистиллировал пять столитровых бочек браги».

Старый экзорцист сразу отметил в своём безотказном органайзере под черепной коробкой, что кто-то опять настроил на него донос, к тому же с ошибками. Пятьсот литров в день, это ж надо было придумать...

Бирский задумчиво приподнял палец и к чему-то прислушался.

– Тихо!

Полицейские прекратили простукивание стен и разборку печи.

– Кто-нибудь, да выключите наконец это проклятое радио!

Радио тут же выключили. В наступившей тишине все явственно слышали странное клоткотание – будто лопаются пузыри.

– Что это? – строго спросил комендант Бирский у Якуба.

Вендерович только пожал плечами.

– Доносится из-под пола! – сказал участковый, рухнув плашмя и приложив ухо к глиняному полу.

– Якубовский, сбегай к воронку за кувалдами!

– А вы палку случайно не перегибаете? – не на шутку заволновался Вендерович.

– Теперь уж лучше молчи, дедуля. Если надо будет, то и всю халупу твою разберём, досточка по досточке.

– А ручки у вас не распухнут?

Вернулся сержант Якубовский, с трудом волоча четыре кувалды. Полицейские засучили рукава, всех захватил охотничий азарт. В мгновение ока в полу образовалась большая дыра. Клоткотание утихло...

– Там доски,– отчитался участковый, сунув голову в дыру,– Выглядит как вход в погреб.

– Развалить!

Развалили быстро, ломать – не делать...

– Под досками обнаружена цистерна, выложенная плиткой,– восторженно доложил молоденький полицейский,– Объём литров на триста, не меньше. Пропахла спиртом, хотя и почти сухая. Всё содержимое вытекло вон в ту дырку на дне.

Якуб неторопливо вышел на крыльцо. Глубоко вдохнул прохладный, свежий ночной воздух. Краем уха уловил, как внутри дома кричит разъярённый Бирский:

– Развалить этот бетонный пол к чёртовой матери и копать вслед за каналом! Спорю, что под тем полом у него вторая цистерна! О, видите, здесь даже видно затычку, а шнурок ведёт прямо к рычагу за кроватью. Паразит, видно, спустил весь самогон, как только мы начали стучаться в дверь.

Комендант вышел на крыльцо и встал рядом с экзорцистом. Победоносно закурил.

– Ну что, добегайся? Опять три года просидишь,– не скрывая удовольствия, сказал он с сарказмом, косясь на старика.

– А за что? – искренне удивился Якуб.

– А за самогон! Такая цистерна, это знаешь ли...

– За один запах самогона в погребе хрен меня посадишь.

– Ничего, сейчас ещё улики будут. Докопаются ребята и до второй цистерны. Лучше выпей на дорожку, а то ведь в следующие три года...

Вендерович равнодушно пожал плечами:

– Обвиню вас в незаконном, на основании анонимного доноса, вторжении. Да ещё и в акте вандализма по отношению к моему дому. А второй цистерны не существует. Это был аварийный спуск. Вы никогда не найдёте улики.

– Ты... нас... обвинишь?! – заводясь, поразился Бирский,– Да ты... знаешь, против кого...– Он затянулся ещё разочек, а потом щелчком отправил тлеющий окурок в темноту.

– Стой! Куда?! – визгнул Якуб, но было уже поздно.

Окурочок попал прямо в колодез. Оглушающий взрыв заставил вскочить с кроватей жителей трёх ближайших деревень. Колодез во дворе Якуба сиял голубоватым пламенем тридцатиметровой высоты, напоминая горящие факелы над нефтяными скважинами в Кувейте. Перепуганные полицейские повыскакивали из дома.

— Пан комендант, что вы наделали?! — громче всех взвыл участковый.

Бирский, оглушённый взрывом, навзничь лежал на земле, тупо всматриваясь в звёздное небо.

— Так как ваш шеф только что спалил главную улику,— уставшим голосом пояснил Якуб,— то, может, вы бы того, пошли бы уже себе, а? А то мне с самого утра пшеницу сеять, выспаться надо...

Пламя в колодезе быстро угасало.

Y-FILES РАСЕКРЕЧЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Обтянутые кожей двери кабинета известнейшего американского режиссёра приоткрылись, и внутрь буквально проскользнул бизнесмен Павел Скорлинский, тип с лицом подхалима и душою дельца.

При виде гостя режиссёр встал и чистосердечно, по-американски, пожал ему руку.

— Прошу вас, присаживайтесь и отдыхайте. Вы проделали такой долгий путь,— Лёгким движением левой руки мэтр указал на глубокое мягкое кожаное кресло,— Я прочитал ваше письмо и должен признаться, что нахожусь под большим впечатлением... Расскажите мне всё, я настаиваю!

— Моя страна является местом, где грёзы и мечты о великих съёмках не менее великих режиссёров становятся реальностью,— Скорлинский безошибочно нащупал слабинку мэтра.— Вот, посмотрите на это.— И бизнесмен вытянул из папки толстый конверт с фотографиями.

— Похоже на заброшенную военную базу,— задумчиво предположил режиссёр.

— Браво! Это и есть самая настоящая военная база! Полностью заброшенная. Там всё пропадает и разлагается: танки, самолеты... Всё это можно купить по смешной цене, даже дешевле металлолома, потому что за вывоз этого же металлолома на переплавку надо ещё заплатить! Или вот это...

— Городок. Выглядит так, словно по нему прошёлся торнадо страшной силы.

— О, вы преувеличиваете! Это Яротин после выпускного вечера. А вот здесь, смотрите, опустевшая фабрика, склад, гаражи, заброшенная шахта...

— Насколько я понимаю, ваша фирма...

— Нам под силу предоставить вам любой план для съёмок. Конечно, на взаимовыгодных условиях. Вот прайс-лист цен проживания в наших отелях. А вот это — цены на алкоголь.

Режиссёр, не скрывая удовольствия, улыбнулся.

— Что ж, это впечатляет. Ввиду таких обстоятельств я готов перенести съёмки моего культового сериала в ваши уголья. Как, вы сказали, называется страна?

— Польша.

— Это где-то в Европе? Ах ну да. Хорошо. Мне нужно небольшое село, заброшенные, полуразвалившиеся дома и ватаги одичавших туземцев...

— Нет проблем.— Теперь уже улыбнулся Скорлинский.— Я как раз заметил один сельский райончик, который досконально подходит под ваши описания.

— Только настоятельно прошу, чтобы всё было с полным реализмом.

Якуб Вендерович сосредоточенно всматривался в экран телевизора, который недавно привезли из города и поставили в углу корчмы, чтобы приманивать клиентов. И как действовало! Сейчас показывали очередную серию фантастического сериала.

— Ё-моё,— с чувством сказал кто-то из селян.— Вот, значит, как... Поприлетают к нам эти маленькие зелёные сукинсыны и начнут нашим людям впихивать разное металлическое дерьмо в мозги?!

– А, это? Да всё ерунда для запаривания мозгов зрителям,– откликнулся бармен, наполняя Якубу стопку,– А ты слышал, что в Майдане фильм снимать будут? Недалеко от твоей хаты, между прочим...

– А на кой мне та холера? – удивился Вендерович. – Мало им, что они эти фильмы по разным каналам показывают? Уже, наверное, лет на десять вперёд наснимали, а кто ж всё будет смотреть?! Давай-ка мне ещё два пива на посошок.

В этот момент в корчму вошёл человек в чёрном костюме. Все разом затихли, повисла нехорошая, гробовая тишина. Он не был похож ни на одного из завсегдатаев, а ведь на дверях корчмы было написано лояльное предупреждение: «Приветствуем в краю, откуда чужие не возвращаются».

Якуб пристально посмотрел на непрошеного гостя, а потом покосился в телевизор.

– Во, блин... Он что, с того ящика вылез?

– Да кто он вообще? – Старый казак Семён оторвал свой взгляд от кружки.

– Так то ж, того, агент Мундик с Фэ-бэ-эра! – безошибочно идентифицировал гостя Якуб,– Садись с нами! – И, не дожидаясь ответа, усадил оторопевшего агента на стул,– Бармен, пива давай, литр!

Мужчина при виде литрового бокала закудаhtал что-то на непонятном языке, в его голосе нетрудно было различить нотки опасения и протеста.

– Так надо,– просто объяснил Якуб. – Такая у нас традиция. Чтобы приняли за своего, тебе надо с нами выпить!

Человек опять запротестовал.

– А может, он по-русски понимает? – приподнялся Семён. – Щас проверим. Мужик, ты меня уважаешь?! Не понимает...

– Фэ-бэ-эр?! – прокричал экзорцист, тыча пальцем в бейдж, прицепленный на груди гостя.

Тот в страхе отрицательно покрутил головой:

– Но, но, Фэ-би-ай!

Ну это все поняли.

– По инопланетянам стреляете, пиф-паф? – попробовал поддержать беседу бармен.

Но гость только пожал плечами.

– Холера ясна, мы так не договоримся,– призадумался Якуб,– Нам надо его спойть. Когда человек дойдёт до определённой кондиции, то он и на китайском заговорит.

– А ты, Якуб, и по-китайски умеешь? – поинтересовался кто-то из бывалых.

– А как же, тоже простой язык. Я вот недавно общался с одним таким китайцем, который в Хелме на базаре штаны спортивные продаёт. Жёлтый он, как канарейка, глазки косые, а я, гляди, всё понимал, что он там балакал.

Между делом актёр поднялся и боком, как краб, попробовал удрать из корчмы. Но не тут-то было.

– Сидеть! – мигом вернул его на стул Якуб. – Мы ещё даже не поговорили.

Бармен поставил на стол гранёный стакан и пол-литру зубровки. Экзорцист налил гостю от души.

– Ну за дружбу между братскими народами,– сказал, стукнул «чин-чин» и залпом осушил свой стакан.

Гость пригубил, но сразу же прослезился, схватился рукой за горло и едва не задохнулся.

– Тьфу ты, какие же они люди в той Америке слабенкие,– сострадательно заметил Якуб. – И они ещё хотели русских в Третью мировую победить?!

По телевизору меж тем уже показывали следующую серию. Агент, в точности такой же, как тот, что сидел с ними за столом, продирался сквозь зелёные заросли и кричал что-то по мобильному.

– Ты только погляди, а в телевизоре-то они по-на-шему говорят! – удивился казак,– Может, его ножиком пощекотать, он и перестанет придуливаться?

– Эх ты, старый, а дурной. Там, в телевизоре, сидит переводчик, и то, что они бурбуют, он нам сразу на польский переводит. Ясно тебе?!

– А я думал, что если фильм будут показывать на чужом языке, то актёры его выучивают, нет? – не переставал удивляться бывший белоэмигрант.

К этому времени агент Мундик уже осилил содержимое стакана. Бармен поставил перед ним тарелку с огурцами.

– Ты только погляди, как ему морду перекосило, – заметил Якуб, – Эй, а у тебя мобильник с собой? Смотри мне в уста и читай по губам. Мо-би-ль-ник!

Актёр начал было опять лепетать, но вдруг, узнав себя на голубом экране, показал пальцем.

– Ну видим, что это ты, – понятно согласился Вендерович. – А думаешь, чего мы тебя угощаем? А ну жри давай, холера! И чтоб по-польски заговорил!

– Не, так не пойдёт. Слишком мало «языкового слабительного» в крови, – вынес приговор Семён и уверенно налил гостю второй стакан.

Тот, немного испугавшись, пробовал было встать на ноги, но новоиспеченные друзья-товарищи мигом предупредили его намерения.

– Сядь. Пока бутылки не опустеют, из-за стола не встают!

Тогда несчастный махом выпил второй стакан и даже не закусил. Зауважали... Поставили перед ним маринованные грибочки. Осторожно попробовав один, агент жадно накиннулся на тарелку. Глаза его уже помутнели...

– О, вот это по-нашему! – воодушевлённо поддержала толпа.

– Ты нам вот что скажи, – первым прикопался всё тот же Семён. – Много ты на этих фильмах зарабатываешь? А то, если хочешь, мы тебе в нашей стороне и домик дешёвый найдём.

Агент не ответил, зато без посторонней помощи, сам налил себе третий стакан и выпил сразу половину.

– Bravo! Наш человек, хотя немного и непонятливый, – обрадовался бармен. – А давайте я сына своего позову? Он у меня английский в школе учил, так, может, что-то и переведёт, а?

– Так давай, зови, пока не поздно. – Якуб поставил перед гостем вторую бутылку.

На такой жест дружбы американец надумал было ещё по протестовать, но Семён, приобняв его за плечи, нежно порекомендовал:

– Дают – пей! Тебе надо иммунитет вырабатывать. Пригодится в Америке. У вас там, говорят, спирт из кукурузы делают.

– А может, он к кукурузному пойлу только и привык, и поэтому здесь его так выкручивает? – осенило Вендеровича. – Попробую-ка и я завтра поставить самогон на кукурузе.

– А он надолго к нам? – раздался голос из толпы зевак, плотно стоявшей вокруг стола.

Агент, кажется, понял вопрос и ответил, но опять на своём языке.

– Ну и как таким говорить? – вздохнул Якуб.

Бармен со своим сыном вернулся как раз вовремя.

– Улёт! – не сдержался от удивления парень при виде достойного гостя, которых! в свою очередь, покачиваясь, с трудом удерживал равновесие за столом.

– Ты, того, выбирай выражения. – Отец отвесил сыну оплеуху.

– Так это же ОН!

– Мы видим. Кто ж не знает агента Мундика из телевизора?! – успокоил его Вендерович. – Спроси-ка гостя, откуда он приехал, или что-нибудь, что сам хочешь, а то он ни черта по-нашему не понимает. Они там, в Америке, идиоты все или через одного?

– А зачем спрашивать, откуда он приехал? – удивился парень. – Известно же, что из Америки. Но могу спросить, например, как его зовут...

– Знаем мы, как его зовут, – вздохнул Семён. – Агент Мундик он. Причём полный...

Тут агент поднял от тарелки свою голову и ещё раз осмотрел окружающих, но уже без внимания и интереса.

– Да, да, про тебя говорим,– ободряюще улыбнулся Якуб, показывая весь гарнитур своих золотых зубов.

Сын бармена сел напротив гостя и помахал перед его носом рукой, чтобы обратить на себя внимание.

– Инглиш? – спросил юноша.

Агент явно оживился.

– Йес, йес...

– Ну и что он сказал? – не терпелось узнать всем.

– Сказал, что он – англичанин.

– Вот те на! Англичанин, а в американских фильмах играет? – не поверил Семён.– Спроси-ка его, есть ли у него жена, дети, любовница...

В этот момент актёр неожиданно громко пропел какой-то куплет и тут же свалился под стол.

– Мягкотелый,– оценил его поступок экзорцист.– А ещё агент ФБР! Да наш участковый и то о-го-го какой мужик по сравнению с ним! Кстати, что он там пел?

– Щас...– Сын бармена задумался.– Как там было? А, вот! «Джунгл бэре, джунгл бэре, джунгл бэрс он зэ вэй»? Щас... По-польски это будет: «Мишки из джунглей, мишки из джунглей, мишки из джунглей на дороге». А! «Энд ван хорс опэн слэйв» – то есть и один конь, открытый раб!

– Странно...– сказал Якуб.– Он что, из «Энималс либерейшн фронт» убежал? – Вендерович иногда смотрел познавательные программы, поэтому терминологический запас имел на самом высоком уровне.– Гринписовскую песенку про рабство коней он лихо спел, да? Да и ну его! Панове, пущай он у нас до утра под столом поспит, а мы себе по домам пойдём.

– Я с тобой, Якуб,– приподнялся старый казак.– Пройдусь, взбодрюсь, а завтра утречком посмотрим, как они там кино снимают.

Допили, встали и пошли. Дошли уже почти до халупы экзорциста, как неожиданно на звёздном небе увидели неопознанный летающий объект. Он летел медленно, но уверенно, а разноцветные лампочки на нём горели как цветомузыка.

– От хрень какая,– задумавшись, почесал в затылке Семён. Ещё раз всмотрелся в небо и уточнил: – Летающая тарелка, что ли?

– Растудыть твою дивизию! – присвистнул Семён.– Так они ж, паразиты, агента Мундика выследили! И теперь, видать, его ищут, чтобы поймать и всадить ему в голову ихнее самое металлическое дерьмо!

– Слава богу, мы его надёжно замаскировали. Даже скатертью накрыли. Пусть хоть по окнам корчмы прожекторами светят, не узнают его под столом. А вот зелёными человечками мы лично займёмся! Семён, за мной!

И оба пенсионера рванули вперёд. Уже через минуту они сквозь щель в заборе наблюдали, как инопланетный корабль, сигнали разноцветными лампочками, приземляется на соседнем холме.

– Холера, прямо как в фильме,– Экзорцист сделал глоток из литровой фляги, которую всегда носил за пазухой, и передал её побратиму.

– О, гляди! Там вокруг лезут нормальные люди. Наверное, это рабы тех зелёных. Впаяли людям в головы имплантаты, и ходят они теперь как зомби, исполняя их желания.

– У-у, курва! – Якуб сквернословил редко и только по делу, но сейчас был подходящий момент,– Налетели с космоса на мою землю и давай тут свои права качать?! Я им этого так не оставляю!

Мелкими перебежками земляки пробрались в сарай. Якуб вытянул из копны старые вилы. Казак взял в руки зазубренную, проверенную в боях косу.

– Надо бы прихватить с собой пару пустых мешков,– предложил он.– Так, для трофеев.

– От пся крев...– негодуя сплюнул Якуб.– Смылись, козлы!

– Интересно, чего они здесь искали? – спросил старый казак.– Может, они хотели мины

подложить, чтобы киношников ликвидировать? А то те фильмы про них снимают, а зелёным человечкам это не нравится...

– Не позволим наше кино подрывать! – Экзорцист сделал ещё один глоток для храбрости, – Надо найти боеприпасы и обезвредить их!

Возвращаться решили другой дорогой, через травы для покосов. Неожиданно за кустиком друзья наткнулись на маленького зелёного паразита. У паразита было две ножки, две ручонки и голова с непропорционально большими чёрными глазищами. Только секунду Якуб с Семёном и инопланетяничек смотрели друг на дружку с оцепенелым удивлением. Только секунду! Потом экзорцист привычно взвалил себе на спину, словно мешок с картошкой, пленённого зелёного в том же мешке.

– Дёру! – успел крикнуть Якуб, и оба старика, забыв о возрасте, побежали что было сил.

Остановились только в сарае. Инопланетянин уже пришёл в себя и что-то невнятно кричал, явно возмущаясь.

– Хм, какой дивный язык, – заметил Вендерович и со всей силы пнул мешок, – Рот закрой, а то кастрирую тебя, как поросёнка!

– Странно как-то получается, – философствовал Семён, привалившись к стене, – Инопланетяне нашего брата ловят, это бывало, но чтобы наши похитили зелёного, так такого ещё я не слышал!

– Должен же наступить когда-то переломный момент, – подмигнул экзорцист.

Инопланетянин, по всей видимости, не понял, к кому он попал, потому что завел, как пластинку, душераздирающие вопли писклявым голоском. Успокоился, только когда Семён разбил пустую бутылку о его голову. Бесчувственного человечка положили на стол в сарае и хорошенько привязали. Стол был липким, так как на нём хозяин недавно разделявал свинью.

– И что дальше? – спросил старый казак, попивая для дезинфекции прямо из стоящей в углу аппаратуры шестидесятиградусный самогон Якуба. – Когда за ним вернутся его дружки, будет жарко! Помнится, в Первую мировую, в Манчжурии, мы...

– Спокойно! – приободрил соучастника Вендерович. – Когда дружки вернутся, от него останутся только рожки да ножки.

– А что ты хочешь с ним делать?

– Щас он у меня попробует, каково это, носить в башке чужеродный металл. – Экзорцист поднял в одной руке дрель, а в другой – кусок ржавой подковы.

– Подожди, подожди... Так они ж нашим микропроцессоры впаявают, а не куски подков! – Бывший белоэмигрант был изначально справедливым человеком.

– А что, это лучше, по-твоему? Ну хорошо, если у них такая галактическая традиция, то и микропроцессор найдётся.

В другом углу сарая валялись раздолбанные останки туристического радио. Якуб не глядя взял пригоршню разных деталей.

– Хе, вот сейчас несколько штук ему и впаяем!

– Ну теперь другое дело, всё честь по чести!

Экзорцист нажал кнопку на дрели, но тут погас свет.

– Холера, пробки полетели, и это в такой момент!

– А может, это инопланетяне догадались и кабель перерезали? Лучше удираем!

– Это я из своего же сарая ещё и убежать должен?! Не дождутся, карлики зелёные!

– Якуб, а помнишь, что они сделали с Белым домом в «Дне независимости»?

– От сволота, думаешь, они и мой сарай могут на воздух поднять?

– Угу, и сарай, и хлев, и хату, и тебя самого...

– Ах сукинсыны! Вставай в дверях, друже, и гляди, не летят ли.

В этот момент резко включился свет.

Воздух разрезал пронзительный визг очухавшегося инопланетянина. Видимо, перспектива сверления черепа дрелью ему чем-то очень не нравилась...

– Якуб, летят! – крикнул Семён. – Бежим, бежим, пока они нас на шкварки не перетопили!

– Подавятся! – Вендерович вытащил из-под стожка сена в углу немецкий гранатомет. – Щас я им покажу, как ссориться с потомственными партизанами Войславице! Прикрой меня! – С этими словами он передал другу трофейный автомат ПППШ...

– Вы обманщики вымогатель, мистер! – У известнейшего американского режиссёра просто не хватало возмущения в адрес сидящего напротив бизнесмена Скорлинского. – Я вам доверился, а вы, вы... И это ваша фабрика грёз?! Совершенная натуральная съёмочная площадка?! Да у меня из-за вас... Из-за вас на протяжении только двух съёмочных дней у нашей бригады украдено три автомобиля, а главного актёра, звезду, право же, упоили чуть ли не до смерти! Вы понимаете, что это значит? Ваши туземцы принуждали бедолагу пить водку стаканами! Слава богу, врачи его откачали, а от цирроза он уже в Америке лечиться будет... А летающая тарелка?! Знаете, сколько стоило её производство?! Японцы создали для нас только один такой экземпляр! А её всю как сито изрешетили из автомата, а потом сбили гранатометом! Хорошо ещё, что никто из каскадёров не пострадал. Хотя... ночью пропал один актёр, лилипут. Его нашли только утром, привязанным к столу при попытке трепанации черепа! Какие-то изверги хотели просверлить ему голову дрелью и впихнуть туда детали от транзистора! Да меня теперь профсоюз по ветру пустит с выплатой страховок!..

Скорлинский равнодушно пожал плечами:

– Я вас не понимаю. – Он с чисто польским спокойствием достал из кейса бумаги и калькулятор. – Свою часть договора я выполнил, как вы и просили, с полным реализмом. Теперь, пожалуйста, извольте рассчитаться. Вы мне должны ещё... двадцать пять тысяч четыреста восемьдесят три доллара и пятнадцать центов.

– Может быть, что-то ещё?! – истерично взвизгнул режиссёр.

– Пожалуй, немного виски, выпить за мою малую родину...

КИЛЛЕР

Якуб Вендерович вздрогнул от неожиданности, когда пролетевшая рядом пуля оторвала ему кусок уха и вписалась в стену сарая. Кто стрелял, пока было неизвестно, но явно это должен был быть лихой смельчак. Брови Якуба удивлённо поползли вверх. Мало кто осмеливался поднять на него руку, а уж тем более пытаться убить. Нет, свести счёты со стариком хотелось, конечно, многим, но до дела обычно доходило

редко. Однако если этот кто-то таки осмелился стрелять в Якуба, да ещё в такой прекрасный спокойный осенний день, то времени на размышления не оставалось. Надо было действовать немедленно. Впрочем, как и всегда...

В один миг экзорцист с несвойственной его годам ловкостью принял упор лёжа, а заряженный револьвер, вынутый из-за отворота резинового сапога, уверенно устроился в мозолистой ладони хозяина. Раздался ещё один выстрел, пуля застряла в дверях, в добрых двадцати сантиметрах над его головой. Якуб вынул из кармана очки, аккуратно надел на нос. Следующей атакой со стороны киллера была длинная автоматная очередь по диагонали сарая. Пыль, перемешанная с трухой от соломы, вздымалась вверх стеной и застила Якубу обзор...

– Кто так до холеры стреляет?! – Старик не любил хаотических киллеров.

Как бы в подтверждение его опасений, разбив окно, влетела граната. Вендерович успел её схватить и выбросить туда, откуда она прилетела, через то же окно. За стеной раздался взрыв. Киллер опять перешёл на одиночные выстрелы. Якуб выматерился по-русски и начал ползти под свист пуль, прячась от неизвестно где спрятавшегося наёмного убийцы.

Немузыкальным прощальным вздохом ответило пустое ведро, продырявленное следующим выстрелом. Зазвенела пострадавшая водосточная труба. Остатки осколков посыпались из расстрелянного окна.

– Ну это уж слишком! – разозлился Вендерович.

Кем бы ни был загадочный незнакомец, но он не на шутку задумал отправить Якуба на тот свет. Экзорцист стиснул зубы и дополз до запасного входа в погреб.

Только там можно было спокойно сесть и перевести дух.

Он пережил уже столько покушений на свою жизнь, что чувствовал всей своей шкурой, кто на него просто зол, а кто и в самом деле желает смерти. Ведомый опытом партизанской войны во Вторую мировую, старик снял с головы шапку и приподнял её, надетую на палку, так, чтобы верхушка немного выглянула из дымохода. Ничего не произошло. Уже подозрительно...

Но как только он, попробовав высунуться, просунул шапку через щель в дверях погреба, невидимый снайпер опять дал о себе знать. Пуля продырявила шапку прямо посередине, а ударная волна была настолько сильной, что выбила из рук Якуба палку. Судя по расщеплённой древесине, киллер пользовался разрывными патронами самого неприятного калибра. Вендеровичу ничего не оставалось, как, почесав дулом револьвера за ухом, закрыть двери на засов, а самому, спустившись по ступенькам, забиться в уголок погреба.

Чтобы ожидание проходило в более благоприятной обстановке, он решительно открыл одну из бутылок с самогоном, которые лежали на специальных полках, словно изысканное французское выдержанное вино в погребе аристократа. Если уж и суждено было Якубу умереть в этот день, то он желал по крайней мере отправиться на тот свет в нетрезвом состоянии.

— Раз этот тип и в самом деле хочет меня прикончить, так всё равно сюда спустится,— методом примитивной дедукции рассчитал экзорцист и отхлебнул солидный глоток самогона прямо из горла.— А я его честно подожду...

Не было выпито и полбутылки, как наверху раздались чьи-то шаги. Кто-то осторожно двигался в сарае, шарил по углам, а потом нагло начал возиться с дверями, ведущими в погреб. Вендерович икнул, поправил за поясом штык и, взведя курок револьвера, подкрался к двери. С другой её стороны непрошенный гость уже проковырял приличную дырку. В щели показалось острие отменного немецкого ножа длиной добрых тридцать сантиметров.

«Или это примитивная демонстрация мужской силы,— Якуб автоматически сравнил длину своего клинка,— или же он просто пытается поддеть им засов?»

Экзорцист с некоторой завистью посмотрел на лезвие противника и облизнул губы.

«М-да-а... Такого трофея у меня ещё не было. Это несправедливо, чтобы какому-то косоглазому мазиле принадлежал такой эксклюзивный экземпляр! Пора меняться ролями...»

Старик отступил вниз, к стене погреба, потянул ещё глоточек, а потом отставил бутылку, переложил револьвер на одну из полок, чтобы в случае надобности был под рукой. Из стены вынул кусок соломы, который служил затычкой. Там оказался небольшой тайничок трофеев ещё со времен партизанки Второй мировой. Времени было в обрез, чтобы наслаждаться воспоминаниями, и Якуб вытащил немного заржавелый советский ПППШ. Вставил новый диск с патронами, а потом прицелился и, словно нехотя, выпустил длинную очередь! Дверь изрешетило, как сито, по-скребывание ножом мягко стихло...

Экзорцист опустил задымлённый автомат и прочистил пальцем ухо. Такая канонада его немного оглушила. Принял ещё один солидный глоток самогону, типа на помин души киллера. Контузия понемногу проходила. Зато Якуб ощутил, как что-то подтекает ему за шиворот. Это была кровь. Та, что с раненого уха. Рану пришлось быстро продезинфицировать остатками содержимого бутылки. После чего пан Вендерович опять взял револьвер, вскарабкался по ступенькам и, откинув засов, мощным ударом ноги распахнул жалкие останки двери. Ну и?

За порогом не оказалось никого! Что в общем-то было весьма удивительно, если принять во внимание количество патронов, выпущенных в невидимого противника. По логике, после такого града пуль за дверями можно было ожидать гору трупов чуть ли не с половину деревни. А на полу не было даже одного, даже самого захудалого тела...

Якуб с недоумением почесал в затылке. Неожиданно перестал чесать, отвлёкся и присмотрелся к соскребённой, залезшей под ноготь перхоти. Самый большой кусок оказался вшой невероятного размера. Разочарованный Вендерович поэтично проорал куплет нецензурной песни и вернулся в погреб – открыть другую бутылку. Там он обильно полил самогоном голову. Лысину ощутимо припекло. Боль пришлось притупить принятием остатка дезинфекатора внутрь. Вендерович вышел посмотреть на часы – механизм сломался уже несколько лет назад, но привычка осталась.

Перестрелка, без сомнений, была слышна на всю деревню. А это значит, что визит ретивого участкового может состояться в самое ближайшее время. Якуб поднял с пола нож и внимательно рассмотрел его. Нож имел покрытую резиной рукоятку и лезвие острое как бритва. С нескрываемым удовольствием новый хозяин спрятал свой трофей в голенище второго сапога. В первом был револьвер.

– Пригодится, – буркнул себе под нос старик.

Наконец упрямая жертва нападения вышла во двор. Злосчастного киллера нигде не было видно. Боки

лее того, на земле не было ни капли крови. Следов тоже не было.

– Холера, что за мистика? – Экзорцист с силой топнул ногой.

Его след хорошо отпечатался на земле, потому что вчера прошёл дождь. Все это было странным и даже более того – напоминало Я кубу одну историю. Но он явно не желал признаться себе, чем всё это пахнет. Потопал до хаты, вынес оттуда седло и вывел из хлева свою кобылу Марику, Оседлав животное, трюхающей рысью поскакал в корчму в Войславце. По дороге Вендерович внимательно всматривался в привычные детали пейзажа и в проходящих мимо людей, но ничего подозрительного не встречалось. Надёжный металл револьвера приятно охлаждал ногу...

В корчме уже сидели несколько его друзей-товарищей – и тех, что от бутылки и по оружию, и просто так, в общем. Было также и несколько односельчан, с которыми он никогда из принципа не садился за один стол, а уж тем более не пил. Якуб взял кружку с пивом и присел к столу. Как раз некий Витковский что-то эмоционально рассказывал:

– ...Ну и та гадина с дробовиком нагло лезет в курятник и бах, бах по моим курам! Ну я за лопату и хряб его прямо по лбу, так он аж ногами накрылся...

– От то по-казацки! – радостно поддержал Семён, который тоже в такой спокойный осенний денёк решил, что грех не зайти на бокальчик тёмного. – А слышали, в столице, говорят, новую марку пива выпустили? «Мощный горишек», то есть «Крепкий орешек» называется, а?!

– Э-э, что там пиво... ик! Я вино больше люблю, – нетрезво ответил рыжий Мищук, местный скульптор. – В-вино – это напиток богов, а мы, творцы, творя прекрасное... ик!... – идём сразу за ними... ик! М-мы тоже... как эти... ик! Боги! Как выпьем...

– А меня пару часов назад убить хотели, – невинно присоединился к общему разговору Вендерович.

– А я вам говорю, что вино так себе. Чтобы лучше ощутить вкус, его как денатурат надо через горбушку чёрного хлеба процедить. Тогда и меньше вреда будет. Ато, бывает, отдаёт привкусом ушной серы, ажколдо- бит... – вставил свои пять копеек бывший учитель сельской школы, уволенный несколько лет назад за пьянство в рабочее время.

– Неумеренное употребление денатурата со временем приводит к слепоте, – мудро заметил толстый фермер Бардак, который сам уже еле видел. – А вот если спирт салициловый правильно продистиллировать, то он даже салицил свой теряет. И остаются от него одни такие беленькие кристаллики, тонкие-э-э и длинные-э-э...

– Так что ж там остаётся пить? – заинтересовался Семён.

– Ну как что? Кристаллики они на дне остаются, а чистая эссенция сверху.

– А меня сегодня малость не подстрелили, – повторил Якуб.

– Вот скурвисыны! – привычно посочувствовал непьянеющий чех Томащ. – Ну на погибель!

– На погибель! – дружно откликнулись все вместо пожелания «на здоровье».

Несколько стаканов, бокалов, кружек и стопок поднялись над столами в знак согласия с коротким, но актуальным тостом, после чего содержимое залпом очутилось внутри собеседников. А чего, собственно, дёргаться?! Подумаешь! То, что Якуба собирался кто-то убить, ни для кого давно уже не было в диковину. На него постоянно кто-то охотился. То полиция гонялась, то черти, то русские из КГБ похищали, для опытов. Зато Якуб в Москве побывал, и не раз! Да-а, у него был широкий круг знакомств...

– А я вам говорю, – толкал своё казак Семён, – что бармен из города привез целый ящик «Мощного горишка» и в кладовке припрятал. От своих же друзей прячешь, крыса?! – Последнее относилось уже к бармену, который поспешно удалился мыть бокалы.

– Спрятал, значит? От курва, давненько уже ему никто сарая не поджигал! – проснулся храпящий в углу Марек из Тростянки.

– Я от друзей ничего не прячу! – разозлился вернувшийся за стойку хозяин. – Надо было так прямо и сказать, что вы хотите попробовать. Так наливать?

– Да-а-а!!! – возбуждённо откликнулись два десятка подвыпивших завсегдатаев.

Бармен мрачно выставил бутылки в ряд на столе, каждому по одной.

– Ну шановне панство, за что теперь пьём? – приподнялся экзорцист.

В ответ грохнул выстрел, и влетевшая в окно пуля удачнейше расколотила весь ряд новеньких бутылок с пивом! Стекло и брызги «Крепкого орешка» разлетелись во все стороны...

– Курва! Да что ж тут такое творится?! – не на шутку разозлился малость окосевший Бардак. – Якуб, это тебя сегодня утром хотели убить? Признавайся!

– Ну вроде меня. Может, убить, а может, так, только попугать...

– Не знаю, кто там на тебя зуб заточил, но наше пиво здесь ни при чём и не хрен нам всем тут из-за тебя рисковать! Пошёл вон! Нехай в тебя перед магазином стреляют.

– Ах ты быдло! Да я тебе сейчас так морду начищу, что мама родная не признает!

– Ты мне?! Да я тебя сам...

И, как в старом добром американском вестерне польского разлива, в ход пошли кулаки, стулья и бутылки. Безучастных не было! Сначала народ дружно поразбивал лампочки, окна и посуду, то есть всё стеклянное и керамическое. Потом из массы разъярённых пьяных сельчан вылетел чей-то золотой зуб, звонко вписавшись в белёный потолок. Корчма дымилась и гудела от самой настоящей, смачной деревенской драки...

– Только не по бару! Только не по бару! – орал бармен, время от времени приседая за стойкой от пролетающей мимо бутылки или чего потяжелее. – У меня ещё один ящик пива в кладовке есть. Запасной! Отдам бесплатно, только прекратите крушить моё заведе...

Но никто его уже не слушал, никому это не было интересно. Клубок тел, в середине которого находились Вендерович и Бардак, прокатывался из одного угла в другой, круша на своём пути всё, что попадало под руку. Следующая неожиданная пуля влетела уже через двери и разнесла пятилитровую бутылку русской «Столичной», которая царственно возносилась над стойкой бара и была всеобщим признанным талисманом. Мгновенно наступила немая сцена. Проспиртованный воздух заполнила зловещая мёртвая тишина, как предчувствие самой страшной бури...

– Стоять! – крикнул Якуб, беря на себя бразды Наполеона. – Попозже сведём личные счёты. Сначала надо найти этого сукинсына. Он нам за всё ответит!

Нетрезвые поляки молча и угрюмо кивнули в знак согласия.

– Оружие при вас? – Седой экзорцист явно стал главой суда Линча.

Оружие было при них. Вернее все жители Войславице, как и других соседних территорий, по большому счёту всегда носили при себе какую-то разновидность оружия. И если смазанные маслом карабины и автоматы с пушками и бронебойными снарядами были закопаны в садах, спрятаны в подвалах или глубоко в сарае только у старожилов, то режущее, колющее, череподробительное, метательное или на худой конец та же якорная цепь или карманные вилы были у всех.

Вооружённая до зубов толпа выплеснулась их разгромленной корчмы. Десятки глаз леденящим кровь взглядом прозондировали территорию справа налево и в обратном направлении. На улице было пусто и тихо. Кем бы ни был тот таинственный снайпер, а хоть какой-то малейший след должен был оставить. Но всё выглядело так, словно он сквозь землю провалился. Обидно...

– Вон там! – первым крикнул Семён, тыча пальцем в какого-то типа в сером костюме, который как раз сворачивал за угол в конце улицы.

Тип нёс в руках футляр от скрипки. Образованные жители Войславце время от времени смотрели детективы, поэтому сразу же догадались, что можно замаскировать в таком футляре. Толпа зарычала и, размахивая кто чем, кинулась вдогонку за незнакомцем. Мужчина в костюме, услышав странный шум позади себя, как бы невзначай обернулся. Первый момент лёгкого удивления после быстрой оценки всей активно развивающейся ситуации перерос в самый обыкновенный реалистический страх за безопасность собственной жизни.

Мужчина в костюме сначала прибавил шаг, а потом кинулся наутёк. Он пересёк главный тракт городишка и выбежал на площадь возле старой полуразвалившейся синагоги. Там нашёл в себе силы оглянуться опять. Дикая ватага польских мстителей победоносно взвыла! Мужчина сглотнул слюну и скова дал дёру. За синагогой стояло несколько оставшихся от еврейской общины домов, тоже не в лучшем состоянии. Как раз в один из таких домов и забежал преследуемый. Забежал и мигом запер дверь изнутри на за сов.

Друзья-товарищи Якуба, ни на минуту не останавливаясь, на ходу выбили все окна и резво забрались в дом. Незнамец с удивительной ловкостью и энергией, если принять во внимание его хиленький и неприметный вид, вкарабкался на чердак и втащил за собой лестницу.

– Ну и что дальше, Панове? – призадумался Якуб.

– Выкурим гада! – с ходу предложил кто-то из толпы, поджигая зажигалкой обои.

– А я бы полицию вызвал, и так уже к стенке приперли, – попытался остановить самосуд мудрый экзорцист, но его уже никто не слушал.

Огонь сначала медленно, а потом нарастая, жадно лизал оранжевыми языками деревянный пол и стены. Дом горел, а заключённый на чердаке в отчаянии взывал на помощь. Поджигатели-линчеватели покинули помещение только тогда, когда на них самих начала дымиться одежда. Перед горящим домом их уже ждали два полицейских «бобика» из Войславце, а пожарная машина как раз подъезжала со стороны лугов, оттуда, где между деревьями змеилась грунтовая дорога. Пожарные приставили свою раскладную лестницу и сняли с крыши горящего дома уже немного подкопчённого «снайпера». Бедолага сразу же начал плакаться местным стражам порядка:

– Да я учитель музыки! Приехал из города по объявлению для частных занятий. Я в филармонии играю! Как я себя чувствую? Да как кусок бекона! Но это не так важно, а вот скрипка... – он открыл футляр, – это же деликатная работа, а такая высокая температура могла её испортить. Если с ней что-то случится, я этого просто не переживу... Вон те поджигатели, там стоят! Бандиты, вандалы, антисемиты!

Незадачливым поджигателям два раза повторять не пришлось. Толпа сделала резкий разворот на сто восемьдесят градусов и побежала в исходном направлении. Полиция их не преследовала. Во-первых, надо было помочь в тушении пожара и написать протокол. Во-вторых, эту ватагу сельчан они знали лично, всех, по имени и фамилии, в профиль и анфас. Старые идиоты, которые живут собственными местными деревенскими законами независимо от общепринятых норм в государстве или тем более изменяющихся политических режимов. Толпа беглецов остановилась, только когда они добежали до Замковой горы.

– Холера ясна, это был не он, – отдышавшись, признал Вендерович. – У кого ещё есть идеи по этому поводу?

В эту минуту, в который уже раз за этот день, просвистела пуля. Она чиркнула по куску

стены, остатку руин сарая последнего местного магната, и впиалась прямо в ногу Томаша. Несчастный взвыл, как волк в полнолуние.

– Холера! Якуб, может, всё-таки иди уже отсюда, а? А то ещё вместо тебя кого-то из нас подстрелят! – снова разнервничался Бардак.

– Опять за свою шкуру дрожишь, старый хрен? – Якуб сплюнул в сторону злосчастного соседа, – Ясно дело, я пойду. Но ради своих верных друзей, а не тебя, иуды! А для спокойствия села я обещаю, что сам расправлюсь с тем киллером, кем бы он ни был.

На том и разошлись. Народ в массе остался помочь Томашу, рану ведь надо было промыть, перевязать и запить. Потому что, как общеизвестно, каждая пуля оставляет в теле кроме раны разную там грязь и поэтому внутренняя дезинфекция сорокоградусным просто необходима. Бардак поплёлся к себе домой в гордом одиночестве, а Якуб и Семён направились на окраину села.

– Ну и что теперь? – спросил Семён.

– А ничего, пойду к своей халупе. Не удалась нам нынче забава.

– Бывает. Слышь, Якуб, может, я с тобой пойду, для безопасности?

– Не-э, спасибо, друже, но я сам... Если что – сообщу!

По дороге домой Вендерович отоварился бутылкой водки, благодаря чему не почувствовал усталости, а даже если и пыхтел, влезая на свою гору, то потом этого уже не помнил. Кое-как он дополз до своей берлоги, перелез через порог, добрался до кровати и провалился в глубокий сон. А его верная кляча, постояв до вечера возле бара и не дождавшись хозяина, по привычке пришла домой сама.

Якуб проснулся рано утром. Надо признать, что пробуждение было не из приятных. Какой-то негодяй, используя его крепкий и невинный сон младенца, связал Вендеровича по рукам и ногам. И теперь этот тип сидел за его столом и точил о кусок кожаного ремня тот самый трофейный немецкий кинжал. Вид у злодея был более чем странный. Опрятный, но и не вызывающий доверия, в общем, какой-то мрачноватый и подозрительный. Одет во все чёрное – костюм, ботинки, длинный плащ и котелок. Волосы до плеч, борода клинышком и глаза тоже были чёрного цвета. Зато лицо, для контраста, было трупно-белым, костистым и удлинённым. В глазах у него горели странные, нехорошие искорки. Когда непрошенный гость точил нож, его язык многозначительно и с предвкушением облизывал тонкие губы. Это почему-то не понравилось Вендеровичу...

– Эй, ты, развяжи меня! – потребовал он.

– С чего бы это? – делано удивился незнакомец.

Мутным взглядом Якуб окинул помещение и заметил стоящую в углу снайперскую винтовку.

– Так это ты? Ты в меня стрелял?

– Ага.

– На кого работаешь, падла?

– Видите ли, пан Вендерович, как бы это вам объяснить... Я профи по уборке экзорцистов. Узкая специализация, так сказать.

Якуб пережил много опасностей и ещё больше повидал за свою жизнь разных чокнутых, бешеных, диктаторов и просто уродов, но с таким случаем столкнулся впервые.

– Или у тебя мания величия, или у тебя будут серьёзные неприятности, когда я распутаю этот клубок, – решил не сдаваться старик.

– Неприятности это у тебя, дедуля, но не суетись, и они скоро кончатся, – Убийца экзорцистов засучил левый рукав и проверил на своей руке, достаточно ли остро лезвие ножа.

Волоски невинно посыпались на пол. Похоже, лезвие действительно было острое как бритва.

– Ну экзорцист, пробил ваш час. Выбирайте, как вы хотите умереть?

Якуб ощутил страстное желание почесать затылок, но руки были связаны.

– Может, от старости? А? – жалобно предложил он.

- Вы и так уже слишком стары. Так что давайте быстренько придумайте что-то другое. Старик наморщил лоб, на минуту задумался, а потом пронзительно крикнул:
- Шарик! Фас!
- Вы чего, дед? – удивился тип. – У вас же нет собаки...

И тут неожиданно для профессионального киллера из-под кровати, на которой лежал Якуб, выполз пятиметровый питон. Змей обвил кольцом ноги застывшего от неожиданности чёрного человека и повалил его на пол.

- Что, не ожидал?! Познакомься с моим Шариком. Шарик, задуши этого пана!

Шарик, видать, и без особой команды имел желание задушить чужака. Питон серпантином пополз все выше и выше по своей жертве, заключая её в свои смертельные объятия. Киллер чудом освободил одну руку и, вынув из кобуры пистолет, застрелил змеюку...

- Холера, – грустно признал Вендерович.
- Что, не ожидали? – повторил его вопрос убийца.
- А так мало не хватало...
- Ладно, говорите, что решили.
- Сам придумай, у меня все желания пропали.
- Хорошо. Я вколю вам наркотик, который парализует всё тело на три дня. И ваши нетрезвые друзья похоронят бедного Якуба заживо, – Киллер с нескрываемым сарказмом приподнял котелок.

Экзорцист пробовал дёрнуться, но путы не ослабевали. Последнее, что он увидел, была рука со шприцем. Потом старик потерял сознание и окунулся во мрак...

Надо признать, что это пробуждение, как и предыдущее, тоже было не из приятных. Якубу было душно, трудно дышать, тесно и ко всему этому ещё и темно. Осторожно ущипнул себя, а потом пощупал руками. Нет, он не спит. Тем более он был в здравом уме и на нём был надет белогвардейский мундир, вероятнее всего пожертвованный безутешным Семёном. Как и ожидал, Якуб нащупал в верхнем левом кармане зажигалку и пачку папирос. Прикурил. Долголетний инстинкт его не подвёл. Без всяких сомнений, Якуб Вендерович, великий частный экзорцист-любитель, герой подпольного партизанского движения Второй мировой, знаток алкогольного дела и активный борец с коммунистическим режимом и сухим законом, свободный бунтарь за права вольного отстрела и ловли лесной и речной дичи и, наконец, просто всеми любимый дедушка, лежал сейчас в гробу, заживо похороненный под двухметровым слоем земли. Да ещё и туфли на него надели размером меньше! Да, такой удар судьбы переживёт не каждый...

Якуб попробовал толкнуть руками крышку гроба. Как он и предполагал, она даже не дрогнула. Пнул правой ногой несколько раз в заднюю стенку. Опять безрезультатно. Он начал ощупывать стены своей темницы. В правый бок упёрся предмет весьма знакомой формы – бутылка! Кто-то из его друзей положил ему бутылку водки в гроб. Магазиной! И теперь скажите, что люди не верят в загробную жизнь! Якуб открутил крышку и с удовольствием потянул несколько глотков огненной воды. Настроение старика тотчас улучшилось.

- В принципе бывали передряги и похуже, – сказал он сам себе и, разбив пустую бутылку о кант гроба, получил нечто похожее на острый стеклянный совочек.

После чего Якуб с двойным усердием начал долбить крышку снизу...

Все друзья Якуба собрались в корчме Войславице. Известное дело, такого великого человека грех не помянуть. Бармен привёз по этому случаю специально из Люблина четыре ящика пива «Перла мощна». Пили. Поминали. Снова пили. В тот день нельзя было трогать чужаков. Такое неписаное правило – в день скорби по погибшему товарищу двери бара открыты для всех. Поэтому никто и не обратил особого внимания на сидящего в углу человека. А зря...

Обрати они внимание, он бы показался им весьма странным. Одетый во все чёрное, с бледным лицом, чужак не спеша попивал пиво и наблюдал пустым дивным взглядом за

группой людей у стойки бара. Часы, висящие на стене за стойкой, пробили девять. Смеркалось. Друзья-товарищи уже были здорово пьяны, когда дверь угрюмо заскрипела, и все повернули головы в ту сторону. В следующий момент несколько человек потеряли сознание.

Похороненный сегодняшним утром экзорцист как ни в чём не бывало вошёл в корчму и направился к стойке бара. Люди с открытыми ртами расступались перед усопшим.

– Одну «Перлу», – вежливо попросил Вендерович.

Бармен не ответил. Он закатил глаза и рухнул на пол за стойкой. Большинство гостей попытались резко покинуть помещение. Так как у дверей образовалась давка, кое-кто поспешно выскакивал из окон.

– Да что с вами?! – не понял Якуб, – Привидение увидали, что ли?

– Не-э... – выдавил из себя перевязанный То-маш, – Мы ничего не видим. Правда, хлопцы?

Но хлопцев уже и след простыл. Из друзей только казак Семён остался сидеть в углу над бокалом пива.

– А я им говорил, чтоб они подождали с твоими похоронами три дня, – задумчиво протянул он. – Ты того, Якуб, надо было тебе стряхнуть с себя землю, перед тем как на люди показываться. У некоторых сердце слабое, может не выдержать. Да и одежду можно было бы переменить.

Пара знакомых, которые только что пришли в себя после обморока, молча ползли по направлению к выходу.

– Пся крев, что за средневековая темнота?! – удивился экзорцист.

– Это благодаря тебе.

– Как это?

– А кто все эти годы охотился на разную нечисть в округе, а? Кто приучил всех к тому, что она есть?!

– Ну если в этом смысле... Ладно, тогда я виноват.

Якуб перегнулся через стойку и, вытянув из ящика бутылку, сорвал крышку об край стола и влил себе одним махом всё содержимое внутрь. Когда прохладное пиво нежно расплылось по его желудку, Вендерович не спеша огляделся по сторонам и заметил в углу корчмы спокойно сидящего охотника на экзорцистов. Киллер выглядел чуть бледнее обычного и явно оторопел.

Якуб разбил бутылку об стойку и, вооруженный смертоносной «розочкой», приблизился медленным, уверенным, но осторожным шагом хищника к своей жертве.

– Что, не ожидал, гадёныш?

Незнакомец отставил свой бокал, после чего молниеносно прыгнул на Якуба. В кулаках киллера блеснули какие-то лезвия, то ли выкидные ножи, то ли когти. Времени присматриваться не было. Экзорцист ткнул осколком бутылки прямо в лицо чужаку, но это киллера не остановило. Тогда от своего стола поднялся бывший белогвардеец Семён. Быстро оценил масштабы драки, выхватил из-за пояса свой топор и обухом въехал киллеру в затылок. Тот зашатался и встал...

Семёна все знали в округе как человека бывалого. Поговаривали, что он ударом кулака мог быка завалить. Вендерович осторожно коснулся пальцев врага, тот вяло опрокинулся на пол...

– Кто это, к чёрту, такой?!

– Да вот, тот самый снайпер, прицепился ко мне. Говорил, что, мол, охотник он на экзорцистов и хочет меня убить.

Из разбитой головы киллера текла кровь. В слабом свете одной лампочки на потолке кровь выглядела абсолютно чёрной. Друзья достали ещё по одной бутылке пива.

– Надо что-то делать с телом. Скоро сюда понабежит полиция любоваться твоим воскрешением, – логично предположил старый казак.

– Ну так пускай и ему проверят карманы. Там такой ножичек найдут! Мы только

применяли самозащиту. Нехай сами себе голову морочат, кто это такой...

– Так мы сами проверим, что у него где. Может, какие документы найдутся. А нет, так ты сам сказал, что трофеи у мужика что надо. Такое добро всегда пригодится. А может, и валюта...

Взгляд Семёна вернулся к лежащему. Тело исчезло! Друзья онемели от неожиданного поворота событий. И только тянувшийся след крови подсказывал им, что убийца пополз к выходу.

– За ним!

Якуб и Семён выбежали на улицу. Вокруг было абсолютно тихо и пустынно. Следы обрывались на ступеньках. Два старика оглушили ночное небо длинной связкой нецензурщины на местном диалекте и вернулись в корчму. А что им ещё оставалось делать? Куда бежать, кого ловить?

Бармен как раз пришёл в себя. Вышел пошатнувшимся шагом из-за прилавка, окинул грустным взглядом помещение, разбитые окна и побитые бутылки. Остановил свой взгляд на луже чёрной крови, потом коснулся её пальцем и понюхал. Скривился – значит, запах не понравился. После чего многозначительно посмотрел на Вендеровича:

– Это же надо! Так, значит, жив?

– Жив и в полном здравии!

– Ну тогда, пся крев, ты мне здесь за всё заплатишь! И за отпугивание клиентов, и за погромы в моём баре!

Якуб только и смог, что виновато развести руками. Разозлившийся бармен принёс из чулана тряпку и бутылку растворителя.

– Нет, ну вы только поглядите на это! Они мне ещё и пол смолой вымазали! Ну и чего так тут стоите, раззявив рты? А ну вон из моего заведения!

– Смола? Из его башки вместо крови вытекала смола?.. – не понял Семён. – Кого же мы тут убили, Якуб?!

Виталий Зыков Гамзарские байки

ЗНАНИЕ - СИЛА!

Настроение Мидара Кумила иначе как поганым назвать было нельзя. Всю ночь на соседней улице отчаянно выли с корты, уgomонившись лишь к утру. Потом почему-то не пришёл заказчик, и шикарный букет, на оформление которого Мидар угробил вчерашний вечер, теперь ждала помойка. Вдобавок ко всему заболел проклятый синий пучецвет: пожухла листва, на стеблях появился белый налёт. Что это такое и как с этим бороться, флорист не представлял.

Нет, определённо у Мидара не было причин для хорошего настроения.

– Ой, люди добрые, жители славного Гамзара. Не проходите мимо, остановитесь, послушайте!!! – донеслось до ушей Кумила.

Мысленно выругавшись, он подошёл к перилам и посмотрел вниз.

Ну точно! Как нарочно, прямо перед его домом устроили представление с десятков уличных мимов. Замаячила перспектива рехнуться от их кликушеских воплей. На глаза попалась кадка со злосчастливым пуче-цветом, и Мидар мстительно представил, как швыряет растение на головы артистам. Мечты, мечты...

– Эх, заткнулись бы вы, ребята, по-хорошему. Не вводили бы в искушение, – пробормотал Кумил.

Но артисты не унимались. Притащили откуда-то пару раскладных столов, задрапировали их белой тканью – получилась настоящая сцена. Теперь на ней стоял высокий

мужчина и что-то говорил редким прохожим, энергично размахивая рукой. У него было что-то с лицом: кожа морщинистая, в оспинах. Прямо не человек, а гoblin какой-то.

Мидар прислушался к словам Гоблина.

– Сколько будет продолжаться этот беспредел, братья и сестры? Сколько можно терпеть это издевательство?! Наш город, наш светлый и чистый Гамзар превратился в дойную корову для всей остальной Джуги. Этих бездарей и нахл ебников! Мы кормим их и поим, словно насосы по трубам качаем им золото и се ребро. Сколько можно?! Земляки, пусть каждый из вас помнит: джугиец съел твой хлеб, отнял твою долю богатства! – Гоблин сделал паузу, оглядел почти пустую улицу и прокричал: – Может быть, пора сказать решительное нет этому наглому грабежу?! Может быть, пора развернуть «трубу» обратно и самим тратить наши деньги?!

Горлопан решительно рубанул рукой и прыгнул с помоста. На его место полезла симпатичная девка, почему-то с уменьшенной копией крестьянской косы под мышкой. Мидар запоздало понял, что площадку перед его домом облюбовали никакие не артисты, а вовсе даже политические бунтовщики. Пусть наряженные в балахоны ядовито-оранжевой расцветки и выкрикивающие идиотские лозунги, но бунтовщики.

Он обеспокоенно оглядел улицу в поисках городской стражи. Ещё припишут соучастие в противодействии политике Совета Гильдий – потом не отмоешься. Сразу припомнят прошлые грешки, как проходил подозреваемым по делу об убийстве... Ему это надо? Мидар другим взглядом посмотрел на кадку с пучецветом.

Но его опередили. Краем глаза флорист поймал движение на соседской крыше и увидел, как маленький Смильк, проказливо улыбаясь, бросил в крикунов здоровенный пузырь с водой. Бросил и сразу же спрятался. Мидар перевёл взгляд вниз, на злые лица бунтовщиков. Все они смотрели на него.

– Ты чего это творишь, порви тебя мархуз?! – потрясая косой, визгливо завопила девка.

Остальные поддержали её глухим ропотом, кое-кто уже примеривался вывернуть камень из мостовой.

Ну Смильк, ну паршивый мальчишка... Если мерзавцы разгромят магазин, он лично надерёт негоднику задницу. И плевать на его дядю расследователя.

...Начинающийся конфликт остановил сильнейший взрыв. Грохнуло где-то в порту, да так, что в некоторых домах вылетели стёкла.

– Проклятье!!!

Мидар забыл о бунтарях и с опаской уставился на столб чёрного дыма, поднимающийся в западной части города. Просто так ничего не взрывается. Ещё в Ханьской империи он наблюдал однажды, как на большом транспортном пузыре мятежники разрушили кристаллы движителей. Тогда взрывной волной смело десяток домов, а начавшийся пожар едва не уничтожил половину городка. Сейчас шарахнуло даже посильнее.

По улице в сторону управы промчался всадник на взмыленном коне. Нахлестывая бедное животное, он не переставая кричал:

– Нападение!!! Нападение!!! Из моря вылезли мон...

Последнее слово Кумил не расслышал. Не будь гонец таким испуганным, флорист решил бы, что на порт напали пираты. Но вояка едва не терял сознание от ужаса. И эти его слова, что кто-то вылез из моря. Мон... мои... Быть может, монстры?

Лжеартисты внизу как-то враз поскучнели, начали переглядываться. Кумил их понимал. В такое время лучше сидеть дома за толстыми стенами, а не шляться по улицам непонятно зачем. Придя к такому же решению, бунтари начали споро собирать вещи.

– Дядя Мидар, а чего это жажнуло там? – Случившееся не испугало одного лишь малолетнего соседа. Мальчишка ощутил близость настоящего приключения, а всё остальное его не волновало. Хорошо ещё хватает ума не бежать на улицу и не мчаться в порт сломя голову.

– Скажи маме, чтобы закрыла все двери. И будьте готовы спрятаться в подвале, – ответил Кумил, – Что-то плохое у меня предчувствие...

Сам он своим советом воспользоваться не успел. На улице появился десяток городской стражи. Мидар немного знал их командира – капрала Турмеса. Иногда встречались в таверне и вместе пропускали кружечку-другую, но друзьями не были. Случайно пересекаясь в городе, лишь вежливо раскланивались, и ничего более.

Тем удивительнее, что бравый десятник вдруг свернул к дому Кумила и забарабанил в дверь, щедро сыпая проклятиями.

– Здравствуй, Турмес. Кто та краля, ради которой ты так рвёшься в мою лавку? – спросил Мидар, впуская стражника.

Вопрос поставил того в тупик.

– А? – выдавил капрал.

– Ты ломишься в лавку к флористу. Иной причины, кроме как тебе зачем-то срочно понадобился букет цветов, я не вижу, – терпеливо объяснил Мидар.

Десятник наконец сообразил что к чему и привычно заорал:

– Чтоб тебя! Какого мархуза ты мне голову морочишь?! Собирайся, пойдёшь с нами.

– Куда?

– Куда скажут, туда и пойдёшь. Нолдские вояки в порту потребовали ввести в городе военное положение, и мы тебя, значит, призываем на службу на благо города! – выпалил Турмес.

– Я могу отказаться?

– Нет! – довольно рявкнул капрал и уже тише добавил: – В порту непонятная заваруха началась, есть раненые, а лекарей не хватает. Думал Венета с соседней улицы взять, так он уехал куда-то на прошлой неделе. Кого-то другого искать времени нет, хорошо я про тебя вспомнил. Собирайся.

От такой наглости Мидара аж перекошило.

– Напоминаю, я флорист, а не лекарь!

– Вот я и говорю, подходишь. Травки разные знаешь, цветочки. Разберёшься! Так что хватит время тянуть, нам давно надо быть в порту.

Непробиваемая логика! Кумил мысленно махнул рукой и отправился в лабораторию. Раз уж от исполнения гражданского долга отвертеться не удастся, придётся кое-что взять из своих запасов. Он ведь и вправду знал некоторые секреты. Всю жизнь заниматься растениями и ничего не узнать об их свойствах – это надо постараться. Беда в том, что известно ему слишком мало, да и то несколько из другой области.

Торопливо кидая в мешок всевозможные коробочки и свёртки, Мидар едва не забыл взглянуть на Кольцо Стража. Старый надёжный артефакт фиксировал некоторые проявления Тьмы и показывал силу творимой волшбы. Ого! Диск из белого камня, измерявший интенсивность сил Мрака в ближайших окрестностях, полностью почернел. Задумавшись на мгновение, Мидар добавил в мешок ещё парочку благоухающих цветочными ароматами свёртков.

– Ну скоро ты там? – нетерпеливо спросил капрал.

– Всё, я готов, – сказал Мидар, на ходу затягивая горловину мешка и забрасывая его на плечо.

– Тогда быстро в порт. Опаздываем!

И они побежали.

Навстречу попадались испуганные люди, что-то возбуждённо кричащие, размахивающие руками. Со всех сторон слышались вопли: «Монстры! Монстры! Тьма наступает!» Кто-то показывал вверх и тоже кричал о монстрах, но Мидар ничего не увидел. Далеко впереди не переставая бухали взрывы, клубы дыма затянули полнеба. Нестерпимо воняло гарью.

«Это только начало, только начало...» – билось в голове. Почему-то Мидар ни капли не верил, что всё скоро закончится. Чутьё подсказывало – главный ужас ещё впереди.

...До порта они так и не дошли. Выскочив на площадь перед сквером, Кумил со стражниками оказались перед спешно возводимой баррикадой.

– Какого мархуза?! – заорал с ходу Турмес.

Удивительное дело, на его рёв никто не обратил внимания. Чумазые, покрытые грязью и копотью люди деловито тащили из близлежащих домов мебель, выворачивали из мостовой камни и ломали деревянные тротуары. Только сейчас флорист разглядел, что многие были в форме портовой стражи, мелькали мундиры таможенных чиновников и даже одного расследователя. Он-то что здесь делал?!

Наконец Турмес увидел кого-то знакомого и подскочил к нему. Обменявшись с ним парой слов, капрал приказал своему десятку:

– Всё, отбегались. Останемся здесь и поможем... За работу, мархузовы выкидыши!

Будучи человеком гражданским, Кумил на приказ наплевал и полез к капралу с расспросами:

– Что случилось? Мы же в порт должны были...

Вместо Турмеса ответил его знакомый:

– В порту нолдцы остались. Они с той гнусью, что из воды полезла, схватились, – устало сказал он, вытирая чумазое лицо. – Там сейчас столько магии, сколько я за всю жизнь не видел. Мы только под ногами путались, вот нам и приказали в город отступать да отдельных прорвавшихся тварей перехватывать.

– Ясно...

– Ясно тебе? Чего тебе может быть ясно, а?! – вдруг взорвался стражник, – Там от тварей вода кипит. Всего несколько кораблей прорвалось, остальные... в щепки! Половину моих людей одним махом в Нижний мир отправили! Так вот что я тебе скажу, уважаемый, не устоят нолдцы, сметут их. Твари сюда прорвутся, и нам придётся их встречать. Слышишь?! Нам!

Турмес попытался успокоить разбушевавшегося коллегу, но тот стряхнул его руку с плеча и скрылся среди работающих.

Дела-а! Мидар остро пожалел, что пошёл с капралом. Пожалуй, сейчас лучше сидеть дома и не высовываться, а не искать приключений на свои филейные части.

– Лети-ит!!! – вдруг заорали с крыши соседнего дома.

Все замерли. Мидар заметил испуг на лицах работавших, их неестественную бледность, а потом снова всё пришло в движение. Люди похватили сваленное у стены оружие и ринулись к недостроенной баррикаде.

Каждый знал, как ему быть, один Кумил растерянно хлопал глазами, наблюдая за чужой суетой.

...Сильнейший удар едва не развалил всю баррикаду. Кто-то упал, но большинство устояли на ногах. Дико заорав, они начали кого-то отчаянно рубить.

«Странно, ведь наблюдатель сказал, что сюда летят», – удивлённо подумал Мидар, подбирая валяющуюся на мостовой лопату. Инструмент привычно лёг в руки, придав флористу уверенности. Хотя стоит ли лезть в драку с таким оружием или подождать, когда всё закончится, в сторонке, он пока не решил.

Но больше на раздумья ему времени не дали. На уровне крыш мелькнула серая тень, и что-то большое и страшное камнем рухнуло на Кумила. С невнятным возгласом он отскочил вправо и инстинктивно рубанул обидчика лопатой. Как ни удивительно, но попал. Инструмент завяз в чём-то мягком, немедленно болезненно дёрнувшимся, да так сильно, что Мидара сбilo с ног.

– Чтоб я сдох, – произнёс он потрясённо, разглядев наконец своего противника, – Тысяча мархузов!!!

Перед ним в двух локтях от земли прямо в воздухе висел гигантский глаз с парой щупалец по бокам. Лезвие лопаты глубоко засело рядом с радужкой, но какого-то особенного беспокойства твари это не доставляло. Лишь из раны текла бесцветная жидкость.

Пауза длилась не дольше пары секунд. Этого времени монстру хватило, чтобы щупальцем выдернуть инструмент из раны и найти обидчика.

«Удивительно – квадратный зрачок», – подумал Мидар отстранённо. Похоже, сейчас ему предстояло весёленькое путешествие в Нижний мир.

– Не шевелись!!! – закричал кто-то со стороны баррикады, и одна за другой с басовитым гудением в Глаз врезались три оранжевые искры.

Порождение Тьмы отбросило назад, по гигантской роговице прошла рябь, из многочисленных трещин полилась всё та же бесцветная жидкость.

– Н-на тебе!!! – К раненому монстру подлетел стражник и с одного удара пришил его копьём к стене здания.

– Цел, флорист?!

Мидару помогли подняться, и он разглядел спасителя. На нём была форма расследователя, да и голос теперь казался знакомым. Точно, именно он вместе с дядей Смилька допрашивал его по тому делу об убийстве купца. Впрочем, у кого, кроме расследователя, мог быть жезл Огненных ос?! Жаль, имя не вспомнить.

– Кажется, да, – пробормотал Мидар. – Благодарю.

– Ничего, сегодня сочтёмся, – отмахнулся расследователь, – День будет жаркий.

Кумил огляделся. Пока он отбивался от Глаза, стражники успели разобраться с штурмовавшей баррикаду тварью, и теперь можно было увидеть, что это огромный двухголовый таракан. За победу пришлось заплатить пятью ранеными – их сейчас оттаскивали к стене. Так что с Глазом им ещё повезло. И это были всего лишь две твари! А если их придёт больше?!

Вздохнув, Мидар подхватил с мостовой мешок и, морщась от боли в спине, зашагал к раненым. Травя кровохлёбка отлично останавливает кровь, а тысячелетник даёт силы. Зря он, что ли, это добро с собой из дома брал? Мидар ещё раз оглянулся на Глаз. Монстр всё больше напоминал сдувшийся шар, мешком висящий на копье. В такое время волей-неволей пожалеешь, что боец из него просто аховый.

...В верности своих недобрых предчувствий Мидар убедился уже спустя пару часов. Проклятые твари лезли как мухи на мёд. По одному, иногда парами или даже тройками, они появлялись перед баррикадой и пёрли вперёд, словно и не зная об инстинкте самосохранения. Двухголовые всегда атаковали в лоб, изо всех сил стремясь добраться до слабых людишек, а вот Глаза использовали более хитрую тактику. Прячась за крышами, они норовили незаметно подобраться как можно ближе и ударить магией.

Первое такое нападение с неба они едва не прозевали. После удивительно лёгкой победы над Глазом этих тварей перестали воспринимать как серьёзную угрозу. Поэтому, когда очередной летающий монстр замаячил в конце улицы, на него почти не обратили внимания. Парочка Двухголовых, лезущих на баррикаду, казалась много опасней. Из-за хитинового панциря у них было мало уязвимых мест, а мощные лапы и здоровенные жвала успешно соперничали с мечами и палицами.

Мидар перевязывал голову спасшему его расследователю, когда тот вдруг сипло закричал и ткнул пальцем во внезапно появившийся из-за крыш Глаз. Зависнув на мгновение, тварь содрогнулась всем телом, и от неё в сторону баррикад полетело нечто вроде облака дрожащего воздуха.

Хоть его крик никто и не услышал, но им повезло. Глаз взял неверный прицел, его магия ударила чуть в стороне от защитников баррикады, попав прямиком по одному из Двухголовых. Грохнуло, во все стороны полетели обломки панциря и брызги крови. Стражников взрывная волна лишь отбросила назад. Кумил с запоздалым ужасом понял, что сам находился на волоске от гибели, когда отмахивался лопатой от своей первой твари.

– Стреляй!!! – Голос расследователя вывел его из ступора.

Ничего ещё не закончилось. Глаз неторопливо плыл к баррикаде, явно готовясь ударить более прицельно.

Взмокнув от напряжения, Мидар потянул к себе заряженный арбалет – ему выдали оружие, чтобы не оставлять единственного лекаря без защиты. Предосторожность оказалась нелишней.

– Жезл не бьёт так далеко, а арбалет я не удержу. Придётся тебе! – сказал расследователь.

– Но я могу промахнуться!

– Не промахнёшься. Ну же, давай!

Стараясь, чтобы руки не дрожали так сильно, Мидар торопливо прицелился и спустил тетиву.

Новичкам везёт, повезло и ему. Болт попал точно в цель, вонзившись по самое оперенье совсем рядом со зрачком. Глаз словно потерял опору и рухнул вниз, лишь в локте от земли остановив падение. Затем он начал крутиться на месте, как-то нелепо дёрнулся и с размаху врезался в стену дома. Это и стало последней каплей. Тварь наконец свалилась на мостовую и затихла.

– А ты боялся, флорист...

Вместо ответа Мидар хлопнул себя по лбу и принялся копать в своём мешке. Специально ведь взял с собой ведьмин корень и несколько луковиц цветка демонов, и на тебе, чуть не забыл! Не обращая внимания на происходящее вокруг, Кумил достал аптекарскую ступку, мелко порезал туда корень, добавил пару зубчиков цветка демонов. Полученную смесь флорист старательно растёр пестиком.

– Это что за дрянь? – не удержался расследователь, – Лекарство?

– Ага, лекарство. От монстров.

Мидар осторожно обмакнул наконечник болта в ступку и зарядил арбалет.

– Если я ничего не напутал, то... – Кумил страдальчески вздохнул и заглянул в ступку. – То этим тварям не поздоровится!

– Что это, флорист?! – не унимался расследователь.

– Яд против тварей Тьмы. «Желчь гидры» называется. Недавно про него прочитал, и видишь ты, пригодилось, – протянул Мидар задумчиво. – По идее хорошая штука. Готовится просто, действует быстро. Одна беда...

Договорить ему не дали. С крыш один за другим спустились сразу два Глаза, а на баррикаду навалились трое Двухголовых. Выдернув у расследователя из-за пояса жезл и подхватив арбалет, Мидар побежал навстречу тварям. Больше рисковать он не собирался. Вечно везти не будет, а с его умением стрелять делать это лучше всего с как можно более близкого расстояния.

Вообще Кумилу начало казаться, что он спит и видит сон. И это кто-то другой бежит с оружием в руках навстречу порождениям Тьмы, забыв о своих страхах, каждую секунду рискуя жизнью. Он не трус и не герой, он всего лишь флорист. Его дело – составлять букеты, собирать редкие цветы и корпеть над фолиантами, в крайнем случае – путешествовать по свету в поисках очередной растительной диковины. Не его дело лезть в пасть к смерти!

Но всё же мысль отступить даже не пришла Мидару в голову. Неважно, кто ты и кем ты был раньше, порой в жизни наступают моменты, когда нет другого выхода и трудная работа героя достаётся тебе. Отказ не принимается.

Один Глаз обратил внимание на шустрого человечка и «выстрелил». Но Мидар вовремя заметил угрозу. Гортанно вскрикнув, он прыгнул сначала вбок, потом вперёд. Потерял равновесие, едва не выронил арбалет, но устоял. В это время за спиной прогрехотало: краем глаза Кумил увидел, как магия Глаза обвалила угол дома.

Пора!

Быстро прицелившись, он выстрелил почти в упор – до ближайшего монстра было не больше пары саженей, затем, не глядя, попал или нет, отбросил бесполезный теперь самострел, сжал в руке жезл... и от воя Огненных ос заложило уши.

Болт всё-таки попал в монстра, далеко не так удачно, как в первый раз, но попал. Вонзился в тело рядом с левым щупальцем – пустяковая рана для столь крупной твари, если бы не яд. «Желчь гидры» подействовала, в точности как описывалось в том рецепте. Глаз задёргался, покрылся жёлтыми прожилками, а затем мешком повалился на землю. И никакой тебе магии. Знание – сила!

Не в силах сдержать торжествующей усмешки, Мидар повернулся ко второму монстру и... в голос выругался. Тысяча мархузов! Второй Глаз уцелел, лишь кое-где темнели пятна ожогов. И, похоже, раны лишь сильнее разозлили его. Флорист не раздумывая снова прицелился из жезла, нажал камень-активатор, и... ничего. Видимо, он перестарался, штатное оружие исследователей разрядилось.

Но его возня с боевым артефактом привлекла внимание твари. Та, кажется, поняла, по чьей вине её так больно укусили Огненные осы, и целеустремлённо поплыла к Мидару.

Вся смелость Кумила куда-то неожиданно улетучилась, разом вспомнилось, что он никакой не воин. Навалился удушающий страх, захотелось убежать как можно дальше. Запредельным усилием воли не давая

себе скатиться в бездну ужаса, флорист начал медленно пятиться.

– Поберегись!

Мидара оттолкнули в сторону, кто-то метнул в Глаз копьё. Что неудивительно – попал. Но не это поразило Кумила. Через мгновение со второй тварью повторилась знакомая картина отравления «Желчью гидры».

– Какого мархуза?!

– Ты извиняй, флорист, но, прежде чем копьё метнуть, я наконецник в твоём зелье измазал, – сообщил довольный Турмес.

– Всё истратил? – спросил Мидар, заторможенно глядя на капрала.

– Да... – нахмурился Турмес, на всякий случай спросил: – У тебя ещё есть?

– Ещё?! Ведьмин корень растёт только в джунглях Сууда, да и там большая редкость. А цветы демонов вовсе из Запретных земель. Да порция этого яда на полсотни фарлонгов потянет, – зло прошипел Кумил, – Это был наш козырь на самый крайний случай, а ты... Эх, да о чём я говорю!

– То-то я думаю, почему эту дрянь как оружие против нечисти не используют. Полсотни фарлонгов это, конечно, да...

– Забудь. – Мидар потерянно махнул рукой.

...Баррикада держалась ещё целый час, может, чуть

дольше. Перед ней образовался целый вал из изрубленных туш порождений Тьмы, а те всё лезли и лезли. В рядах защитников быстро пропала даже видимость порядка. Не было слышно команд, никто не занимался ранеными. Люди просто сражались с монстрами, забыв обо всём. Каждому казалось, что он остался один на всём белом свете и смысл жизни сводится к простому правилу: протянуть как можно дольше и забрать с собой во мрак небытия как можно больше чудовищ. Это было сродни безумию. Память давала сбои, выхватывая какие-то обрывки, перед глазами висела багровая пелена.

Мидар не помнил, как оказался в первых рядах на баррикаде, откуда у него в руках появился тяжёлый колун. Раз за разом он бил им по Двухголовым, жадно рвущимся вперёд. С головы до ног его покрывала корка засохшей крови, горло саднило от крика, а мышцы разрывало от усталости. Но он продолжал поднимать топор и с хканьем опускать его на панцири гигантских тараканов. Остальной мир словно перестал существовать.

...Когда Кумила за локоть сдёрнули с баррикады, он попытался в горячке вырваться. Ударил локтем, попытался добавить колуном.

– Уймись! – свирепо рыкнул Турмес и потащил флориста прочь.

– Куда?! Но там же... – Мидар вновь попытался освободиться, но уже как-то вяло, без злости.

– Никого там больше нет, – огрызнулся капрал. – Мы последние. Ещё четверо ушли чуть раньше, а остальные... остальных вся эта суeta больше не волнует. Отмучились бедолаги! Если не хотим к ним присоединиться, то надо бежать.

– Бежать... – эхом повторил Мидар. – Куда бежать?

– Из города, а там как получится.

Больше они с капралом не разговаривали. Вместе дошли до ближайшего перекрёстка, где и расстались. Дом Турмеса был совсем в другой стороне, там, куда монстры ещё не

должны были добраться. Зато лавка Кумила располагалась прямо на пути движения орды чудовищ. В том, что порождения Тьмы до неё обязательно доберутся, сомневаться не приходилось. Если уже не добрались. Пока они бежали, Мидар успел заметить несколько подозрительных теней, мелькнувших меж крыш.

Ничего, он успеет. Кто-то скажет, что разумнее было сразу двигать из города, но... в доме остались все вложения Кумила. Семена редких трав, луковицы безумно дорогих цветов. Всё, что он собирал последние несколько лет. Потеря чего-то одного – серьёзная утрата, всего – катастрофа. Без денег и коллекции растений он не сможет подняться на новом месте. Придётся начинать всё с нуля.

...Задыхаясь от быстрого бега, не забыв обшарить взглядом улицу, Мидар подошёл к своему дому и потянул ручку. С тихим скрипом дверь отворилась.

Проклятье! Он хорошо помнил, как перед уходом закрыл дверь на замок. Что здесь творится? Вряд ли твари Тьмы взломали входной замок и пробрались внутрь. На такой фокус у них мозгов не хватит. А раз это не они, то, значит, внутри твари несколько иной природы.

Первого незваного гостя Мидар нашёл в гостиной. Чем-то сильно разъярённый, тот пинал ногами напольные вазы с редкими цветами – часть драгоценной коллекции флориста. К своему удивлению, Кумил узнал в мародёре того уродливого человека, который устроил митинг перед его домом. Если Гоблин тут, значит, где-то и девка с косой!

Кумил повернулся на шум около лестницы на второй этаж и встретился с холодным взглядом активистки борцов с режимом. Криво ухмыляясь, она пыталась перехватить поудобнее свою косу.

– Какого мархуза вы здесь делаете?! – вскричал Мидар.

Сам понял, что получилось неубедительно. Без требуемой в таких случаях жёсткости и готовности подкрепить слова силой. Усталость брала своё. Хотелось сесть на пол, привалиться к стене и просто сидеть с закрытыми глазами. Измотанный сражением организм требовал отдыха, а не драки с ошалевшим от безнаказанности ворьём.

– А ты догадайся, – фыркнула девка, надвигаясь на Кумила.

Он машинально сделал шаг назад, но услышал шорох за спиной, попытался оглянуться... Слишком поздно. Затылок взорвался болью, в падении тело развернуло, и Мидар увидел своего обидчика. Опять Гоблин! Не давая флористу опомниться, бунтарь с размаху опустил какую-то палку на голову Кумила. Сознание ухнуло в темноту...

– Мам, тyani сильней, ну же. Ма-ам!

Мидар никак не мог понять, где он и что с ним творится. Голова раскалывалась от боли, в ушах стоял гул, а всё тело словно горело огнём. Не было сил пошевелиться, даже глаза никак не хотели открываться. Отчего-то было трудно дышать и мучительно хотелось откашляться. А ещё... ещё его куда-то тащили.

– Мам, ещё чуть-чуть осталось, – Мидар узнал голос соседского мальчишки. Ребёнок был сильно напуган, но держался.

– Замолчи. Где я тебе сказала сидеть?!

Смильку ответила молодая, уверенная в себе женщина. И главное, ни капли истерики в голосе!

– Ну мам! Я же мужчина, я должен тебя защищать, – начал оправдываться мальчик, – Да и вообще, бандиты ушли, а чудищ всего двое над улицей пролетело...

– Кому говорят, быстро домой!!

– Но...

В голове Мидара достаточно просветлело, он открыл глаза. Над ним склонилась миловидная рыжеволосая женщина. Брови нахмурены, губа от напряжения закушена.

– Не стоит больше... надрываться. Я попробую сам... – Говорить оказалось неожиданно тяжело. Морщась от боли, с трудом цепляясь за стену, Мидар медленно встал, прислушался к ощущениям: вроде бы ничего, бывало и хуже.

– Как вы?

– Жить буду.

– Ну тогда пойдёте быстрее. В доме пожар! – немного резковато бросила женщина и за руку потащила Мидара на улицу. Он не успел сообразить, как оказался снаружи.

Дом и вправду горел. Из окон на втором этаже вырывались клубы дыма, на крыше плясали языки пламени. Вспомнилось, как приводил мага и тот накладывал заклинания на межэтажные перекрытия. Не обманул! Только благодаря этому Кумил до сих пор был жив. Вторя его мыслям, в здании что-то с грохотом обрушилось, из разбитой витрины на первом этаже ударил сноп искр. Всё, жить Мидару больше негде. Заодно можно смело подавать прошение – или как у них там принято – в гильдию нищих. В огне сгорели все его сбережения, вложенные в редкие и ценные сорта растений. Как назло последние деньги со счёта в банке снял и в дело пустил. Рискнул, называется...

Кумил самым натуральным образом ощутил, как под ногами разверзлась бездна. Дело всей жизни прямо на его глазах улетело в трубу. Ещё утром он был состоятельным человеком и смело смотрел в будущее, а ко второй половине дня стал последним нищим.

– Не стоит так переживать. Живы остались – уже хорошо, – пыталась его успокоить мать Смилька. Сам пацан стоял рядом и вытирал хлюпающий нос. – Мы всё с самого начала видели. Вы как со стражей ушли, через полчаса бандиты появились. Сначала к соседям сунулись, затем к вам. В окна было видно, как они всё внутри громили... Наверное, деньги искали.

– Зачем вы внутрь пошли? – через силу спросил Мидар, – Опасно.

– Да Смильк видел, как вы вернулись. Бандиты почти сразу сбежали, потом пожар начался, а вас всё нет и нет. – Женщина пожала плечами. – Просто бросить вас умирать мне совесть не позволила.

– Спасибо, – пробормотал Мидар, пряча глаза.

Благодарить, тем более женщин, он не умел. Жаль, раньше с матерью Смилька он почти не общался. Даже имя вспомнил с трудом. Кажется, Жанет... Точно, Жанет.

Он посмотрел на полыхающий дом с вновь вспыхнувшей тоской. Ну какого мархуза эти «оранжевые» к нему привязались?! Такие гордые, что не смогли простить шутки мальчишки?! Или это был лишь повод, а нападение монстров просто дало шанс в досталь пома-родёрствовать?

Проклятье! Мидара словно ударили под дых. Идиот! С этим нападением и спасением из огня он совсем забыл о монстрах.

– Твари здесь уже появлялись? – спросил Кумил, схватив Жанет за руку.

– Какие ещё... А, это вы об этих летающих глазах? Редкостная мерзость. Пролетала над домами парочка, и только.

Кажется, соседка не очень представляла масштабы нависшей над городом угрозы. Мысленно взыв, то и дело бросая по сторонам настороженные взгляды, Мидар принялся рассказывать о сражении на баррикаде.

– Мы слышали взрывы, но решили, это пираты напали... – растерялась Жанет.

Предложение бежать из города изрядно её ошеломило. В огонь лезть не испугалась, а вот даже на время оставить дом – испугалась, да ещё как. Одно слово, женщина!

– Если вы читали о такой вещи, как прорыв Тьмы, то представляете, что предстоит пережить Гамзару. Поверьте, такое стоит пересидеть в безопасном месте. Если вдруг всё обойдётся, то уж вернуться-то вам есть куда, – криво ухмыльнулся Мидар, – А рисковать собой и мальчиком я бы вам не советовал. Мародёры опять же.

...Он её всё-таки убедил уйти из Гамзара. Взять всё самое ценное, кое-какие вещи и переждать смутное время в пригороде. Со своей стороны, Мидар пообещал помогать по мере сил, благо он успел оправиться от удара.

Пока Жанет собирала сумки, Мидар сидел на крыше и наблюдал за улицей. Число пожаров росло, следовало заранее продумать маршрут движения. Это только кажется, что до окраин рукой подать. Монстры, огонь и мародёры превращают до того обычную прогулку в опасное путешествие.

– Дядя Мидар, дядя Мидар.– Смильк подёргал задумавшегося флориста за рукав,–
Смотри...

Кумил вздрогнул. Над крышами совершенно открыто, не таясь, летели сразу шесть Глаз.

– Проклятье!.. – зашипел Мидар и, схватив мальчика в охапку, юркнул в дом.– Жанет, Жанет, где вы?!

– Что такое? – выглянула из гостиной хозяйка.

– Чёрный ход есть? – Дождавшись кивка, Кумил потребовал: – Уходим, немедленно!

– Но...– Жанет оглянулась на разбросанные по полу вещи.– Я не успела собраться.

– Поздно. Они здесь!

Подтверждая его слова, на особняке через дорогу горбом вздулась крыша и с грохотом взорвалась.

Не тратя больше время на лишние разговоры, он закинул на плечо первую попавшуюся сумку, одной рукой схватил Смилька, другой – Жанет и рванул к выходу.

– Быстрее, быстрее!!!

У чёрного хода пришлось на пару мгновений Задержаться. Первым выскочив на улицу, Мидар огляделся, но здесь вроде бы всё было спокойно. Разве что из-за поворота показалась какая-то семья, как и они спасающаяся бегством.

– Идём!

...Перебежав дорогу, они юркнули в первый же переулок. Перешли на следующую улицу, но на ближайшем перекрёстке снова свернули. На пути всё чаще попадались люди. Большинство уходило из города, но не все. Кое-кто, наоборот, деловито шагал в самое пекло, никого не стесняясь и совершенно по-хозяйски оглядывая опустевшие дома. Стражи, способной дать отпор обнаглевшим бандитам и мародёрам, видно не было. Некоторые дошли до того, что начали приставать к беженцам, особенно к молодым и симпатичным женщинам.

Поэтому притихшая Жанет совершенно не возражала, когда Мидар заставил её свернуть в какую то грязную подворотню и приказал лезть через невысокий каменный забор. Когда-то он жил в этом районе и знал здесь все входы и выходы.

– Если срежем через двор, то окажемся недалеко от квартала ткачей. А там и окраина,– всё-таки объяснил Кумил, подсаживая женщину.

Она оказалась лёгкой как пёрышко и ловкой как обезьянка. Смильк тот и вовсе словно всю жизнь только и делал, что по заборам лазил. Самому Мидару пришлось попотеть. Прежде чем одолеть проклятую стену, он весь исцарапался. Зато на соседнюю улицу они прошли через неприметную калитку, которую нашёл Смильк.

– Ну последний рывок,– успел пошутить Мидар, когда лимит отпущенной им на бегство удачи закончился. Началась чёрная полоса.

Как парочка Двухголовых оказалась на крыше, он так и не понял. Летать они вроде не умеют, а лестниц, по которым могли залезть на крышу трёхэтажного дома, в округе не наблюдалось. Но факт остаётся фактом, как-то эти твари наверх попали и, углядев Мида- ра и его спутников, ринулись вниз.

Первый гигантский таракан рухнул на крышу ближайшего сарая, чего ветхое строение не выдержало и развалилось, засыпав чудовище обломками. Зато второй оказался более ловок. Приземлился в саженях десяти от беглецов и рванул вперёд, хищно пощёлкивая жвалами.

Близость смерти пробудила в Мидаре животный инстинкт самосохранения. Пока Смильк трясся как осиновый лист, а Жанет раздумывала, свалиться ей в обморок или сначала завизжать, а потом уже свалиться, Кумил уже действовал. Ногой выбил стекло в ближайшем подвальном оконце и, не церемонясь, принялся силой заталкивать туда своих спутников. Сам же сиганул в подвал из-под самого носа Двухголового. Разъярённый монстр едва его не схватил, опоздав на какую-то долю секунды.

– Все целы?! – крикнул флорист.

– Нет! Я ладонь порезал, – плаксиво отозвался Смильк.

Пришедшая в себя мать что-то успокаивающе забубнила.

– Ладонь? Зажми руку в кулак, кровь и остановится! – рявкнул Мидар и добавил спокойнее: – Ничего страшного, малыш. Доберёмся до безопасного места и займёмся твоей раной. Потерпи...

Как только глаза привыкли к полумраку, он принялся обшаривать подвал. Хозяева использовали его для хранения всяческого хлама, устроив настоящие завалы.

– Есть! Идите сюда, здесь дверь! – крикнул он, тихо добавив: – Закрытая...

Вместо ответа истошно завизжала Жанет.

Они зря сбросили со счетов Двухголовых. Ведь те и не думали оставлять их в покое. Один из монстров исхитрился просунуть лапу в оконце и теперь увлечённо ею орудовал. Достать женщину с ребёнком он, разумеется, не мог, но страху нагонял.

– Тихо, тихо... Он нас не достанет, – принялся успокаивать женщину Мидар, сам старательно вжимаясь в стену, – Пойдём, отсюда надо уходить...

– Не пойду! – вдруг закричала Жанет, – Там они! Никуда не пойду!

Кумил не сдержался и выругался. Проклятье, как объяснить испуганной и ревущей в три ручья женщине, что она должна покинуть безопасное место, потому как оно вскоре может стать смертельной ловушкой? Гарантирован ответ: «Вот когда станет, тогда и уйдём!»

Ему помог Двухголовый. Прекратив пытаться достать людишек лапой, он вдруг принялся с остервенением отшвыривать камни мостовой, явно собираясь устроить подкоп. Увидев такое, Жанет в последний раз взвизгнула и рванула к выходу. Смилька она несла на руках.

– Дверь!!! – услышал Мидар. Помянув тысячу мархузов, он устремился следом.

Засов поддался после третьего удара. Ржавые скобы вылетели, и беглецы вывалились на задний двор.

– Молчи!!! Ради светлого Орриса, молчи! – прошипел Кумил и побежал в сторону сараев.

Оказалось, дом стоял на краю неглубокого оврага, тянувшегося через городской парк до самых окраин. Густо поросший травой и кустарником, он обещал стать отличным укрытием. А при нужде можно спрятаться в какой-нибудь пещере, там их полно. Как прикинул Мидар, если удастся незаметно спуститься – они спасены.

...Жанет идея понравилась. Измученная бегством, она растратила всю ту храбрость, которая позволила ей войти в горящий дом и вытащить Кумила. Сейчас она хотела одного – тишины и спокойствия, чтобы никто не гнался за ней и её ребёнком, чтобы не приходилось сломя голову мчаться в неизвестность.

Правда, и здесь не обошлось без сюрпризов. Мидар оступился и кубарем скатился вниз по влажной траве. Несколько раз он больно приложился о камни, но, боясь привлечь внимание чудовищ, молчал. В результате напуганная его падением Жанет спускалась очень долго, просчитывая каждый свой шаг. Кумил весь испереживался внизу. Ему постоянно казалось, что в овраг вот-вот заглянет Двухголовый или прилетит Глаз. Но обошлось.

Дальше они шли по дну пересохшего ручья, петлявшего между кустами. Мидар постоянно торопил своих спутников, но и сам понимал, что это бесполезно. Жанет еле переставляла ноги, а Смильк тот и вовсе спал на ходу. Ещё немного, и они свалятся. Нужен отдых. На их счастье, в этой части оврага располагался целый

комплекс связанных между собой пещер на одном из склонов, там Кумил и предложил отдохнуть.

...Из-за усталости запах дыма никто из них не почуял. Нашли сухую пещеру, обрадовались, а то, что у неё уже имеются хозяева, не поняли. И вышли к чужому костру, вокруг которого сидели сразу трое – двое мужчин и женщина.

– О, какие люди! – воскликнул один из хозяев пещеры, прежде чем Мидар успел открыть рот, – Как головка, флорист, бо-бо?

Кумил застыл как вкопанный. Из-за его плеча выглянула Жанет и тоже замерла, открыв

рот.

– Чего молчишь? Или, как тебе по башке дали, дар речи потерял? – Судьба отчего-то решила подшутить над Мидаром и в третий раз за день свела его с «оранжевыми балахонами». Разговаривал с ним Гоблин, рядом поглаживала косу его боевая подруга, лишь третьего Кумил не знал.

– А нам есть о чём разговаривать? – наконец выдал Мидар.

– Да вроде есть. Мы ж тебя вроде как ограбили, кое-какое барахлишко забрали, рожу тебе начистили и дом сожгли. Полно тем для разговора, – радостно объявил Гоблин, хрустя пальцами.

Его соратники визгливо захохотали.

– И что, разговор хоть что-то из перечисленного мне вернёт? – медленно сказал Мидар.

– Ха, вернёт... Вернёт, да не тебе, – развеселился Гоблин, – Давай показывай, что там у тебя есть. Политическая борьба требует серьёзных вливаний. А мы партия молодая, нас пока ни один купец или там иноземное правительство под своё крыло не взяли. Приходится вертеться... Давай показывай вещи и уматывай. Другую пещеру ищи, пока нож под ребро не получил. Во второй раз от смерти не спрячешься.

– И вы решили: я просто так вот всё вам отдам и уйду? – спросил Мидар.

– А что – нет? – удивился Гоблин, – Ты ж из тех дохляков, что книжки целыми днями читают. Не маг, не воин, атак, не пойми кто. Ф-л-о-р-и-с-т! – по буквам произнёс бандит и захохотал. – Так ведь?! Так!

Мидар вдруг неожиданно для себя улыбнулся. Он наконец-то разглядел, что за тёмный мох покрывает совершенно сухие стены и пол пещеры, и оттого ему стало легко и спокойно. Он погладил руку вцепившейся в его рукав Жанет, крепче сжал ладошку Смилька.

– Что могу? Ну вы как дети. Сила не в умении владеть ножом или мечом и не в колдовском даре. И даже не в способности пустить кровь. Сила здесь! – Мидар постучал пальцем по виску. – И немного здесь. – Он стукнул себя по груди. – Ум и знания плюс храбрость, чтобы их применить. Уж не сочтите за хвастовство, но всего этого у меня в избытке.

– А вот хамить, умник, не стоит. – Гоблин посерьёзnel и медленно встал.

В тесноте пещеры выглядел он внушительно. В глубине души у Мидара шевельнулось беспокойство, но он его старательно задавил.

– Никакого хамства, просто называю вещи своими именами, – пожал плечами Мидар, – Возьмём нашу с вами ситуацию. Вы сильнее, опытнее. Казалось бы, у меня никаких шансов, да? Ан нет, ошибочка в рассуждениях, да какая...

– Ты это о чём?

– Смотрите. С вашей стороны полно чёрного мха. Редкая, я бы сказал, реликтовая штука. Обычно растёт в местах проведения тёмных ритуалов. Питается остаточными эманациями Тьмы и прочей гадостью. А когда мерзость из Нижних миров заканчивается, впадает в спячку. – Мидар широко ухмыльнулся и вытащил из кармана небольшой складной нож. – Для человека опасен лишь в момент пробуждения. Если такого мха скапливается достаточно много, то у жертвы начинаются видения настолько кошмарные, что не всякий выдерживает.

– А ну брось нож, сволочь! – потребовала девка, заподозрившая неладное.

– С радостью. – Неожиданно для всех Мидар полоснул себя по руке, обильно смочил лезвие в крови и бросил нож под ноги бандитам. – Так вот, вокруг вас целые заросли настоящего чёрного мха. Спящего чёрного мха, а чтобы пробудить его, требуется огонь, железо и кровь. Огонь вы сами развели, а железом и кровью я вас обеспечил. Приятных снов!

Воровская троица попыталась выскочить из ловушки, но было поздно. По мху пробежала волна серебряных искр, он зашевелился, словно бы задышал, и бандиты один за другим попадали на пол.

– А теперь пойдём отсюда. На всякий случай, – сказал Мидар. – Как мох подействует на нас, пусть и с такого расстояния, я не знаю.

Они вышли наружу и некоторое время опять брели по руслу ручья, пока Кумил не заметил новую подходящую пещеру. Впечатлённые демонстрацией, ни Жанет, ни Смильк внутрь не заходили, пока Мидар не заверил, что для них здесь ничего опасного нет.

– Они умрут? – устав от игры в молчанку, спросила наконец Жанет.

– Вряд ли. Вот проспять пару суток могут запросто. А умереть – нет. Сон у них будет гарантированно тяжёлый, но не смертельный.

– Но вы сказали...

– Честно говоря, мне просто хотелось их хорошенько напугать. За всё хорошее.

Жанет зябко повела плечами:

– Знаете, я не ожидала от вас такого хладнокровия. По вас с виду и не скажешь, что вы настолько опасный человек. С такой лёгкостью повернуть всё в свою пользу...

– Дядя Мидар, а ты правда не боялся? Нет, правда? Ни капельки? – Первое потрясение ушло слишком быстро, и Смильк вернулся в своё обычное состояние. Живой, непоседливый пострелёнок, всегда готовый завалить тебя тысячей вопросов.

– Разумеется, боялся, малыш. Не бояться лишь безумцы. Главное, чтобы страх не мешал тебе применить твоё главное оружие. То, что у тебя в голове.

Мальчик притих, обдумывая слова флориста. Сам же Мидар тихо спросил у Жанет:

– Вы что-то ещё хотите узнать?

Женщина кивнула.

– Да. Там, в разговоре с бандитами, мне вдруг показалось... вы чему-то обрадовались. Чему-то важному. Более важному, чем победа над бандитами...

Кумил негромко рассмеялся:

– Ну а как вы думаете, Жанет, чему может обрадоваться не самый плохой флорист, в один момент ставший бездомным нищим?

– Мох?

– Он самый. Из-за своих свойств чёрный мох пользуется большим спросом у магов во многих странах. Одна беда: его практически невозможно достать. И тут вдруг обнаруживаю прямо под боком целую плантацию... – Мидар покачал головой, – Всех убытков это мне не возместит, но расходы на новую экспедицию в Ханьскую империю, Горх или даже Сардуор покроет с лихвой. Как только закончится эта свистопляска с нашествием чудовищ, мне найдётся чем заняться.

Прикрыв глаза, Мидар замолчал. Проклятье, сегодня был кошмарный день. Он пережил немало такого, что ему не могло привидеться и в кошмарном сне: сражался на баррикаде с монстрами, разорился и едва не погиб. Но, несмотря ни на что, ему есть чем гордиться. И совершенно точно будет о чём рассказать на старости лет внукам. Впрочем, главное... главное, не забыть растолковать им, что знание – это сила! Да, звучит немного пафосно, однако ему страшно нравится эта фраза. Её стоит донести до потомков.

Мидар беззвучно рассмеялся.

Христо Поштаков

НАШЕСТВИЕ

Борис Петров, интеллигентный, физический здоровый мужчина пятидесяти лет, с уже тронутыми сединой волосами и бровями, пока без суставных болей и все ещё с нормальных размеров простатой, не спеша направлялся домой. Его крупная фигура словно дирижабль плыла над тротуаром пустынного переуллка, неравномерно освещённого уличными фонарями, под которыми виднелись пролетающие снежинки. Выпитое умеренное количество водки в сочетании с приятной компанией знакомых в любимом кабачке успешно отвлекли Петрова от серых будней, и мысль легко взлетала к высотам мудрых философских

обобщений.

Ему незачем было спешить в квартиру – всё равно пустая, никто его не ждёт, даже ради скандала. С развода прошло лет десять, сын живёт у бывшей супруги – мир и тишина. Борис пребывал в почти прекрасном настроении, однако тёмные окна домов вокруг да безлюдье наводили на раздумья о причинах и следствиях жизни каждого человека. Нет, он не баловался воображением в смысле «а вот если бы да кабы, поступи я тогда иначе...», ибо интерес его концентрировался на глобальных проблемах физического и социального естества. Такие планетарные проблемы волновали Бориса Петрова. Особенно в моменты, когда приходилось шагать по пустынной ночной улице, казалось естественным рассуждать о высоких материях, если ты к тому же ещё и инженер...

Вот, рассуждал лаконично мозг Петрова, водные пары конденсируют в атмосфере, и идёт дождь; если температура ниже точки замерзания – тогда снег. Вулканы извергаются вследствие повышенного давления магмы, причём там, где сопротивления земной коры недостаточно, чтобы сдержат напор... Поводом для Первой мировой войны послужило убийство австро-венгерского престолонаследника в Сараево... Школьники хватают тройки и пары по причине лени выучить домашние задания. И если задуматься над: а) ПОЧЕМУ охлаждаются водные пары; б) ЗАЧЕМ давление магмы в данной точке повысилось; в) ПОЧЕМУ застрелили Франца Фердинанда; г) С ЧЕГО БЫ школьникам не потрудиться над уроками – вот тогда неминуемо напрашивается вывод, что сии события порождены другими событиями. Но следствия каждого события размножаются и клонятся, превращаясь во множество производных, и так до бесконечности. Дождь причиняет наводнение, обильный снег – тоже, но приводит также к богатому урожаю. Вулкан посеет разрушение, но может породить плодородный остров. Мировая война – это кошмар, развал, но и толчок для экономики. Слабая оценка в школе или завалит человека в будущем, или же подстегнёт его к стремлению поправиться и отличиться, воспитает нужное усердие, так необходимое новому гению, которому словно «суждено» совершить величайшее эпохальное открытие. Следовательно, последствия каждого события в потенциале своём практически бесконечны. Мировой компьютер как бы прядёт без усталы необъятную паутину взаимных связей, и эта сеть опутывает участь и живой, и неодушевлённой частей природы в нашем мире. Причинность и следствие словно сливаются в нечто единое, и если хорошенько поискать общий корень таких вроде бы не связанных явлений, как жужжание москита в тропических джунглях, рождение тюленчика в Антарктиде и запуск космической ракеты, то наверняка искомый корень отыщется в дебрях и пучинах времени. А это значит, что на нашей планете нет ничего случайного, всё однажды пошло по каким-то заведённым руслам с самого начала её создания – всё от первопричинного события. Хаос только выглядит беспричинным...

Мудрые мысли Бориса Петрова неожиданно дали осечку – инженер споткнулся и чуть не растянулся на мостовой.

Замешательство длилось не дольше секунды.

Вот тебе наглядный пример из области свободной человеческой воли, пробормотала в голове очередная мысль. Ты бы мог дальше себе пойти, не проверяя, что за препятствие попыталось вывести тебя из физического равновесия, ибо это происшествие является ничтожным и маловажным по сути своей. Но можешь оглянуться и узнать, что же спровоцировало досадное спотыкание, а факт узнавания наверняка поставит начало цепной реакции новых возможностей...

Петров выбрал лавину следствий, обернулся и шагнул к месту незначительного инцидента. На тротуаре лежал какой-то закруглённый предмет. Борис присел и поднял его. Находка оказалась увесистой, матово блестя под скудным светом фонарей, поперёк поверхности вилась длинная и непонятная то ли вязь, то ли надпись. Петров прищурился и запихнул предмет в карман пальто, после чего решительно направился домой.

Как только очутился в уютно-теплой прихожей своей квартиры, Борис снял пальто, повесил его на место, извлёк находку из кармана и прошёл в гостиную. Не глядя на предмет в руке, он сперва порылся в шкафчике и вооружился лупой, которой обычно пользовался,

разглядывая коллекцию марок. Находка, по его мнению, заслуживала тщательного изучения.

Верхняя поверхность предмета напоминала обкатанный речной камень, нижняя часть была плоская, а вообще находка формой походила на мышь компьютера. Спереди мерцала красная звёздочка, сзади обнаружилось миниатюрное отверстие. Предмет выглядел в этом смысле довольно обычно. Если бы не надпись – гравировка отчётливая, символы окрашены чёрным, знаки – совершенно незнакомые, образующие вереницу, с затейливыми и странными завитушками. Борис предположил, что вещь сделана из металла, причём на пробу материал оказался довольно-таки твёрдым, нож не оставил на поверхности ни малейшей царапины. Визуальное изучение тем и закончилось. Борис напряг воображение, но безрезультатно. В голову никаких идей об экспериментах не приходило, а гипотез о предназначении находки – тем более.

Петров повертел предмет в руках, хмыкнул и положил его на стол, после чего решил, что пора бы баиньки. Покидая гостиную, Борис выключил свет и тут же услышал слабое потрескивание, а комната блеснула ослепительно в электросварочно-синем сиянии на одно короткое мгновение, затем сияние угасло. Петров остолбенел. Включил свет и медленно вернулся. Находка мирно лежала себе на скатерти. Новый, более дотошный осмотр не обнаружил никаких перемен, разве что звёздочка спереди уже мигала, причём более-менее равномерно. Петров паялился, паялился и вдруг подумал, что до утра безопаснее вещьцу оставить на хранение подальше от легковоспламеняющихся предметов, на бетонном подоконнике, скажем – так, на всякий случай. В мозг закралось нелепое, но неистребимое опасение, что предмет может вызвать пожар. Поэтому – на бетон его... Так Борис и сделал, немного успокоился, выключил свет – ничего не произошло! – и пошёл в спальню, где задумчиво принялся разбирать постель для заслуженного отдыха. Заснул Петров быстро.

В течение нескольких следующих дней мысль о находке не покидала инженера. Что с вещью делать? Сдача ее в серьёзный научный институт могла дурно обернуться для него – засмеют, если окажется нечто банальное. Мало ли машинных узлов, незнакомых инженерам, которые данной установкой непосредственно не заняты! Особенно если установка экспериментальная либо специального предназначения, о коей знать не всякому полагается... Но с какой стати такая вещь валялась бы на улице? И что за вспышка случилась в гостиной? Борис чувствовал, что тут что-то не так. Чувствовал и сердился на это своё чувство – расплывчатое и бесформенное, лишённое логики и ясности. Интуиция, леший её подери...

Борис решил посоветоваться. На то и друзья, чтобы помогать в беде, а сомнения и отсутствие объяснения – самая и есть беда для солидного человека. Да и друзья-то работают в других областях, где он не спец. Каждый нормальный мужик обратится за советом, ничего постыдного в этом нет. Петров сказал себе, что надо провести частное расследование, в котором не обойтись без консультаций.

Итак, предмет сперва перешёл в руки Юлия, который был дока в электронике. Юлий констатировал, что странная находка никаких точек соприкосновения с серьёзной технической наукой не имеет. Вещь перекочевала в кабинет Виктора, замзава лабораторией контроля сварочных работ. В лаборатории предмет просветили рентгеном и установили сверх всяких норм сложную микроструктуру его внутренностей, выделили даже какие-то конфигурации из миниатюрных круглых образований. И всё. Зачем, как – непонятно. Пришлось идти на поклон к «царю химии» Петру, который ухитрился с невероятным трудом соскоблить с поверхности находки чешуйку для пробы. Анализ Петра оглушил и ошарашил. Предмет состоял из титанового сплава с легировкой такими элементами, как редкие полоний, франций, актиний, а также ещё и один незнакомый, из пустой клетки периодической таблицы. Пётр заявил, что такой же по весу золотой слиток жутко как дешевле чудного артефакта. Вот так.

Когда ценная находка вернулась к своему обладателю, всё, что о ней узнали, было то, что стоит вещь бешеных денег. Но объяснений потрескиванию и вспышке света – ни-ни.

И вот в субботу Борис созвал совещание – разумеется, в любимом кабачке, где завсегдатаями были и он, и его приятели. Совет занял круглый стол в углу пивнушки, и все

установились на загадочный предмет, который бесперебойно мигал красным глазком со своей принятой за перёд части.

Петров взял слово:

– На неделе я носил это по филологическим кафедрам университета в надежде, что кто-нибудь сумеет прочесть надпись. И все профессора мне сказали, что такой письменности не существует и никогда не существовало. Просили оставить, но я не согласился. Один доцент, светило в древних языках, полагает, что надо мной подшутили – нацарапали закорючки забавы ради.

– Нацарапали? – скептически переспросил Пётр. – Ну и ну. Понятия филологи о «царапании» не имеют...

– Перед нами, друзья, предмет сверхсекретной технологии! – вмешался Юлий. – Что, конечно, не объясняет ни надпись, ни факт находки предмета на улице. Ведь если вещь связана с оборонной промышленностью и её институтами, какой идиот посеял бы ТАКОЕ в переулке на тротуаре?!

– Предмет функционирует! – напомнил Борис. – Мигалка не перестала действовать с того самого вечера, когда я наблюдал вспышку.

– Тут-то первая очевидная загадка, – промямлил Виктор, – Мерцает не диод, не лампочка, а точка самого металла корпуса. Энергетическое питание совсем неясное, да и на электронику, честно говоря, не смахивает... Ты бы, Боря, выбросил эту штуковину от греха подальше. Или продай кому, кто больше заплатит. За границу предложи.

– В страну, где проводятся космические исследования, – поддакнул Пётр, – Титановые сплавы используются в ракетной технике.

– Ни за что! – ответил Борис. – Пока не разберусь в её предназначении, никому не отдам. Вот, блин, словно с неба свалилась!..

– А может, так и есть – инопланетяне уронили, – то ли пошутил, то ли серьёзно сказал Пётр.

И хотя подобное предположение действительно походило на шутку, уж больно фантастическое, чтобы быть правдой, но четвёрка друзей умолкла и призадумалась. Штуковина мигала себе слабенько в середине стола, бросая отблески на пивные кружки (только пиво, никакой водки, пока идёт совещание!).

– Послушайте! – Борис впряг свою инженерную мысль, – Вы согласны, что штуковина кем-то сделана? Продукт производства, пока незнакомого?

– Ну... – нестройно подтвердили остальные трое приятелей.

– Следовательно, она что-то должна делать.

– Ну, – опять согласились друзья.

– Мы затем и сидим сейчас перед ней! Предложить гипотезу. Сделать вывод.

– Но не можем, – констатировал Юлий, нарушая воцарившееся молчание. – Так зачем нам мучиться этим пивом? Давайте-ка наконец беленькой закажем!

Неохотно, но все кивнули.

Так закончился тот опыт мозгового штурма. Штуковина выдержала натиск противника, который залил своё поражение водкой.

Недели проходили, улетали в прошлое, тайна оставалась незыблемой. Однако Борис Петров нутром чуял, что вокруг что-то ПРОИСХОДИТ. Причиной этого ощущения стали мелочи. Сначала ему показалось, что монитор домашнего компьютера как-то иначе светится. С цветом вроде неладно. Первой защитной догадкой, промелькнувшей в голове, была мысль о том, что следует сходить к офтальмологу. Но за делом случай забылся, Борис привык к новой цветовой гамме, и больше она его не тревожила. Но как-то раз на него произвела впечатление коробка монитора – слишком уж округлая... а раньше, кажется, корпус был угловатый, со строгими прямыми линиями... Ах да, это прежде такие делали, все старые модели были похожи на кирпичи. Объяснение не удовлетворило червя сомнения. На всякий случай Петров позвонил Юлию и поделился волнениями.

– Всегда они такие были! – отрезал друг, – Я же в этой сфере давно и все новинки

отслеживаю. Хотя вообще-то прямоугольный экран, наверное, удобнее, но с другой стороны...

Борис извинился, наспех попрощался и положил трубку. В рту осталось нечто горькое. Тьфу, с башкой непорядок!.. И вдруг взгляд его упал на стены. Борис моргнул. Он видел их словно в первый раз. Обои были мохнатые, с ворсом – мягким, нежным, шёлковым. Что за бред? На этот раз он набрал номер Виктора и спросил: мужик, что с обоями на стенах стряслось?

– Ты что, Боря, вчерашний небось? Опохмелись – полегчает. Старые гладкие обои уже двадцать лет как вышли из моды. А ворсистые и изолируют лучше... Да мы же их с тобой вместе покупали, а я потом клеить помогал! Самые шикарные ты выбрал – с липким слоем, самокорректирующиеся.

– Извини, наверное, забыл... от работы голова пошла кругом, – промямлил Петров и поспешил прервать связь.

И задумался об угрожающих переменах. Унял дрожь и попытался трезво проанализировать сложившуюся обстановку. Первое, что пришло на ум, – склероз, братец. Или амнезия селективная. Возраст.

Озабоченный таким выводом, Петров пошёл на медосмотр со всеми его анализами-причиндалами.

– Здоровье у тебя отменное! – заверил его личный врач, – В твои годы немного у тебя сверстников осталось, которые бы похвастались тем же.

Вопреки успокаивающей информации Борис продолжал ощущать внутреннее напряжение, словно ошестившийся зверёк, которому не ясно, откуда нагрянет опасность, но как будто со всех сторон сразу. И нагрянула. Тихо и ненавязчиво.

Пару дней спустя Борис вдруг осознал, что изображение у телевизора объёмное, а в выключенном состоянии аппарат походил на скорлупу выеденного яйца – довольно элегантного вида, надо признать. По словам Юлия, такие модели производились ещё до их с Борисом рождения.

Но когда исчез телефон и на его месте Петров застал переносное гнездо объёмного изображения, тогда стало совсем уж ясно, что мир МЕНЯЕТСЯ как сумасшедший, но как-то тонко и незаметно... или правда мозги набекрень уже съехали. Нет-нет, действительно что-то ПРОИСХОДИТ!

Весь остаток дня Борис просидел возле бюро, буравя взглядом потолок, который тоже был иным.

Прошло ещё немного времени, и в один прекрасный момент зеркало в ванной словно испарилось, уступив службу объёмному отражателю. И в фокусе его вместо себя Борис увидел нелепое существо с огромными глазищами да парой дырок вместо носа. Пустив в ход воображение, можно было узреть нечто гуманоидное в существе, глянувшем на Бориса из объёма «зеркала». Петров пару раз мигнул, существо ответило тошнотворного вида всасыванием глаз в орбиты, и тогда Борис пулей вылетел из ванной и бросился к гнезду холофона, которое обычно стояло в гостиной. Лихорадочно набрал... нет, ПРОИЗНЁС номер, вспомнив мимоходом, что шайб или клавиатур уже ДАВНО нет и в помине. Удивление по этому мимолётному поводу слегка смягчило панику, а тут и последовал мелодичный звук – сигнал, что на связь вышел друг, к которому кинулся за помощью Борис.

Друг выслушал сбивчивые слова Петрова, произнесённые с немалой долей ужаса, и усмехнулся, шутливо выставив наружу раздвоенный язык.

– Ты перестанешь дурака валять? – осведомился тот, кто отзывался на имя Пётр... или что-то в этом роде. – Всё в порядке, мужик, всё как надо. Фантазия у тебя разыгралась. Вот что, давай вечером соберёмся с остальными в крибе и раздавим пару митилак. У нас же и повод есть! Я Юлию и Вите уже позвонил... Придётся?

– Приду, – упавшим голосом ответил Борис и дал отбой.

Самое странное, он действительно ПОНИМАЛ, о чём речь. «Криб» – это кабачок, «митилак» – водка. Явно пришло время сдаться и принять действительность такой, какая

она есть.

Петров беспомощно обвёл глазами комнату, и взгляд внезапно зацепился за бывший деревянный стол (теперь пластмассовая ВАРГА), где на бывшей скатерти (световой декорации) мирно покоился себе тот самый предмет, штуковина, зараза, с которой всё началось. Находка была единственной вещью, не претерпевшей никаких изменений. Лежала себе и мигала красной звёздочкой спереди. Только теперь это мигание показалось Борису зловещим.

Петров оторвал взгляд от штуковины и продолжил осмотр, узнавая «свои» вещи и безошибочно определяя их смысл и предназначение. Вот затейливо округлые линии ниш ВАРХАТЫ (бывшего библиотечного шкафа), в них расставлены КРАНИ (абстрактные статуэтки) из ПИРХИ (вид стекла) и ТРИМАНИТРЫ (священные атрибуты). Книг не было вовсе, изредка попадалась одна-другая забытая ДУДЗА (информационная текстовая рамка). Мебель – БОРМАКАТЫ, играющие роль стульев и кресел, радовали (но и пугали) глаз эллипсовидными выемками, точно под стать сидищу любого КРИГОТА, в том числе и самого Петрова.

Я в безумном мире, сказал себе Борис. В нём всё не так, как прежде, кроме имён да холофонных индексов... хотя и в этом я не совсем уверен. Но штуковина такая же, как и была, конечно.

Борис взял в бывшую ладонь (окончание хватательной конечности МЕРК) предмет, наверное, в пятисотый или в тысячный раз. Сознание словно дробилось на грани двух реальностей. Сплошные чёрные глаза Петрова остановились на упрямой штуковине. Нисколько ты не изменилась, зараза. Хотя... Нет. Не изменилась. Это я изменился, вот почему надпись сейчас действительно надпись, а не чепушистый узор... Не было сил уже удивляться. Борис прочитал буквой- ды, отштампованные на корпусе штуковины:

Линейный темпоральный ускоритель событий регрессивного энтропийного действия – стандартная модель планетарного поражения.

Собственность Галактического военного ведомства Криготии – Главное управление экспансии.

Правда наконец прошибла прежний рассудок Петрова, который агонизировал на грани небытия под угрозой пропасть совсем. Человеческая память вопреки усилиям явно проигрывала борьбу. Небольшая штуковина, найденная Борисом на улице, являлась невероятно сложным устройством, предназначенным создавать чужую ПЕРВОПРИЧИННОСТЬ всех явлений. Может быть, предмет был подкинут ещё на заре зарождения земной жизни. Возможно – позже. Важнее то, что неумолимые щупальца устройства со страшной силой медленно уничтожали все земные события, изменяя их до неузнаваемости. Синее сияние, невольным свидетелем которого оказался Борис, вероятно, представляло собой побочный эффект темпорального перемещения в прошлое, а треск, наверное, был связан с транспортированием миллионы лет назад мощного информационного носителя, ничтожного по размерам, способного внедриться в местный узор событий и причин, а затем исподволь привести их к выгодному для его создателей вероятностному горизонту. А дальше устройство только направляло события в созвучии с чужой логикой, враждебной земному развитию. Вот почему и валялось оно в переулке – чтобы какой-нибудь олух легкомысленно подобрал его и таким образом привёл в действие. И олухом стал Борис Петров, непосредственный соучастник чужого нашествия. Внеземная цивилизация сконструировала страшное оружие непостижимого технологического уровня, наверняка имея в виду, что у неё больше всех остальных рас в космосе прав на существование. Агрессор даже, можно сказать, считает себя благодетелем и гнушается насилия. Ведь верно – никого не убивает, никого не поработывает... просто ассимилирует планеты с разумной жизнью, превращая их обитателей в себе подобных.

Дойдя до этого рубежа понимания случившегося, Петров внезапно ойкнул и схватился за голову, в которой бушевала ураганная мигрень. Последние остатки человеческого сознания распались, а вместе с ними навсегда пропала и память об ином существовании.

Головная боль прошла за мгновения, Борис почувствовал облегчение и перевёл дух.

Просигналил холофон, и в объёме появилась синяя физиономия Виктора. Друг выглядел взволнованным, лобовые отростки шевелились встревоженно.

– Ну как себя чувствуешь? Вижу, вижу, что лучше. .. Я по поводу встречи в крибе, – важно изрёк приятель. – Тебе в последнее время, кажется, нездоровилось, и чушь ты порол изрядную, поэтому напоминаю, что поводом у нас – самое величайшее событие в истории нашей расы! Боря, всё же ты парень что надо. И всей компании будет приятно поднять с тобой рюмку в честь Пятого цикла нашей вселенской экспансии! Как то сделает каждый уважающий себя кригот и в самом глухом углу галактики. На центральных мирах проводятся неслыханные празднества, а в нашей периферии мы ограничимся парой объёмов митилаки. Важно воздать почести. А церемонии посмотрим по гиперпространственному холо... Ну?

– Я сейчас иду, – заверил его Петров. – Хорошо, что напомнил мне, спасибо. Мигрень мучила, сплошной туман от неё в мозгах... Ничего странного, что запамятовал о таком грандиозном событии первостепенной важности! Но и без празднования каждый кригот знает, что во Вселенной нет более великой цивилизации, чем наша!

Красный глазок линейного темпорального ускорителя событий мигнул в последний раз и потух.

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

GLORIOZA SUPERBA

Лису всё-таки удалось уговорить меня пойти вместе с ним на эту дурацкую презентацию.

Пока я с тоской озирался в поисках хотя бы одного знакомого лица и пил бесплатное шампанское, мой младший брат, довольный и счастливый, беседовал с компанией людей неопределённой внешности и возраста. «Богема», – подумал я довольно саркастически и улыбнулся им всем, когда Лис указал на меня.

Признаюсь, меня начинали раздражать все эти художники, с которыми до самозабвения носился брат, их нахальство, претензии на непризнанную гениальность и постоянное стремление выставить себя хранителями какого-то высшего искусства, непонятного нам, простым смертным. Да и вообще, какое искусство может быть в наше время, когда всё уже написано, сыграно и напечатано?! Так, взаимообразное число повторений, вариации на одну и ту же тему.

Лисёнок со мной конечно же не согласится, но в его возрасте мир кажется радужно-переливчатым, в розовый горошек, а след краски на холсте приводит в бурный восторг. Ну и пусть себе ребёнок радуется, тем более есть повод. Его картину наконец выставили в каком-то престижном салоне, и с моей стороны крайне подло омрачать своим скептическим ворчанием праздник братишки. Лучше поищу себе кого-нибудь

более приятного в общении, чем неопцененные «хранители».

Я взял следующий бокал шампанского и направился вдоль зала, внимательно рассматривая всех встречаемых. Ну вот, наконец хоть что-то приемлемое!

Она стояла в одиночестве около огромной картины непонятного содержания, внимательно разглядывая сие произведение живописи. Девушка, быть может, чуть постарше Лиса. Стройная, хорошо одетая – приятное разнообразие после рваных джинсов, маек непонятных расцветок и нечесаных волос. Кстати о волосах... Они были великолепны, цвета полированного ясеня, густые, переливающиеся под светом ламп, струящиеся до лопаток, просто созданные для того, чтобы их ласкали, словно драгоценный мех...

Оторвавшись с некоторым трудом от созерцания незнакомки, я прихватил с подноса второй бокал и направился к ней, заготовив пару дежурных фраз для знакомства. Подойдя

вплотную, чуть наклонился – девушка была на голову ниже меня – и сказал:

– Колорит этой картины является великолепным примером авангардного смещения ярких оттенков, несущих в себе намёк на деструктивный замысел автора и его неформальное восприятие действительности.

Ясеньевые волосы плеснули по спине, девушка обернулась, и я увидел её яркие глаза, в то мгновение они показались мне зелёными.

– Я подслушал это у экскурсовода и, надеюсь, ничего не перепутал.

Она улыбнулась, видимо оценив мой нестандартный способ знакомиться, и ответила:

– Я не очень хорошо разбираюсь в живописи.

– Вот жалость! А я хотел произвести неотразимое впечатление.

Она ещё раз улыбнулась.

Какие странные у неё глаза, взгляд какой-то плывущий. Или я слишком увлекся бесплатной выпивкой?

Она взяла предложенный бокал, но пить не стала.

– Что же вы делаете здесь, если не разбираетесь в живописи?

– Меня пригласили, и отказаться было невозможно.

– Со мной произошло то же самое. Мой брат... видите, вон тот, рыжий, намерен произвести фурор, а я осуществляю моральную поддержку и умираю от тоски. Да, кстати, меня зовут Зар.

Она промолчала.

– В смысле Захар. А вас?

– Арника.

Красивое имя для красивой девушки. Я смог наконец оторваться от её глаз и был приятно удивлён тонкой красотой лица, нежным цветом кожи. Идеальное увлечение. Вот только разговор наш нравился мне всё меньше. Он словно соскочил с гладких рельсов приятного флирта, и теперь я чувствовал себя танцующим в пустом зале, в то время как предмет моего интереса довольно внимательно изучает меня со стороны. Она не задала ни одного вопроса, хотя я дал уже несколько возможностей поддержать игру. Например, спросить, почему у меня, блондина, такой рыжий брат, рассказать, кто пригласил её и почему она осталась в одиночестве. Да мало ли что ещё! Или я ей не нравлюсь? Так почему не уходит, если я неинтересен?

– Чем же вы, Арника, занимаетесь? Уже понял, что не живописью.

– Работаю в вашем институте на кафедре биологии.

Если в «вашем» институте, значит, неместная.

– Вы нездешняя?

– Нет.

– А откуда?

– Издалека.

Вот так – «не задавай лишних вопросов». Хотя бы улыбнулась, смягчая резкий ответ.

– Никогда бы не подумал, что вы биолог. Зачем вам такие глаза, если вы научный работник?

Её не проняла даже грубая лесть! Что за странная девочка – не понимает намёков, не реагирует на комплименты. Ну если ты не заинтересована во мне, так и скажи, я извинюсь и отойду...

– Слушай, Лис.– Мне наконец удалось перехватить братишку во время короткого тайм-аута, деликатно объявленного Арникой. Она отошла к како- му-то знакомому (поставив на столик бокал с шампанским, к которому даже не притронулась!).– Что это за девушка?

– Какая? Где?

Лису явно было глубоко не до моих скоропостижных увлечений. Он буквально пританцовывал на месте от нетерпения и готов был ускакать в любую секунду.

– Вон та, с длинными волосами... Да постой ты минуту спокойно! Видишь, к ней подошёл один из твоих Пикассо.

– Эта?! – Брат забавно фыркнул и рассмеялся. – Здесь тебе ничего не светит.

– Почему же? Мы с ней очень мило побеседовали. Она даже дала мне номер своего телефона.

– Ладно, Зар, дома поговорим, мне сейчас некогда, но предупреждаю: ты напрасно теряешь время.

Обычно Лис не ошибался в своих прогнозах, и, если он был уверен в чьей-либо неприступности, стоило послушать его. Но меня, похоже, уже зацепило. Эта очаровательная золотоволосая девушка разбудила во мне какой-то безумный охотничий азарт, и я чувствовал, что не успокоюсь, пока не завлеку её. Ещё никто не уходил от меня после первой встречи, и никто не отказывался от второго свидания.

Дома я потребовал от Лиса подробных объяснений. Он как-то странно замялся, попробовал перевести разговор на другую тему, но, видя, что я неумолим, сдался:

– Ладно. Только не говори потом, что я не предупреждал тебя. Понимаешь, эта девушка не совсем девушка.

– Ага, а я Моне.

– Нет, я серьёзно. На первый взгляд она кажется обычным человеком, но...

– Лис, если ты собираешься рассказать мне ещё одну историю об экспедиции на Либру, то я не хочу ничего слышать. И вообще, не понимаю твоего доверия к неземлянам, как ты их называешь.

– Зар, она не инопланетянка.

– Тем лучше.

– Нет, ты правда не понимаешь. Она очень похожа на человека, но не человек. Она... в общем... наверное, это прозвучит странно, но Арника – растение.

– В каком смысле?

– В прямом.

– Ты что, шутишь?

– Нет. Это правда, и все, кто с ней общаются, знают это.

– Но она выглядит как обычная девушка, правда, немного...

– Вот видишь, ты всё же заметил в ней какую-то странность.

– За весь наш разговор она не задала ни одного вопроса.

– Да, потому что у неё разум не человека и даже не животного, хотя вроде у животных нет разума. Арника не испытывает многих чувств и желаний. Например, любопытство у неё начисто отсутствует.

– Нет, это невозможно. Такая красивая, милая...

– Мне очень жаль.

По глазам Лиса я понял, что он действительно сожалеет.

– Но я всё равно могу общаться с ней.

– Зар, если ты надеешься пленить её своим остроумием, то у неё нет чувства юмора, она даже улыбается только из вежливости. Ты привык, что девчонки сразу вешаются тебе на шею из-за твоей внешности, но для Арники не имеет большого значения, что рассматривать – картину, приятный пейзаж или твоё лицо. К комплиментам она равнодушна, подарки не принимает. На неё можно просто смотреть, как на цветок, иногда, и получать удовольствие с кем-нибудь более живым.

Лис постарался, чтобы я почувствовал себя круглым дураком, к тому же дураком разочарованным. Он уже давно отправился спать, а я продолжал сидеть в кабинете, вспоминать всё, что когда-либо слышал или читал о растениях, и приходил к твёрдой уверенности, что окончательно сошёл с ума.

Если Лис прав – а он, конечно, прав, и очаровать Арнику невозможно никакими силами, то почему я уже целый час кручу в руках визитку с номером её телефона и успел, кажется, выучить его наизусть? Почему бы мне не плюнуть на эту глупую историю, благополучно не забыть её и, по совету Лиса, не заняться кем-нибудь более перспективным? Может быть, всё дело в обычном любопытстве. К тому же завести роман с цветком выпадает

не так часто. Ну хотя бы попытаться завести. Последний довод оказался решающим. Плотно прикрыв дверь кабинета, я сел ближе к телефону и набрал уже выученный номер. Трубку сняли почти сразу.

– Слушаю...

Я тут же узнал её голос. Обычный голос нормальной девушки, очень мелодичный.

– Привет, Арника. Это Зар.

– Добрый вечер.

На мгновение я замялся, но случайный взгляд, брошенный на часы, подсказал следующую фразу:

– Извини, что поздно. Наверное, разбудил тебя.

– Нет, я не сплю.

– У нас, оказывается, много общего. Мы оба не разбираемся в живописи и поздно ложимся спать.

– Да...

Не видя ее, разговаривать с ней ещё труднее. Могла бы хоть обидеться на то, что я без спроса перешел на «ты».

– Чем ты занимаешься сейчас?

– Читаю книгу.

– Интересную?

– Не очень.

– И тебе не скучно там одной?

Она промолчала, видимо обдумывая мой вопрос или вспоминая, какое ощущение люди обозначают понятием «скука».

– Если тебе надоела твоя книга, могу пригласить тебя куда-нибудь.

– Уже поздно.

– Тогда завтра. Ты свободна вечером?

– Да.

– Вот и отлично. Если хочешь, я заеду за тобой, только скажи куда.

Она продиктовала мне свой адрес, и мы мило распрощались, пожелав друг другу спокойной ночи. К со жалению, пожелание Арники не исполнилось – я не смог уснуть до рассвета, ворочаясь на своей слишком большой для одного кровати, и задремал только под утро...

– Захар.

– Мм?

– Сейчас я уйду и вернусь только к ужину. Ты слышишь?

– Угу.

– Не забудь, что я просил передать, если позвонят... Ну проснись ты на минуту!

– Это никак невозможно, – пробормотал я, с трудом открывая глаза.

– Что невозможно, передать мои слова или проснуться?

– И то и другое. И вообще сегодня я ужинаю не дома.

– И с кем ты ужинаешь сегодня, если не секрет? Неужели с Арникой?

Наверное, он хотел пошутить, но ответное молчание насторожило моего догадливого братца.

– Что, правда? Зар, серьезно?

Лучшее, что я мог сделать, – опять притвориться спящим. Лис благополучно отстал, зная о моей утренней несдержанности, и убежал куда-то по своим многочисленным делам.

Остаток дня я провёл в одиночестве, подавляя естественные приступы любопытства и нетерпения, которые вызывал приятный образ моей таинственной знакомой. Вчерашние сомнения успели отступить, сгладиться в потоке необычайно приятных воспоминаний и не менее приятных надежд. Этот небывалый оптимизм поддерживал меня до вечера и вспыхнул с ещё большей силой, едва я снова увидел Арнику.

Теперь, когда я знал, что она на самом деле, мне трудно было удержаться, чтобы не

рассматривать её постоянно с тайным желанием выявить непохожесть на человека.

– Привет.

– Привет.

Она улыбнулась, и я снова поразился. Невозможно поверить, что она всё-таки не человек. Может быть, негодник Лис специально это выдумал, чтобы поставить меня в неловкое положение?

Тонкие черты лица, цвет кожи... если приглядеться, наверное, этот золотисто-смуглый тон мог показаться неестественным... Нет! Не может быть! Глаза... Я ошибся, они не были зелёными, просто в их тёмной глубине временами вспыхивают зеленоватые огоньки, когда она вот так смотрит из-под полуопущенных ресниц. Стройное, привлекательное тело без каких-либо видимых недостатков.

Арника спокойно позволяла мне рассматривать себя, не смущаясь под моим пристальным взглядом.

– Извини, что не предлагаю тебе кофе, но я его не пью и поэтому не держу дома.

– Ничего, обойдусь без кофе.

Занятая у неё квартира. Полы сплошь устланы коврами, и только кое-где видны кусочки блестящего паркета из настоящего дерева или из пластика, очень качественно обработанного под дерево. Вместо люстр и торшеров световые трубки, очень мало мебели, зато половину стены занимает аквариум. Я рассматривал его несколько минут, пока девушка переодевалась в другой комнате, но не увидел ни одной рыбки, только переплетение ярко-зелёных водорослей.

– Эй, Арника, так куда бы ты хотела пойти?

– Мне всё равно, – послышался её приглушенный голос.

– Ну это понятно. А всё же?

Она появилась наконец, одетая не менее элегантно, чем вчера, и по-прежнему равнодушная к моей иронии.

– Если хочешь, пойдём в ресторан, – предложил я.

– Пойдём.

Уникальное создание! Неужели она так же уступчива во всём остальном? Окрылённый этим предположением, я решительно взял Арнику под руку и дал себе слово сделать всё возможное, чтобы растормошить её равнодушную неприступность. Растение она или нет, но в моём присутствии не имела права сучать.

– Что будешь пить? – обратился я к моей молчаливой спутнице, внимательно, но без особого интереса рассматривающей зал ресторана.

– Томатный сок, – отозвалась она.

– Боюсь, что томатный сок здесь подают только с водкой. Для тебя это не будет слишком крепко?

Ясные до прозрачности глаза встретились с моим взглядом.

– Да, пожалуй, для меня это будет слишком крепко. Я не смогу себя контролировать, если выпью.

Не сдержавшись, я рассмеялся:

– Арника, извини, конечно, но ты что, совсем не понимаешь шуток?

– А это была шутка?

Я снова усмехнулся и развернул меню.

– Видимо, не очень удачная, если ты на неё не отреагировала.

Пожалуй, и начало не слишком удачное. Мои попытки развеселить её безуспешны, и сам я смеюсь над тем, что она считает серьёзными вещами. Глупость какая-то. Подоспевший официант спас меня из неловкого положения, в которое, как мне казалось, я сам себя поставил. Арника предоставила мне делать заказ и снова отвернулась, продолжая рассматривать публику. Ну и ладно, даже если я показался ей не слишком учтивым, это не испортит мне аппетит.

Через некоторое время я оторвался от гастрономических изысков и почувствовал себя в

силах продолжить наслаждения эстетические.

– Арника, ты ничего не ешь.

– Я голодна.

– Так зачем же согласилась ехать со мной в ресторан?

– Но ты же хотел есть.

– Хм... это было так заметно?

Она промолчала, опуская взгляд в свой бокал с соком. Чёрт возьми, до чего она всё же хороша! А это освещение с чуть розоватым оттенком придаёт её лицу особую нежность.

– Послушай, тебе говорили, что ты очень красива?

– Говорили.

Я словно невзначай протянул руку и накрыл своей ладонью её ладонь, лежащую на столе и рассеянно перебирающую край льняной салфетки. Тонкие пальцы замерли, но руки она не отняла. Неужели моё ухаживание решили принять?

– И что ты отвечала?

– Обычно ничего.

– А что ответишь мне?

В тёмных глазах снова заплескались зеленоватые огоньки.

– Ты хочешь, чтобы я что-то ответила?

– Да.

– Но я не знаю что. Я не умею говорить комплименты.

– Хочешь, я научу тебя?

Она попыталась убрать свою ладонь, но я только крепче сжал её:

– Я даю уроки светских манер совершенно бесплатно... ну почти бесплатно. Могу позаниматься и с тобой. Хочешь?

Понимает ли она всю двусмысленность моих предложений? И что означают эти опущенные ресницы? Молчит, ну что ж, придётся опять самому. Я стремительно поднялся, бросил салфетку на стол:

– Пойдём отсюда.

Она не удивилась, оставила стакан своего бесконечного сока и тоже встала.

– Можно было бы поехать ко мне, но, думаю, Лис уже вернулся, поэтому давай продолжим этот приятный вечер не менее приятно у тебя. Ты не возражаешь?

Она не возражала, и моя надежда стала перерастать в твёрдую уверенность, что эти ясеньевые волосы сегодня вечером будут лежать на моих плечах, а их обладательница...

Арника пропустила меня в квартиру, закрыла дверь, но не успела зажечь свет. Я перехватил девушку на пути к выключателю и привлёк к себе. И только тогда почувствовал её запах. Станный, стойкий аромат луговых трав и растопленного солнцем мёда. Отстранив душистую волну волос, я наклонился к ней и нашёл в темноте своими губами её губы. Они оказались именно такими, как я и желал – мягкими, нежными, прохладными. Но совершенно равнодушными. Арника не ответила на мой поцелуй, казалось, что я целую манекен или статую. Не слишком приятное ощущение.

Я почувствовал себя полным идиотом, когда она мягко, но настойчиво высвободилась из моих объятий и включила свет.

– Извини, Зар. Мне, наверное, надо объясниться.

– Не надо. Я и так всё понял.

Жаль, что сейчас не темно, тогда она не увидела бы моего лица с пылающими, словно у мальчишки, щеками.

– Ты принимаешь меня не за ту, кто я есть на самом деле.

– И кто ты есть на самом деле? – пробормотал я, пытаюсь подавить чувство невыносимой неловкости.

– Я не принадлежу к вашему виду. Многие ваши ценности и удовольствия непонятны мне. Твой поцелуй...– Арника коснулась кончиками пальцев своих губ,– ...несёт в себе большую информацию, но она непонятна мне совершенно. Я знаю, чего ты хотел бы от меня,

но не могу удовлетворить твои желания. С таким же успехом ты мог поцеловать герань и ждать от неё ответных чувств.

– Значит, это правда. Ты что-то типа орхидеи.

Наверняка моё уныние было забавным. Но только не для неё.

– Да, что-то типа орхидеи. Ты ведь знал?

– Знал, но... у тебя человеческое тело...

– Растению вовсе не обязательно иметь корни и зелёную окраску.

Девушка опустилась на диванчик, стоящий в прихожей, и я присел рядом, обдумывая следующий, очень важный для себя вопрос.

– Скажи, у тебя есть сердце?

Она спокойно взяла мою руку и приложила к своей груди. Я ждал, наверное, целую минуту, пока почувствовал одиночный, гулкий удар.

– Значит, есть. А если есть сердце, ты должна уметь любить.

Арника чуть наклонила голову, и мне показалось, что она сейчас рассмеётся.

Я бы на её месте рассмеялся.

– Ты ошибаешься, Зар. Умение любить не связано с наличием сердца. По-моему, любовь – это какая-то биохимическая реакция плюс инстинкт. У меня нет многих инстинктов, какие есть у вашего вида, мой организм не вырабатывает гормоны, которые влекут вас друг к другу.

– Но ты... вы же как-то размножаетесь.

– Это слишком сложно, чтобы объяснить в нескольких словах. Скажу одно: мы не испытываем потребности в продолжении рода.

– Ладно. Хорошо. Я тоже не испытываю такой потребности, но ведь есть ещё и удовольствие.

Она покачала головой, рассматривая меня, словно я был интересным микробом под стеклом микроскопа.

– Удивительно, но только люди могут любой физиологический процесс направить на собственное удовольствие. Еда для удовольствия, и секс, и потребность в укрытии и в одежде.

Я посчитал себя вправе не согласиться:

– Ничего подобного. Я что-то сейчас не соображу, что тебе можно возразить, но ты неправа.

– Я права. Или на удовольствие, или на разрушение. Все достижения вашей цивилизации вы направляете на уничтожение себе подобных. И все те речи о гуманизме и сострадании, которых я наслушалась, – пустой звук. Животные тоже жестоки по своей природе, но они хотя бы не лицемерят. А всё, что создаете вы, либо пошло, либо смертельно опасно.

– Ну знаешь ли!.. – Я не находил слов от возмущения. – А искусство, живопись, архитектура?..

– Я не очень понимаю ваше искусство и не вижу в нём особого смысла, чаще всего это тоже подделка, копия.

Если бы здесь был Лис, он показал бы этой самоуверенной хризантеме, как оскорблять святое искусство. Дискуссии на подобные темы он может вести часами, ни разу не сбившись, а я вовсе не собирался отстаивать интересы человечества, единственным моим желанием было приятно провести вечер.

– У меня такое чувство, что ты не очень любишь людей.

– Я к ним совершенно равнодушна.

– Так какого чёрта ты поехала со мной в ресторан?!

Зеленоватые глаза внимательно осмотрели меня, взмахнув густыми ресницами.

– Ты сердишься?

– Да, сержусь. Я всего-то хотел узнать, есть ли у меня хоть какая-то надежда на интерес с твоей стороны, а ты начала философствовать о порочности всего человечества, причём в присутствии представителя. Это по меньшей мере бестактно.

– Извини, если я тебя обидела.

– Зачем тебе моё извинение, если ты не чувствуешь себя виноватой... Ладно, мне пора.

Она поднялась следом за мной:

– Ты уходишь?

– Да. Всего хорошего. Спасибо за ужин.

– До свидания.

Я в последний раз окинул взглядом её стройную, гибкую фигуру, задержался на мягких, волшебных губах и вышел, едва сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью.

Пока я добирался до дома, досада моя значительно поутихла. Похоже, я очень постарался, чтобы поставить себя в дурацкое положение... и поцелуй ещё этот.

Не мог двух слов связать во время спора, ни одного разумного довода не привёл. Естественно, что Арнике с её «растительным», совершенно чуждым людям разумом наша жизнь и наши ценности кажутся дикими. Конечно, она не понимает ни живописи, ни литературы, да и как можно понять то, чего никогда не чувствовал? А я-то, идиот, развернул перед девушкой всю широту собственной души! Удовольствия мне, видите ли, подавай. Интересно, что она могла обо мне подумать?.. А что тут думать?! Вот ещё один представитель человекообразных, подтверждающий общее правило. Секс, еда и дорогие шмотки... Чёрт! А я её ещё и в ресторан потащил! Представляю, как она на меня смотрела, когда я, не видя ничего вокруг, уминал всё, что попадалось под руку, при этом пытался острить и не понимал, почему нет реакции на мои шутки. Самоуверенный болван!..

Домой я вернулся окончательно уничтоженный и посрамлённый. Естественно, Лис не спал, готовый своими замечаниями переполнить чашу моего отвращения к себе.

– Ну как?

Я мрачно посмотрел на него и направился в свой кабинет.

– Ты что-то не слишком доволен.

Я рухнул в кресло и отвернулся.

Он забеспокоился:

– Что случилось?

– Ты оказался прав. Она помесь фиалки с актинией, а я идиот.

– Нет.– Лис усмехнулся.– Ты не идиот. Просто мой брат немного слишком самоуверенный. Ты думал, она будет очарована тобой, как все остальные.

– Ну-у...

– Думал. А ей всё равно.

– Если бы ты знал, как я вёл себя, тебе было бы за меня стыдно. За меня, и за всё человечество.

Он расхохотался:

– Не думаю. Ерунда это всё. Завтра ты и не вспомнишь, что была какая-то там Арника.

– Надеюсь.

– Вот и отлично. Советую тебе лечь спать.

– Нет, я ещё немного попредаюсь самоуничижению.

– Ладно, только не забудь погасить свет, он мне мешает. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи,– отозвался я задумчиво, когда за Лисом закрылась дверь.

Полуночные размышления никогда не доводили меня до добра. Приглушённый свет, тёмные тени в углах комнаты, тишина, в которой звуки кажутся обманчиво громкими, чернота ночи, липнущая к стёклам окон.

Конечно, если разобраться, во многом она права. Взять хотя бы те же самые рестораны – шикарные заведения, созданные только для того, чтобы под музыку, весело и безболезненно освобождать карманы посетителей от крупных и мелких банкнот. Столько суеты и шика вокруг простого процесса еды. Неестественно это как-то...

Но при всём её уме она видит только одну сторону, не самую лучшую, а я, наверное, мог бы показать ей другую... помочь почувствовать, как приятно, когда тебя любят, заботятся о тебе и восхищаются тобой. В такие мгновения не думаешь о биохимических реакциях и гормонах.

Может быть, всё дело в том, что у Арники не хватает ощущений, а не в том, что она не может испытывать чувств. Может быть, никто никогда не пытался учить её любви, нежности, пониманию. Бедняжка, она сама

не знает, чего лишена. Какое, должно быть, унылое её растительное существование. Иллюзия жизни, игра ума, равнодушие, спокойствие, созерцание. Её мир лишён тепла и радости, поэтому и в нашей жизни она видит только бессмысленность и пошлость.

Я научу её любви. Непременно. Она поймет, как ошибалась... и со мной тоже.

— Алло, Арника? Здравствуй. Я хотел извиниться за вчерашнее. Я вёл себя не лучшим образом. Ты не обиделась?

— Нет.

— Отлично! Тогда, может быть, сходим куда-нибудь?

— Куда?

— Не знаю, погуляем.

— Хорошо. Давай погуляем.

...Я остановил машину на берегу реки, у самой тропинки, спускающейся к пляжу. Сейчас здесь не было ни души. Холодный ветер взбивал пену на волнах, накатывающих на мокрый песок. Низкие тучи мчались по небу, и любая из них могла пролиться на землю холодным дождём.

— Арника, я много думал над тем, что ты сказала вчера, и решил, что нам лучше начать наше знакомство сначала. Забудь всё, что я говорил тебе, в основном это были глупости.

Я выбросил окурок и закрыл окно, а Арника смотрела на меня своими прозрачными глазами, в которых я не мог прочесть ни одного чувства, и не понимала, чего я от неё хочу.

— Ты не понимаешь меня?

— Не очень.

— Ладно, забудь и это. Давай пройдемся.

Мы выбрались из машины и пошли вдоль реки по влажному песку пляжа. Холодный ветер тут же накинудся на нас, растрепав пушистые волосы Арники, и пробрался под мою куртку.

— Вчера я пытался представить твой мир, то есть мир таким, как ты его воспринимаешь, и мне показалось, что тебе должно быть очень одиноко.

— Я не знаю такого чувства,— ответила она спокойно.— Мне не бывает одиноко.

— Неужели никогда не хочется найти кого-нибудь, с кем можно поговорить, погулять?

— Нет. Обычно рано или поздно приходит кто-то, с кем можно пообщаться.

— Понятно.

Я машинально вытащил из кармана сигареты и снова закурил. Смутная, не до конца оформившаяся мысль мелькнула в моей голове, но я так и не сформулировал её до конца — что-то о свободе выбора... Меня отвлек внимательный взгляд Арники, устремлённый на сигарету в моих пальцах, и я не удержался от вопроса:

— Что, хочешь попробовать?

— Нет, спасибо. Я не вижу в этом смысла.

— Ты всегда делаешь только то, в чём видишь смысл?

— Почти всегда.

— Хм... Тебе не холодно? Кстати, ты когда-нибудь испытываешь какие-нибудь физические неудобства? Холод, жару, боль?

Прелестное лицо снова повернулось ко мне с выражением внимания, заменяющего ей недоумение.

— Боль?

— Да, нечто такое, отчего хочется отдернуть руку, когда обожжёшься, например.

Арника склонила голову к плечу, с вдумчивой серьёзностью рассматривая метя, потом вдруг забрала из моих пальцев сигарету и спокойно прижала её тлеющий конец к тыльной стороне своей ладони. Я чуть не вскрикнул от неожиданности. Терпко запахло сухой горящей травой, и я, очнувшись, вырвал окурочек из её рук.

– Ты с ума сошла! Зачем ты это сделала?!

Арника осмотрела свою руку и сказала:

– Я не испытываю боль, когда обожгусь.

– Ненормальная. Дай посмотрю, – Я взял её прохладную ладонь, – Неужели не больно?

– Нет.

– Значит, на твоей коже нет нервных окончаний? Но это невозможно, тогда ты не могла бы передвигаться и не чувствовала бы моих прикосновений. А ты чувствуешь их?

– Да.

– Загадочное ты существо.

Я поднёс ладонь Арники к губам и коснулся её поцелуем.

– А теперь что ты чувствуешь? Приятно?

Боже! Какие у неё глаза! То, что скрывается в их влажно мерцающей глубине, невозможно описать никакими словами. И никто не знает таких слов, в человеческом языке их не существует.

– Зар, я... я не испытываю тех чувств, которые на моём месте должно было бы испытать существо одного с тобой вида...

Арника улыбнулась. Я вёл точный счёт всех её улыбок. Это была четвёртая за всё время нашего знакомства.

– Я достаточно долго живу среди людей и знаю все эти знаки внимания. Я достаточно адаптирована для вашей жизни, чтобы не «выпускать шипы», когда ко мне прикасаются с дружескими чувствами. И мне кажется, что ты хорошо ко мне относишься.

– Более чем хорошо.

Арника подобрала камешек, попавшийся ей по дороге, и принялась рассматривать его, а я снова повторил свою неудачную попытку вовлечь её в разговор о любви и дружбе:

– Ты когда-нибудь читала любовные романы?

– Да.

– И тебе никогда не хотелось оказаться на месте их героев? Почувствовать те переживания, что испытывает человек?

Арника заговорила, сбившись со своего спокойно-уверенного тона, и я мысленно поздравил себя с первым удачным ходом.

– Понимаешь, Зар, мы с тобой по-разному воспринимаем мир. Ты чувствами, а я – логикой. Ты даже думаешь чувствами.

– Нет, почему же...

– Когда мы говорили с тобой вчера, ты не знал, что мне возразить, потому что тебя захлёстывали эмоции: гнев, негодование, обида. Они тормозили твою мысль, а я была свободна от переживаний.

– Ты хочешь сказать, что чувства не нужны?

– В основном они только затмевают рассудок и мешают чёткой работе мысли.

– Но ты никогда не испытывала их, как же ты можешь утверждать?!

– Я наблюдаю и анализирую.

– Нет, Арника, в этом ты неправа. Я согласен, что гнев может толкнуть куда угодно, но существуют ещё сострадание, жалость, нежность...

– А какой в них смысл?

– Да при чём здесь смысл! Если бы у меня не было чувств, я превратился бы в машину – в компьютер, которому ежечасно скормливают порцию информации, а он выдаёт логичный ответ. Представь, целая колония компьютеров, которым плевать друг на друга! Ни от кого не дождёшься ни помощи, ни поддержки... Мы социальные существа, и наш разум приспособлен для жизни в коллективе. Ты просто не знаешь, чего лишена, и как бы я ни

старался, всё равно не смогу объяснить.

На протяжении всего моего монолога Арника смотрела на меня, не отводя взгляда переменчиво-зеленоватых глаз, и слушала с редким вниманием.

– Ты прав, мы слишком разные.

Но мне не понравился её ответ, я не хотел, чтобы она сильнее укреплялась в своей уверенности о нашей диаметральной противоположности.

– Нет. Арника, я хотел сказать, что мы с тобой всё равно сможем понять друг друга, какими бы разными ни были. Я очень хочу, чтобы ты поняла меня.— Я взял её за плечи и посмотрел в глаза.— Хочу, чтобы ты подружилась со мной.

– Я испытываю некоторую привязанность к определённым людям.

– И ко мне?

– И к тебе.

Она никогда не лгала. Не умела говорить неправду. Не видела в этом смысла. И если не понимала моего вопроса или не могла на него ответить, признавалась в этом так же честно.

Она никогда не показывала, что ей неприятно моё осторожное ухаживание – спокойно принимая знаки моего внимания, она оставалась равнодушна к ним.

Арника ни разу не повысила голоса, ни разу не обиделась на меня, хотя поводы для этого были. Иногда моё терпение отказывало, и я говорил дерзости, даже грубости, в надежде увидеть в её взгляде боль или хотя бы растерянность, но зеленоватые глаза оставались спокойными, а лицо невозмутимым. Я не мог назвать её прекрасной даже в самых потаённых мыслях. Прекрасное – это изнутри, какое-то душевное озарение, сердечное сияние, а моя Арника была красива, но бездушна.

Временами меня убивала её холодность. Казалось, вот-вот ясный взгляд засияет нежным теплом, в улыбке появятся подлинные чувства, но нет. Напрасно я надеялся на чудо. Отточенные грани холодного ума кололи сильнее булавок.

Мой внимательный брат заметил наконец, что со мной творится неладное.

– Зар, мне не нравится, что происходит с тобой в последнее время. Ты сам не свой. В чём дело?

– В Арнике.

– О нет! Неужели до сих пор?! Только не говори, что ты всерьёз увлекся цветоводством.

– Лис!

Иногда этот мальчишка полностью оправдывает своё прозвище маленького хищника.

– Ладно, не сердись. Я знал одного типа, страстного любителя орхидей. Он буквально с ума по ним сходил, а ведь они не умеют ни говорить, ни улыбаться, и у них нет таких потрясающих ног, как у твоей Арники.

– Знаешь, меня, кажется, и привлекает именно эта её неприступность.

– Вот что я скажу тебе, братец, тебя избаловали. Ты всегда получал всё и сразу, но стоило в первый раз в жизни нарваться на недоступность, как ты тут же растаял. Это глупо!

– Постой, Лис, она что, не нравится тебе?

– Да, не нравится. Я ей не доверяю. И я всегда опасаюсь того, чего не понимаю. Ты тоже не будешь есть первый попавшийся незнакомый плод только потому, что он красивый, ведь он может оказаться ядовитым.

– Арника – не ядовитый плод.

– Это ещё неизвестно.

Наверное, в каждом из нас есть что-то от Пигмалиона. Стремление создавать и переделывать по образцу собственных желаний. Это льстит самолюбию и удовлетворяет гордость художника, скрытого глубоко в душе.

Положить все силы на создание идеала и в процессе преображения влюбиться в объект собственного творения. Не видеть в упоении своей мнимой силой, что идеал далеко не идеален и что любишь вовсе не его, а новые черты, возникающие по мановению твоей волшебной палочки. И не замечаешь, как меняешься сам...

– Арника, я принёс тебе подарок.

– Подарок?

В красивом взгляде каменная ясность хризолита, лицо спокойно и неподвижно. Оно по-прежнему не кажется мне холодной маской, наверное, из-за глаз, в которых непрерывно струится и переливается что-то необъяснимое.

Она рассматривала маленький куст роз в горшке, который я преподнёс ей, почему-то не решившись дарить срезанные цветы.

– Твоя маленькая копия.

Арника осторожно прикоснулась к тонким лепесткам, погладила зелёные листочки:

– Спасибо.

– Тебе не нравится?

– Нравится.

Она поставила цветок на стол и равнодушно отвернулась от него. Значит, не то, опять не то... Что же я могу придумать ещё?

– Арника, ты любишь музыку?..

Если задумалась, значит, не слышала действительно хорошей. Сейчас проведём эксперимент.

Со своим обычным вниманием она смотрела, как я нажимаю кнопку, регулирую громкость.

– Садись сюда и слушай.

Она присела на диван, а я устроился на полу у её ног. С недавних пор это положение стало доставлять мне огромное удовольствие. Казалось, что, когда она смотрит на меня вот так, сверху, чуть прикрыв глаза пушистыми ресницами, в её взгляде появляется нечто отдалённо напоминающее ласку.

Может быть, я обманывал себя, но всё чаще мне стали видаться в её лице намеки на сдержанные эмоции. Или мне так хотелось их видеть, что ямочка в уголке губ представлялась улыбкой, лёгкий трепет ресниц – волнением, долгий взгляд – интересом?

Прохладная ладонь тронула меня за плечо, и я оглянулся, чтобы дать объяснения:

– Как тебе?

– Не неприятно.

– Хочешь, потанцуем?

– Потанцуем?

– Да. Вставай. Я научу тебя.– Я поднялся и потянул её за собой.– Всё очень просто. Подойди ближе. Одну руку мне на плечо. Вот так. Другую сюда...

Я полуобнял ее, испытывая несказанное удовольствие от прикосновений к гибкому, душистому телу.

– Теперь слушай ритм. И слушайся меня, следуй за мной.

Она оказалась очень способной ученицей. Природная гибкость и пластичность возмещали недостаток опыта.

– Молодец, очень хорошо. Ты прекрасно двигаешься.

Какой соблазн поцеловать её сейчас, когда эти губы так близко от моего лица. Так хочется, чтобы золотоволосая голова опустилась на моё плечо, прохладные пальцы прикоснулись к щеке...

Песня оборвалась, и через короткое мгновение тишины зазвучала новая мелодия. Щемящие сердце звуки скрипки... Если бы я не продолжал обнимать Арнику, то не узнал бы, какое впечатление музыка произвела на неё. По стройному телу пробежала волна дрожи, оно напряглось, и Арника повернулось к динамикам:

– Что это?

– Вивальди. Нравится?

– Да...– не очень уверенное, и после нескольких мгновений размышления твёрдо: – Да.

– Ты чувствуешь что-нибудь?

– Не могу объяснить. Странно. Ты не мог бы выключить? – Арника повела плечами,

словно хотела освободиться от моих объятий,— Мне не нравится.

— Но ты только что говорила, что тебе нравится музыка!

— Нет, я не хочу больше,— Черты её лица вдруг ожили, искажаясь внутренним напряжением. На гладком лбу залегла тонкая, едва заметная морщинка, как будто потемнели, туманясь, глаза.— Выключи.

Невероятно! В ровном голосе ясно слышны нотки волнения. Арника попыталась отстраниться, но я крепко держал ее.

— Выключи!

— Почему? Что ты чувствуешь?

— Не хочу больше.

— Скажи мне, что ты чувствуешь?!

— Пожалуйста...

Поток звуков, вырывающихся из динамика, нарастал, приближаясь к эпицентру бури, и Арника в моих объятиях дёрнулась сильнее:

— Пусти! Выключи! Я не могу больше!

Ослеплённый этим, как мне казалось, пробуждением, опьянённый красотой оживающего, взволнованного, болезненно-напряжённого лица, я только крепче прижал её к себе. Кто бы мог подумать, что Арнику так взволнует музыка?! Неужели я наконец нашёл средство, способное превратить её в человека?

Вот долгожданный, грозный накат последней волны, дрожащий и сверкающий всеми оттенками дождевых капель в лучах солнца, ослепительная вспышка молнии на оконном стекле. Ликующая песня радости и любви... Именно в это мгновение она должна была «проснуться», посмотреть на меня глазами, в которых бы засияли отражения этих сверкающих солнечных брызг, и улыбнуться новой улыбкой, сделавшей её лицо прекрасным...

Арника тихо вздохнула, закрыла глаза, и её тело бесчувственной тяжестью осело на мои руки. Я едва успел подхватить её.

— Арника, что с тобой?!

Как приводить в чувство цветок? Я поспешно выключил центр, оборвав на полноте мелодию, уложил Арнику на диван, смочил виски и лоб водой из графина.

— Прости. Откуда мне знать, что ты потеряешь сознание от музыки!

Наверное, тишина была лучшим лекарством — внезапно, так же как и упала в обморок, Арника открыла глаза.

— Слава богу! Ты очнулась.

Она осмотрела себя. Прикоснулась к мокрому лицу.

— Я... мне стало нехорошо.

— Да. Ты упала в обморок,— Я погладил её по влажным у висков волосам, по бархатной щеке.— Я знал многих меломанов, но ещё никто, по-моему, не лишался чувств от классической музыки. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Только пить хочется.

— Сейчас.

Она взяла стакан из моих рук и выпила его залпом.

— Ещё?

— Да.

Она постепенно приходила в своё нормальное состояние, которое для меня продолжало быть ненормальным. Ещё несколько мгновений, и передо мной снова была прежняя невозмутимая Арника, только некоторый беспорядок в одежде подтверждал, что её короткое преобразование не приснилось мне.

Я слышал где-то, что музыка воздействует не только на человеческий организм. Будто бы её волны чувствуют и животные, и растения. Значит, определенный звуковой код мог приоткрыть подсознательные тайны этого цветка. Её нервы, не воспринимающие боль, оказались слишком чувствительны к звукам. Но я не могу повторить эксперимент, не могу

рисковать её здоровьем ради собственных смутных надежд. Какое разочарование!

Каждый день, проведённый с ней, убивал крошечную частичку моей надежды. Она казалась неуязвимой в своей невидимой броне вечного спокойствия. И я наконец поверил, что мои усилия напрасны. Ничто и никогда не заставит её сердце биться чаще. Прекрасное, нежное, незащитное создание оказалось равнодушным и не знающим жалости, как кусок льда.

Теперь я должен был отступить с лёгким разочарованием от осознания непреодолимости препятствия.

Улыбнуться и попрощаться. И только теперь, когда было уже поздно, я понял, что в этой жизни мне нужна только бесчувственная, ледяная Арника.

С прежним безумным пылом я бросился в противоположную сторону, пытаюсь вернуться к прошлой жизни и забыть глубокую прозрачность переменчивых глаз, взгляд, пристальный и отрешенный, – задумчивый взгляд из другого мира, давний единственный поцелуй. Но она не давала мне уйти, и чем отчаяннее я боролся за свою свободу, тем сильнее меня тянуло в маленькую странную комнату, к странной Арнике.

И я приходил снова и снова. Переживал, мучился. Злился на себя, но всё равно приходил. Давал себе обещания, что этот раз самый последний и ничто не заставит меня больше переступить порог этого дома, но на следующий вечер опять был здесь, чтобы снова давать себе невыполнимые обещания.

Конечно, она даже не подозревала о моих терзаниях и не знала, что я медленно, но упорно приближаюсь к пограничному состоянию кризиса и боюсь гадать, что будет со мной дальше.

Мы возвращались после долгой прогулки по ночному городу и уже у самого дома столкнулись с подвыпившей компанией, не желающей пропустить нас в подъезд.

Словесная перепалка была короткой, но весьма красочной. Обычно после подобных оскорблений сразу переходят к прямым действиям. Я боялся не за себя. Арника показалась мне вдруг особенно ранимой, незащитной, хрупкой. Она вряд ли сможет постоять за себя, не чувствуя боли, не зная страха, равнодушная к оскорблениям и угрозам.

Сначала они были заняты мной, и этот интерес успешно отвлекал их от нее – через какое-то время я почувствовал, как немеет моя левая рука. Крик, полный совершенно невыносимой боли, заставил меня на мгновение забыть о нападающих и пропустить пару ударов, которые оказались решающими. Особенно последний, рассёкший мне щёку и отбросивший к стене. В просветах мерцающего сознания мне удалось увидеть Арнику и человека у её ног, прижимающего ладони к распухшему лицу. Мне уже доводилось видеть такие лица после прямого попадания на кожу де- лириантного газа. Кто-то из компании кинулся на помощь поверженному, но, не добившись от него объяснений случившемуся, бросился к Арнике и тут же отскочил, с удивлением осматривая свои ладони.

– Она обожгла меня. Она обожгла меня!

Удивление в его голосе сменилось болью. Невероятно! Одним прикосновением незащитная Арника уложила двоих... нет, похоже, уже троих. А я-то рвался защищать её...

– Зар. Захар... – прозвучал надо мной негромкий голос. – У тебя всё лицо в крови.

– Где эти?..

– Ушли.

– Может быть, убежали?! Что ты сделала с ними?

Арника помогла мне подняться, и, опираясь на её плечо, я добрался до лифта:

– Так что это было?

– Стрекательные клетки. – Она нажала кнопку и протянула мне носовой платок.

– Какие клетки?

– Стрекательные.

Кончики пальцев прикоснулись к моей руке, и я почувствовал довольно ощутимый укол, словно дотронулся до стебля крапивы или как от слабого удара током.

- Больно.
- Может быть ещё сильнее.
- Я это видел.

В её квартире я прошёл в ванную, открыл кран и несколько мгновений изучал своё лицо в зеркале. Зрелище было малоутешительное.

- У тебя есть пластырь или что-нибудь такое? Может быть, перекись водорода?

Она не ответила, но я почувствовал лёгкое прикосновение к своей щеке. Арника провела рукой по моему лицу и теперь внимательно рассматривала пальцы, испачканные моей кровью.

- Она красная и... и солёная.

Я взглянул на неё через плечо и увидел, как она с удовольствием слизывает кровь со своих пальцев. Довольно неприятное чувство покорило меня, а она встретилась со мной взглядом и улыбнулась.

– Извини, но ты очень... очень приятный. – Она подошла ко мне вплотную, и в прозрачных глазах загорелись странные огоньки, – Зар. – Прохладные ладони легли на мои плечи, – Можно мне?..

Я не понял, чего именно она хочет, но кивнул, зная, что впервые Арника проявляет столь яркий интерес ко мне. Она взяла мокрую губку из раковины и осторожно провела ею по моему лицу, стирая кровь, потом ещё раз, и ещё. Я не мог привлечь её ни подарками, ни лаской, ни осторожным ухаживанием, и теперь её взволновал один вид моей крови. Чертовщина какая-то!

- Тебе не больно?
- Нет.

Тонкие пальцы нежно перебирали мои волосы. Она прекрасна, как актиния, и может быть такой же опасной. Она не знает ни жалости, ни сострадания и могла равнодушно смотреть на то, как меня избивают, а только когда попытались схватить её, «выпустила шипы». Я прекрасно знаю о растениях-хищниках, всех этих росянках и мухоловках, привлекающих насекомых. Зачем ей ясные глаза, роскошные волосы и чувственные губы?! Неужели всё это – тоже приманка? Сладкая ловушка для такого глупца, как я!

Крепко стиснув тонкие запястья прохладных рук, я резко оттолкнул от себя Арнику. Она едва удержалась на ногах и ударилась о раковину.

- Зар, что случилось?!
- Ничего. Пока ничего не случилось. Сейчас я умоюсь и пойду домой.
- Зар!
- Не подходи ко мне.

Она заволновалась. Широко распахнулись глаза, и чуть приоткрылись губы. Совсем недавно я бы всё отдал, чтобы увидеть это превращение, но теперь мне было всё равно.

– Зар, прошу тебя, не уходи.

– Почему же? Тебе так понравился вкус моей крови? – Я сдёрнул полотенце с крючка, поспешно вытирая руки.

- Да... Он понравился мне.
- Я и забыл, что ты говоришь только правду. Но, можешь поверить, твоим ужином я не стану!
- Ты думаешь, что я смогу причинить тебе боль?
- Если захочешь, сможешь.
- Не уходи.

Я отвернулся от неё, направляясь к двери, но Арника догнала меня. Гибкое тело прильнуло ко мне, а прохладные ладони прижались к шее. Я хотел снова оттолкнуть её, но она извернулась каким-то невероятным образом, и её губы оказались на моих губах. Они были сладкими, почти как мёд, липовый мёд с лёгкой горчинкой, ещё сильнее подчеркивающей душистую сладость... И в то же самое мгновение волна едва переносимого наслаждения хлынула в моё тело. Сладкий яд, физическое удовольствие, вкус, запах

смешались в ней, многократно усиленные. Я вздрогнул, схватил девушку за плечи, пытаюсь отбросить от себя... или, напротив, крепче прижаться к её губам, чтобы продлить неслыханное удовольствие. Оно оглушило и ослепило меня, лишило воли и разума.

– Теперь ты не уйдёшь. Ты не сможешь уйти, правда?

Она не оборвала резко волшебный поцелуй, она понемногу снижала его напряжение, и эта сладость не исчезла, даже когда Арника отстранилась. Меня же продолжала колотить нервная дрожь, и, не в силах справиться с ней, я крепко сжал в объятиях коварный цветок, уже сам целуя её губы, шею, плечи... Понимал, что схожу с ума, но не мог остановиться. Воздух вдруг наполнил тонкий аромат, дурманивший и чуть сушащий горло. Его источали волосы, губы, кожа Арники. И ощущения в нём приобретали небывалую яркость, кожа – сверхчувствительность, желания – бе- зумность.

В глубине глаз девушки кружили два зеленоватых омута. В которые я погружался с головой всё глубже и глубже...

Бабочки... Целый рой розовых бабочек носился в воздухе вокруг меня, заполняя мир шелестом крыльев, и их бледные силуэты плясали на стенах. В этом ореоле бело-розового сияния лицо девушки казалось туманным бликом, и только глаза в своём зеленоватом кружении были реальностью.

– Я люблю тебя, – шептал я, не зная, понимает ли она меня, – Люблю.

Арника улыбалась нежной улыбкой и молчала. Бабочки, нет, это были уже лепестки яблонь, медленно кружили вокруг её головы, падали на волосы, на обнажённые плечи, словно снег. Бледно-розовый снег. Я хотел прикоснуться к её губам, но она отрицательно покачала головой, и тонкие лепестки взвились в невидимом потоке воздуха из невидимого окна и снова закружили по комнате.

– Ты сможешь полюбить меня? Когда-нибудь?

Она молчала, и я не настаивал на ответе. Мне и так было хорошо, спокойно. Я был счастлив...

Я не спал или почти не спал. Словно грезил с открытыми глазами. Болела голова. Нет, она просто раскалывалась от боли. Горло казалось сухим и воспалённым, хотелось пить, но я не мог даже пошевелиться, не мог дотянуться до стакана с водой, не мог остановить головокружительное мелькание розовых бликов в белом тумане...

Лёгкие пальцы притронулись к моему пылающему лбу, потом мою голову приподняли осторожно, и губы коснулись холодного края стакана. Но в нём оказалась не вода. Прохладная, чуть кисловатая жидкость мгновенно сняла боль и сухость в горле. Стало немного легче, и приостановился наконец невыносимый водоворот перед глазами. Долгожданная темнота успокоила обострённо-воспалённое зрение, и в этот раз я уснул по-настоящему.

Следующее пробуждение было менее болезненным. Приоткрыв глаза, я увидел окна, завешенные плотными шторами, аквариум, чуть отсвечивающий зеленоватыми бликами, угол кровати, и Арнику, сидящую рядом. Она улыбнулась мне:

– Ты спал целый день и больше не стонал во сне. Значит, лекарство действует и ты поправляешься.

– Какое лекарство? – Мой голос прозвучал хрипло, но достаточно внятно.

Арника показала мне стакан с бледно-зелёной жидкостью.

– Что в нём?

Она посмотрела на меня задумчиво и осторожно спросила:

– Ты правда хочешь знать это?

– Нет, пожалуй, – ответил я не менее осторожно.

– Тогда пей... Всё, до конца. Я подумала, что в менее концентрированной дозе оно поможет тебе.

Я едва не захлебнулся, но успел на взлёте приостановить своё воображение и допил «лекарство». Как и в прошлый раз, оно значительно разогнало туман в голове.

– Арника, ты действительно ядовитое растение?

Она опустила голову и, мне показалось, заколебалась в выборе ответа. Но генетическая правдивость победила.

– Да. Я отравила тебя. Но не специально. Я не рассчитала дозу.

– Дозу чего? – Я нашёл в себе силы и приподнялся, заглядывая в её опущенные глаза.

– Я растение. Ты не забыл? И могу... моя кровь, то есть то, что считается моей кровью... сильный галлюциноген.

– Стрекательные клетки, яд, дурманящий запах, высокий интеллект, привлекательная внешность. Ты смертельно опасна.

– Прости...– прошептала Арника совсем тихо.– Я позвонила твоему брату. Он скоро приедет.

Болезненное чувство острой жалости укололо меня при виде опущенной золотоволосой головы, тонких пальцев, сжимающих пустой стакан.

– Арника, ты на самом деле не хотела причинить мне вред?

– Не хотела.

– И, чтобы вылечить, ты давала мне свой со... свою кровь?

– Да.

Лис стремительно влетел в комнату, взволнованный и немного испуганный:

– Что с ним?! Что случилось? Арника, я ничего толком не понял, ты говорила, он...

И тут брат увидел меня.

– Какого чёрта! Что она сделала с тобой?!

– Лис, успокойся. Я нормально себя чувствую.

Но он уже превратился в разгневанного хищника:

– Нормально себя чувствуешь?! Да ты посмотри на себя! Ты же... Мы уезжаем немедленно. А ты,– Лис повернулся к невозмутимой Арнике,– держись подальше от моего брата, а не то мне придётся применить на тебе средство для уничтожения сорняков.

– Мне очень жаль, что так вышло.

– А, тебе жаль? Ну надо же! Это мне жаль, что я уже давно не опробовал на тебе нашу новую газонокосилку.

– Лис! Прекрати!

– А ты её ещё защищаешь! Она едва не угробила тебя, а ты защищаешь эту... это...

– Лис! Не надо ничего говорить. Ты прав. Едем домой.

Первым делом брат вызвал врача, хотя, по-моему, в этом не было необходимости.

– Ты напрасно волнуешься, я вполне прилично себя чувствую.

– Ты не видел себя со стороны.

– Так дай мне зеркало!

– Не дам! И лежи спокойно.

Приехавший врач был нашим давним знакомым. Он лечил ещё Лиса в детстве от всех мыслимых болезней и ко мне продолжал относиться как к шестнадцатилетнему мальчишке.

Войдя в комнату в сопровождении моего хмурого брата и взглянув на меня, он не показал удивления:

– Доброе утро, Захар. Был на Гавайях?

– С чего вы взяли?! – довольно нелюбезно буркнул я.

– Ну как же,– добродушно отозвался врач, вытаскивая из своего профессионального чемоданчика стетоскоп,– дыхание затруднено, сердцебиение... учащенное, зрачки расширены, слизистая носа и рта воспалена. Все симптомы воздействия нервно-паралитического яда. Не могу точно назвать растение. Бред, галлюцинации были?

– Д-да.

– Общая слабость... Может быть, китайское дерево или олеандр...

Когда доктор ушёл, прописав лекарства, Лис снова сел рядом на кровать.

– Так что ты решил?

– С чем? – спросил я устало.

– С растением.

– Не знаю, Лис. Понимаю, что пора прекращать это...– я невесело усмехнулся,– знакомство.

– Уже давно пора.

Лис оставил меня одного. Я лежал, смотрел в потолок и пытался подогреть в себе чувство раздражения и злобы на Арнику. Но сил на гнев не было. И на все упреки, какие я мог придумать, существовало одно оправдание – её лицо в бело-розовом сиянии яблоневых лепестков...

Но я должен отказаться от этого. Взять себя в руки и решительно оборвать затянувшееся прощание. Давно было пора понять всю противоестественность наших отношений хотя бы из чувства самосохранения. Если она не отравила меня насмерть в этот раз, то в другой снова может не рассчитать дозу.

Короткий звонок в прихожей прервал мои размышления. Я услышал, как Лис открывает дверь, приглушённо спрашивает что-то типа – какого хрена пришедшему здесь нужно, и негромкий ответ, произнесённый голосом, который продолжал звучать в моей памяти.

– Лис! Кто там?

– Никого!

– Но я же слышу.

– А я говорю, никого.

И снова тихое: «Мне нужно поговорить с ним».

– Оставь его в покое. Вам не о чем говорить. Ты сказала ему всё, что хотела, и лишь по случайности он остался жив. Хватит. Уходи. И мы все постараемся забыть, что знали друг друга.

– Я не уйду, пока не увижу его.

Сердце моё билось всё чаще. Я пытался успокоить его, вспоминая прежние благоразумные мысли, но не сумел сдержаться:

– Лис! Пусть она войдёт.

Короткая пауза, и вот Арника уже входит в комнату. Неизменно уравновешенная, очаровательная и такая желанная. Лис, мрачнее тучи, встал в дверях, прислонившись плечом к косяку.

Она подошла ближе:

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, и, пожалуй, это я должен поговорить с тобой. Уже давно следовало. Будет лучше, если мы прекратим наши отношения.

Лис у двери удовлетворённо кивнул.

– Для кого лучше?

– Для меня.

– И для меня,– прибавил брат негромко, но Арника даже не оглянулась.

Она продолжала смотреть на меня своим далёким, чуть затуманенным взглядом, который был мне так дорог.

– Для тебя не будет большой трагедии в разрыве наших отношений,– продолжил я.

Она медленно покачала головой:

– Это неважно.

– Значит, для тебя это будет потерей?

– Не знаю.

– Послушай, давай закончим! Я не хочу тебя больше видеть.

Она подошла так близко, что я снова почувствовал её запах луговых трав.

– Нет. Я не уйду, потому что ты не хочешь, чтобы я уходила. Ты любишь меня.

Лис возмущённо подался вперёд:

– Что?!

Но на его негодование не ответили. Мы продолжали только нам двоим понятный поединок.

– Ты говорил, что любишь меня.

– Да... может быть, но...

– Ты не сможешь без меня. Слишком долго ты был рядом, чтобы отказаться от всего, что я могу тебе дать.

– Я ничего от тебя не хочу! Ты меня замучила. Всю душу вымотала!

Арника протянула руку, собираясь коснуться моей ладони, но я заставил себя отстраниться.

– Я всегда буду рядом с тобой,– продолжила она.– Мне всё равно, как ты выглядишь и в каком настроении. Я никогда не обижусь на тебя, ты ничем не сможешь меня оскорбить. Я никогда не изменю тебе, даже когда ты состаришься и потеряешь свою привлекательную внешность и здоровье.

– Ты меня не любишь. Ты... растение! Даже собака испытывала бы ко мне больше чувств, чем ты.

– Но я могу подарить тебе неслыханное наслаждение, даже большее, чем ты испытал в прошлый раз.

– Я ничего не хочу от тебя! И потом, я не пойму, что тебе от меня нужно. Зачем я тебе понадобился? С чего вдруг ты начала бегать за мной?!

Арника положила ладонь мне на плечо:

– Ты совершал очень много нелогичных действий и всё время высказывал странные, непонятные мне мысли. Но для меня вся информация о вас, людях, содержится в вашей крови, и, когда я попробовала ее, ты мне понравился. Настоящий ты, а не твоё видовое поведение. Поэтому я пришла сегодня.

Чувствуя, что слабею, я отвернулся от неё, чтобы не смотреть в эти глаза.

– Уходи. Лис, пусть она уйдёт! Я не могу её видеть.

Даже не поворачиваясь, я чувствовал уход Арники.

Растворился в воздухе запах луга, исчезло тепло.

Осторожная рука поправила подушку под моей головой.

– Ты поступил правильно.

– Я люблю её.

– Это пройдёт.

– Не пройдёт.

– Она не любит тебя.

– Неважно.

– Я знаю, кто она такая,– сказал Лис тихо,– *Glorioza Superba*.

– Что?.. Кто?

– Вьющаяся лилия, содержащая очень сильный наркотик. Даже совсем маленькая его доза может быть смертельна.

– Лилия?.. Да, она похожа на лилию.

– Тебе нужно забыть её.

– Я не смогу.

– Сейчас ты болен и слаб, но уже завтра всё будет по-другому. Нужно просто переждать пару ночей.

Переждать пару ночей, если бы это было так просто.

Ждать. Опять ждать. Основное моё занятие – ожидание! Но Лис прав, мне нужно время. Сейчас мне трудно отказаться от неё, однако уже завтра я найду в себе силы, чтобы решиться на это. В последний раз загляну в прозрачные, глубокие глаза и попрощаюсь.

Завтра...

Николай Басов

КОМНАТА, И НИКАКОЙ ФАНТАСТИКИ

Как всегда, глаза открывать не очень-то хотелось — кто знает, что там сегодня творится? Но всё-таки пришлось. Сначала действительно не было ничего страшного.

Рядом с ним лежала какая-то темнокожая красавица, замечательная, как Наоми Кемпбелл, хотя и более рослая, чем он сам. Она ровно дышала во сне, и глаза её под веками двигались. Он рассматривал её довольно долго и подробно, она почувствовала взгляд, попыталась его погладить, но он увернулся. Поднялся, осмотрелся по-настоящему.

Комната стала раза в три больше, чем была вчера, до сна. И пол у неё сделался интересный, на четверть площади — линолеум, прямо под босыми ногами, и откуда-то дуло. Чуть далее, сросшись с линолеумом, начинался ковролин, который переходил в метлахскую плитку, грязную и грубую, как матерное ругательство. Зато она уже переходила в паркет, местами прерываемый настоящими коврами с растительным рисунком. Посередине паркетного куска стоял унитаз, размерами в самый раз для девицы, что ворочалась в кровати. Делать было нечего, природа брала своё, он прошлёпал до унитаза, оправился.

А вот руки вымыть было уже негде, куда-то пропал кран, который с раковиной вчера рос, кажется, из стены. Сегодня его приходилось искать.

Он оделся. Махровый халат в дурацкий горошек, к которому он уже и привыкать стал, потому что тот не исчезал больше недели, если он правильно ориентировался во времени, превратился в короткополый меховой кафтан, в таких щеголяли принцы века эдак четырнадцатого. И рядовые джинсы сделались бриджами с завязочками под коленями, хотя штанины были неодинаковой длины. Но кто же будет обращать внимание на такие мелочи? Хорошо ещё, что хоть трусы на нём остались, а то однажды сделались они поношенной шкуркой, в которой блох было больше, чем на своре дворовых собак. Против собак он ничего не имел, но блохи в большом количестве — это не для слабаков.

Раковину он не нашёл, но на подоконнике стоял фаянсовый кувшин и, кажется, оловянная миска, пришлось умываться просто так, без мыла, как бы в соответствии с кафтаном. Вот только это окно да компьютер неподалеку от кровати и оставались в этой комнате вечными, все остальное менялось, и невозможно было предсказать, что будет завтра, после сна.

Иногда, когда он «записывался» до того, что в глазах темнело от экрана, а текст получался слишком уж реалистичным, комната менялась за его спиной и во время письма. Беззвучно делалась то маленькой и голой, как тюремная камера, то бесконечной, так что из удаляющейся темноты, в которую превращались стены, веяло настоящим морским или каким-нибудь другим, например, пустынным ветром. Иногда из этой дали доносились неприятные звуки, то кто-то кричал, может быть умирая под пытками, а то рычали звери, о которых он и думать не хотел.

Окно стояло пока непрозрачным, в красивых морозных узорах, которые почему-то лежали с его стороны, внутренней, если так можно сказать. Он посмотрел на Наоми, на её великолепную статью, подумал и принялся протирать стёкла, чтобы понять, где же он сегодня оказался. Соскоблить наледь оказалось нелегко, тем более что окно немного проминалось, как жидкокристаллический экран под пальцем, образуя странные разводы.

Внезапно в окне что-то щёлкнуло, развиднелось, и он увидел... Это была зимняя деревенская улица, грязная до последней возможности, кучи навоза и како- го-то тряпья валялись там и тут... Не сразу, но он догадался, что это трупы. Из-за края окошка появилась процессия. Вооруженные, небритые люди с покрасневшими от недосыпа глазами и в обгоревшей одежде. Лица у них тоже были закоптелыми, как и руки. Некоторые сжимали факелы — деревню, которая образовывала недавно эту улицу, они сожгли основательно, но не хотели успокаиваться. За передовым отрядом в два десятка верховых тащились телеги на сплошных деревянных и отчаянно скрипучих колесах. В повозках находилась добыча, которую этот отряд тут заграбастал. Жалкая то была добыча, но некоторые из пехотинцев поглядывали на телеги с удовлетворением, они уже прикидывали свою долю и предвкушали

удовольствия, которые сумеют за них купить. Вино, доступные женщины и, может быть, немного чистой одежды, где нет окаянных блох.

Строгого вида вояка, едущий чуть впереди остальных, с бородкой, которой кто-то не очень успешно пытался придать относительно ровный вид, с мечом в богатых ножнах и на коне, чья сбруя звенела серебряными бляхами, вдруг посмотрел на окно, из которого он наблюдал за грабителями. А может, и за отрядом фуражиров, запасающихся провиантом на вражеской территории, или просто за бандой наёмников, которых наняли в междоусобной войне каких-то баронов.

Было ясно, что отряд этот находился не на Руси – уж до такой степени в холодном оружии он разбирался, – но точнее сказать, где это происходило и когда, разумеется, не мог.

На всякий случай он отпрянул в сторону от этого взгляда отрядного вожака, кто его знает, вдруг эти типы сумеют найти к нему проход, тогда ему не поздоровилось бы. Хотя такого прежде не случалось.

Эх, подумал он, и за что мне такая напасть? Зачем и почему? Ведь уже не раз он становился свидетелем морского сражения, причём его окошко, как призрак, парило над морем, среди кораблей, поливающих друг друга ядрами и шрапнелью или стрелами. Однажды он видел даже сражение странных космических конструкций, только далеко до них было, поэтому он многого не разобрал.

Наоми вдруг пробудилась, тут же попробовала на него наброситься, ей было скучно, но в целом, он вынужден был признать, в сегодняшней обстановке его комнаты она разбиралась получше, чем он. Потом она завернулась в одеяло и снова попробовала соблазнить его своей грудью и тоненькой лодыжкой.

Этого он тоже побаивался. Помнил, как однажды ему привиделось, что он спит с женщиной, а потом выяснилось, что это какой-то на редкость неприятного вида цветок, который чувственно шевелился и делал такое, отчего ему потом не одну ночь снилось, что он сам превратился в ящера. Или в протозавра какого-то.

Наоми наконец-то отправилась на поиски еды. Пришлось ей помогать, отыскав холодильник. Этот прибор тоже находился в комнате почти всегда. В отличие от раковины, ванны или хотя бы душа. На этот раз в нём было много холодного морса со странным горьковатым привкусом, отличной сухой рыбы, кажется горбуши, а у дальней стенки стояло несметное количество банок с консервированной фасолью в томатном соусе. Он попробовал отыскать плиту или печь, но сегодня её не оказалось. Это было нестрашно, всё равно такого пайка он уже давно не доставал из своего холодильника, в последнее время частенько вынужден был есть такое, о чём и представления не имел.

Он привычно расположился за чем-то, смахивающим на чрезмерно большой разделочный стол без намёка на близко расположенные стулья или хотя бы табуретки. Хорошо ещё, что на нём нашлись ножи и глиняные тарелки. Наоми принялась наворачивать, словно не ела с рождения. А может, так и было, могло получиться, что она только сегодня ночью и появилась на свет, чтобы, соответственно, растаять без следа завтра. Хотя он и не любил об этом думать, ему хотелось представлять, что все те женщины, или карлики, или кошки с собаками, которые иногда у него в комнате оказывались, всё-таки где-то существовали даже после того, как исчезали из его... среды обитания. Так было спокойнее, что ни говори.

Женщины в последнее время «заглядывали» к нему частенько. Но лучше бы к нему забрёл кто-нибудь, кто мог стать ему другом, хотя бы на один день, чтобы просто поговорить, и на понятном языке, то есть по-русски, а не мартышкиными гримасами. Вот тогда бы он отвёл душу, наговорился впрок, даже, может, за комп не сядил бы... Хотя и знал, что обязан это делать, потому что кто-то или что-то, определившее такое его существование, желало от него только придуманных слов на экране, требовало только сгенерированного в его мозгах текста, иногда нелепого, как и вся комната.

И он давно уже догадался, что выполнять это условие тут следует неукоснительно. Как однажды у него получилось, когда он почему-то с тоски решил халтурить, и его изрядно

поколотило собственное рабочее кресло, за которым он сидел перед компом. К тому же если он писал как следует, с отдачей, по-честному, в холодильнике оказывалась еда получше, а иногда в углу стояла канистра пива. Только раз у него, загора- , живая край окна, выстроилась небольшая пирамида – внизу стояли две непомерные бочки с красным кислым вином, а на ней угнездилился бочоночек настоящего бренди, вкусного и лёгкого в питии, как роса. Ох и надрался же он тогда! Даже спать два дня не ложился, чтобы эти бочки не пропадали... Но больше они не возникали, сколько бы он ни старался хлопать по клавишам с умом и всем своим умением.

Писать сегодня не хотелось, может быть, потому, что Наоми добились-таки своего. Хотя он и опасался подвоха, но в сексуально озабоченный цветок она не превратилась, осталась почти такой же, какой была сначала. Только великовата для него всё-таки оказалась, хотя и старалась всячески использовать то, что у него имелось.

Когда она в очередной раз отправилась пожевать чего-нибудь из холодильника, он попробовал найти сигареты. На этот раз с куревом было неплохо, почти нормальные сигаретные пачки валялись на полу там и здесь, а на одном из ковриков отыскался даже горячий кальян с дурацкими шариками. Такие он тоже не любил, это вполне мог оказаться гашиш, от которого потом страдать приходилось не один день, но попробовать всё-таки стоило. Он попробовал, к счастью, это был клейковатый табак, безусловно табак, без всякой дури. И на том спасибо.

Наоми бодренько перетащила кальян в кровать и расположилась там курнуть, жестом предложив ему

местечко рядом, и тогда он понял, что пора. Добрался до кресла, на этот раз с мощными подлокотниками, высотой чуть не с папское место, какое он когда-то видел в Пушкинском музее, резное и страшно неудобное. Комп уже подмигивал ему, показывая, что хард что-то грузит.

Это оказался не последний кусок романа, который он сочинял, и даже не одна из тех повестей, которые он обдумывал, а довольно странная программка, смахивающая на интернетский чат в режиме реального времени. Ну что же, раз так, он готов и пообщаться.

Сначала шли занудные, как во всех чатах, междометия и объяснения в любви и дружбе непонятных людей. Потом почему-то вывалился солидный объём откровенной порнухи, но сегодня он на неё и смотреть не стал, стоило ему только вспомнить Наоми. Если что-то и есть, отбивающее охоту к сексу, подумал он, так это порносайты. Они только каким-то уродам и могут пригодиться.

– Лучше бы я вызвал книжку какую-нибудь почитать, – проворчал он.

И вдруг эти слова сами написались на экране, словно давняя мечта графоманов – способность компа писать проговариваемый текст – воплотилась в реале. Причём выходило это на экране вполне сносно, даже точка в конце предложения имелась.

– Кто тут? А я здесь? – вдруг зелёными буквами написал комп.

Сам-то он любил писать чёрным по бирюзовому.

– Эй, ты не комп? – спросил он на всякий случай.

– Я – Сова. А какой у тебя ник?

– Нет у меня ника, но если тебе нужно прозвище, я просто... Литератор.

– Литератор? Ты смеёшься? С ним полгода мы все скопом пытаемся заговорить, а он... Или всё правда? Ты – это он?

Литератор подумал и вдруг неожиданно для себя стал цитировать один из недавних своих опусов.

– Это каждый может, – писалось на экране в темпе, в каком и он хотел бы писать, хотя неизвестно зачем, ведь от скорости письма качество текстов не зависит. – Ты что-нибудь новое скажи.

– «Я не помню, как влип в эту ситуацию, как она образовалась. Что сделало мою жизнь такой, какой я вынужден жить. Если бы мне удалось её поменять, я бы не задумываясь... Но, возможно, это вранье. Если бы всё началось сначала, я бы не сумел ничего поделывать, и снова

оказался здесь».

– Неплохо,– возникли слова зелёным цветом,– Слушай, Быстрощёлк, может, это в самом деле он?

– Всё равно не верю. Сова, давай спроси его о чём-нибудь.

– Литератор, а по-честному, где ты?

И тогда, может быть от отчаяния, он стал рассказывать, где живёт, как его лишили на сегодняшний день раковины и душа, что он видел за окном, каким ужасным показался ему взгляд предводителя грабительского отряда.

– Врёшь,– написала Сова,– у нас всё по-прежнему. Москва, декабрь, цены растут, и скоро выборы.

– У меня ещё пруд под окнами замёрз, а вчера на нём первый из рыбаков провалился в воду,– добавил Быстрощёлк курсивом.– Едва спасли.

– Я правду говорю.

Литератор подумал и принялся описывать Наоми, для верности поглядывая на неё. Она уже немного замерзла от сквозняка по линолеуму, закуталась в их общее одеяло, но кальяном дымила по-прежнему. Глаза у неё стали мутноватыми, должно быть, те шарики табака, которые он раскурил, превратились в нечто более крепкое.

– Парень, я тебе завидую,– проворчал Быстрощёлк.– Всегда мечтал, чтобы у меня такое случалось.

– Дурак,– отозвался Литератор,– Я бы хотел, чтобы было, как у вас – Москва, пруд с рыбаками и чтобы в холодильнике находилось только то, что я купил в магазине у живых продавцов.

– Это ты – дурак,– немедленно отозвалась Сова,– Та-а-акая жизнь, а тебе всего мало!

– Да не мало мне, а наоборот – много! Очень много, слишком много!

– Вот я и думаю,– вставил Быстрощёлк,– не Литератор это. Подстава! И ламер к тому же, у меня такое ощущение.

– В общем-то даже если это Литератор, чёрт с ним, писать он не умеет,– добавила Сова, уже теряя интерес к разговору, даже правильно писать ей становилось скучно.

– Верно, я давно хотел сказать – посредственность он. Врёт много, выдумывает... Фантаст, одним словом.

– Не фантаст,– только и сумел выдать Литератор.– Наоборот, реалист, каких мало. Просто...

И задумался: а что, если?.. Всё бросить, вот сейчас – с этой комнатой, Наоми, холодильником, неизвестными перспективами за окном, и стать... Да, сделаться самым настоящим фантастом. Может, тогда у него все вернётся к обычной, обыденной жизни? И станет он просыпаться в своей, а не каждый раз в какой-то чужой комнате, с неизвестными размерами, обстановкой и даже в неизвестных временах? И возникнут у него друзья, постоянная женщина, может быть, дети. Вот они-то уж ни за что не позволят этой комнате меняться в произвольном хаосе, так что и просыпаться не хочется.

Что, если попробовать? Ведь когда он только начинал писать, учился по сути, всё же было нормально... Лишь потом отчего-то всё превратилось в фантастику, от которой уже лучше бы куда-нибудь спрятаться. Значит, пусть будет фантастика, а не то, что он видит тут, сейчас и всегда.

Комп как-то завис, выбрасывал только две строки, причём бесконечно меняя цвета и варианты шрифта:

– «Посредственность и фантаст, посредственность-фантаст... Посредств... Фант...»

– Ну держись,– сказал он и перезагрузил компьютер.

На этот раз, как он почему-то ожидал, появился обычный чистый экран текстового процессора, только старый и в дурацкой цветовой гамме – серый фон и белые буквы. Может, он попал в редуцированный Ворд-пять, когда-то он работал в таком. Хотя способности компа усваивать и писать слова с голоса тоже было немного жалко.

«Отряд собрался, едва развиднелось. С деревней было покончено, она ещё тлела, но

пламя уже нигде не ревело, выбрасывая к небу дым и раскалённый пепел. Наемники послушно выстроились за герцогом, которому всё время казалось, что кто-то враждебно рассматривает его из ниоткуда».

Он обернулся, теперь это снова был всего лишь он, без всяких дурацких ников. Голенькая Наоми неаккуратно ела, вглядываясь в телевизор, которого раньше не было, к окну она и подойти не желала. И над кроватью на стене возникла странная картина, кажется, это было что-то в высшей степени дорогое и не вполне обычное, может, даже Модильяни.

Дым от кальяна тонкой струйкой утекал над полом в сторону окна. Оно, кстати, снова стало мутноватым, но и в этой мути почему-то угадывались отдаленные горы с заснеженными вершинами, покрытые редким лесом. Кажется, их тоже прежде не было.

«Герцогу было холодно, как всегда после возбуждения, вызванного убийствами и огнём пожаров. И хотелось есть. Но слезать с коня, чтобы обтереть окровавленные руки снегом, было лень. Так могли поступать наёмники, половина из которых вряд ли стоила тех денег, которые он обещал им заплатить. Поэтому он снял с пояса флягу и глотнул. Бренди сначала показался горячим, потом ледяным, но им всё равно можно было согреться. После бренди взгляд из ниоткуда растаял, за одно это стоило выпить».

Литератор вздохнул, текст медленно, но по-всегдашнему неотвратимо наливался силой, красками, запахами, выразительностью, внутренним пониманием того, как скроен мир. И как, к сожалению, оказалось – формируя этот мир. Хотя бы для него одного, для того человека, который эти слова выстукивал, не отрывая глаз от монитора.

Всё остальное было лишним, вернее, слишком часто отливало в неправильное положение вещей. Всё могло оказаться фикцией или головомолкой, неизвестно когда, где и кем придуманной, хотя следовало признать – он и сам имел к этому отношение. Но текст... Здесь всё было правильно. Он не соврал, когда говорил Сове с Быстрощёлком, что пишет о реальности.

Для верности он снова оглянулся. Наоми вернулась в кровать и лежала в бесстыдной позе, то ли вознамерившись снова заполучить его, то ли пробуя уснуть. Кальян уже не дымил, телевизор без малейшего признака проводов беззвучно показывал какой-то вестерн. Рядом с холодильником возникла раковина, прямо из стены, подпертая снизу фаянсовым фавном, словно средневековый городской фонтан. Из неё вверх несильной струей била коричневатая, не вполне чистая вода, она ещё и дышала паром, была горячей.

Вот и ладно, пусть всё остается как обычно, подумал Литератор. И снова повернулся к экрану, на котором застыли слова. Пусть... Ладно... Что мне ещё остается?

Хотя, подумалось ему, возможно, завтра, когда снова проснётся, он и пожалеет, что не сумел настоять на своём – писать только какую-нибудь фантастику, чтобы вернуться в Москву, о которой брякнула Сова. Но это будет завтра. А сегодня...

«Герцога окликнул капитан. Он был хмур в отличие от наёмников, его уже волновала старость, которую он хотел встретить в достатке и безопасности.

– Милорд,– он был простужен и говорил нечетко, потому что от скулы всю щёку прорезал старый шрам,– поутру дым от пожара стал заметен издалека. Нужно уходить быстро или готовиться отбиваться от погони.

– Попробуем отбиться,– сказал герцог, кивнув на наёмников,– Эти бездельники нам не простят, если мы оставим добычу.

– Они сожрут нас живьем, если мы зайкнемся об этом. Ведь тогда расплатиться с ними...»

Вот так, решил Литератор, одновременно думая о схватке с высланной за грабителями погоней и сочиняя разводы инея на кирасе герцога. Никакой фантастики. Разумеется, если не считать того, что происходило у него в комнате. Но это уже в высшем значении слова, что бы ни думали другие, всякие Совы или Быстрощёлки, всегда оказывалось реальным. К сожалению.

Франтишка Вербенска

ПЕРО СОЙКИ

Среди холмов и густых лесов, недалеко от северной границы стоит опустевший град Нистейка. Град некогда принадлежал Зигмунду Смиржицкому, который прославился как жестокий правитель и воин, не склонивший головы даже перед самой смертью. Управляющий Зигмунда Захариаш нередко радовался распускаемым слухам о своём хозяине (а иногда и сам им подыгрывал – управлять и следить за этими развалинами ему уж очень не хотелось), матери пугали сказками о граде детей, а у юнцов постарше при упоминании имени Зигмунда в кружках скисало пиво.

Шло время. Некогда неприступные ворота под большой круглой башней Нистейки охраняли только мрачный лес да тени минувших побед. Град спал, зачарованный пустотой, ветер выбил из разбитой крыши дранку, перекрытия гнили, в комнатах поселилось зверьё. Казалось, ещё немного, и вековое безмолвие навсегда поглотит град Зигмунда, но однажды, то ли подчиняясь воле старых богов, то ли следуя своей судьбе, в град приехал Пётр Годэй.

Юноша был из знатного рода, но в те годы мало кто из обедневшей шляхты сумел добиться славы и почестей – многие работали писарями, погонщиками, нанялись подёнщиками в монастыри, а некоторые от безысходности даже становились разбойниками. Каждого по-своему учит жизнь, как хлеб добывать.

Хотя Пётр Годэй с ранних лет и тяготел к наукам, но денег на изучение философии не было ни у него, ни у его родителей. Надеяться он мог только на свои золотые руки да острый ум, поэтому не стал искушать судьбу, а решил изучить гончарное дело. То у одного мастера что-то заприметит, то в старых книгах что прочитает, так и собирал свою науку по крохам. Много путешествовал, много городов да стран обошёл. В Голландии постиг тайны глазури, от которой тарелки начинали блестеть белым, синим да золотым.

Вернувшегося в родной город Петра, несмотря на его редкое умение, в гильдию гончаров не приняли и даже в подмастерья не захотели взять. Что делать, гильдия свято блюла традиции и пополняла свои ряды только из рода гончаров, а Годэй был из рода священнослужителей. Мастерство ни к чему, коли родом не вышел да в кармане ветер гуляет. Не осталось у Петра и дома – за долги забрали. Забросил тогда он мешок за плечо да и пошёл куда глаза глядят – счастья искать в чужих краях, как и многие другие... Так и привела его случайная дорога к тёмному граду.

Прошёл день, другой, неделя пролетела, а уж и ожила большая печь в старом граде. Хоть время да ветра порядком разрушили град, но часть комнат и кухня не пострадали. Говорят, что у нас в Чехии кухни сам чёрт оберегает. Вот так и стал Пётр жить в граде. Старая печь шуршала и шипела, обжигая глину: простые чашки, кубки да тарелки с глазурью жёлтой и зелёной, с рыцарями, львами, девами, цветами и драконами. Ночь напролёт создавал Пётр свои удивительные глиняные чудеса, а утром возил в соседний город на базар. Хоть и не было у Петра нужных бумаг на право торговли, но городская стража обычно закрывала на это глаза за одну-другую монетку. А монетки появлялись – уж больно диковинными были чашки да тарелки. Грустно было Петру одному в граде жить да работать – и поговорить-то не с кем, разве что с непоседливыми сойками, что изредка залетали в развалины.

То ли от одиночества, то ли по какой-то другой причине, но стал как-то Пётр Годэй замечать, что за ним кто-то наблюдает, да так откровенно, что мурашки по коже бегают, а обернётся – никого...

И вот однажды, когда солнце клонилось к закату, месил он свежую глину для работы и вдруг услышал какой-то шорох. Мороз пробежал по его коже, он обернулся и остолбенел.

У стены стояла стройная девушка. Румянец полыхал на её щеках, тёмные волосы скользили по хрупкой шее, а в больших чёрных глазах горел яркий синий огонёк. Её

удивительное платье было сшито из опавшей листвы, паутины, травы, цветов и лишайника. Гостя загадочно улыбнулась и заговорила, а голос её напоминал птичье пение и шорох ночного ветра.

– Почему ты на меня так удивлённо смотришь? Неужели раньше ни разу не встречал вилл?¹ – спросила лесная фея. – Меня зовут Мышка, и я давно к тебе присматриваюсь. Ты хороший человек! Кормишь моих птиц, не рвёшь паутину, не ругаешься, даже когда пережжёшь глину, не гонишь прочь лесной народ. Но вижу, что плохо тебе одному... Хочешь, найду тебе жену?

Пётр прикусил язык, но, преодолев нерешительность, кивнул в знак согласия.

С этого момента жизнь Петра очень изменилась. Он ни на минуту не мог избавиться от болтливой виллы. Она пела песни, рассказывала обо всех местных новостях – а она знала обо всём, что происходит вокруг на тридцать миль, и даже давала советы, как правильно выбирать глину. Парень уже начинал думать, что зря согласился на её посулы... Но вот когда луна сменила свой облик три раза, фея торжественно сообщила, что сосватала ему невесту. Как ей это удалось, неизвестно... Девушку звали Магдалена, она была младшей дочерью почтенного горожанина, которого совсем недавно за особые заслуги произвели в рыцари. И хотя приданое, что давали за Магдаленой, было очень скромным, сама невеста была прекраснее, чем целый сундук золотых дукатов.

Свадьбу сыграли самую простую, по старым народным обычаям. Магдалена сразу полюбила Петра Го- дзя (уж не чары ли это виллы?) и не обращала никакого внимания на разруху, царящую в граде Нистейка. Она преданно смотрела в глаза мужу, убирала двор, пекла хлеб, помогала месить глину и подолгу разговаривала с болтуньей Мышкой, когда та неожиданно появлялась в граде, оседлав вечерний ветер. Прознав о восхитительном мастерстве Годзя, купцы сами начали заезжать за товаром к гончару. В город, к людям, Пётр и Магдалена спускались нечасто: в костёл, на рынок, а через год и окрестить новорождённого.

Жизнь казалась прекрасной, но судьба готовила их семье новые испытания. Всё могло случиться иначе, если бы в час крестин в костёл не появился управляющий Захариаш, который был сражён красотой Магдалены. Управляющий ходил сам не свой, перед его глазами стоял образ женщины, и он ничего не хотел слушать о том, что узы священного брака невозможно расторгнуть. Отец Магдалены даже спустил собаку на Захариаша, когда тот стал уговаривать его отступить от данного слова и помочь заполучить в жены Магдалену. С этого времени на Петра навалились неприятности, а уж коль кувшин треснул, так рано или поздно на черепки развалится. Управляющий пустил в ход все свои связи. Городской суд назначил Петру заплатить в городскую казну не только налог на незаконно занятую землю града, но и все судебные издержки, включая налог на торговлю в черте города. Потуже затянув пояс, Пётр терпеливо сносил все тяготы, хоть порой и не спал ночами, чтоб заработать лишний грош. А Магдалена подолгу стояла у раскрытого окна, ожидая, что появится вилла, уж она-то точно поможет. Но лесная фея не появлялась. Сын Петра и Магдалены, которого называли Мартином, подрастал и уже с гордым видом разъезжал по граду на деревянной лошадке.

А вскоре неприятности нависли и над отцом Магдалены. Местный землевладелец пан Смиржицкий не хотел ничего и слышать о том, что простой горожанин получил привилегии и был возведён в рыцарский титул. Беднягу заточили в тюрьму, выставив против него самые невероятные обвинения.

Захариаш потирал руки от нетерпения. И через несколько дней слуги управляющего, прикрываясь буквой закона, ворвались в град и насильно увели Магдалену в дом Захариаша. Как ни старался Пётр защитить свою жену, но куда там, гончар не воин, его избили до полусмерти и бросили...

¹ Вилла – хозяйка леса, лесная ведьма или фея.

А на следующий день Магдалена разбила миску о голову управляющего Захариаша, когда он только заикнулся о том, что хочет взять её в жены. Магдалена кричала и сыпала проклятия на голову насильника, грозилась выброситься из окна, если он хоть на шаг приблизится к ней. Захариаш перепугался не на шутку и приказал запереть Магдалену в подвале. Магдалена рыдала, молилась, но вскоре заболела и умерла. Как только это страшное известие достигло старого града, Пётр, несмотря на боль и раны, без промедления отправился в город, где оставил Мартина на попечение дальней родственницы своей жены. Месть затмила ему глаза, и, если бы добросердечные горожане не оттащили Петра от дома управляющего, кровавой бойни было бы не избежать! Время хороший лекарь. Однако не все раны залечить можно. Когда минуло семь дней, подлеца Захариша нашли в поле заколотого ножом.

У злых вестей быстрые крылья...

Когда прокурор и дюжина стражников пришли в град Нистейку, чтобы арестовать подозреваемого в злодеянии, то увидели только распахнутые настежь ворота да пустые комнаты. Был конец зимы, лес поредел, земля была сырая, талый снег вязал ноги, и Пётр с ребёнком на руках не успел уйти далеко. Кто бы поверил его оправданиям, что он невиновен, что он хотел только спрятаться от несправедливых обвинений? Его немедленно схватили и поволокли в тюрьму! И как ни молил Пётр, но маленького плачущего Мартина оставили в холодном лесу одного, под кривой елью.

Дворянский суд, возглавляемый несколькими членами магистрата, бургомистр и писарь терпеливо выслушали Петра Годзя. Гончар рыдал, путался и только укрепил все подозрения. Ночь Пётр провёл за решёткой, его сердце болело за сына. На секунду закрывая глаза, он видел слезы, текущие по щекам Мартина, и ему слышался детский плач. Ночь, холод и вонь окружали его со всех сторон. Некоторые заключённые стонали, другие храпели, было слышно, как по соломе ползают вши. А Пётр взывал к справедливости, хотя и знал, что нет её под этим небом...

– Не шуми, – неожиданно донеслось от ближайшей стены, – я не хочу, чтобы кто-нибудь сейчас сунул сюда своё рыло.

Пётр с трудом расслышал, как в соседней камере что-то судорожно скрипит и скрежещет. Скрип усилился, на пол упал замок, и стукнул засов. Кто-то подошёл к его темнице. Известный всему городу разбойник Млахуба Шикуга, потирая руки, с которых он только что сумел сорвать оковы, тихо прошептал:

– Ты, что ли, тут из-за Захариаша?

– Но я не убивал...

– Да уж знаю, это я его зарезал. – Разбойник тихо хохотнул. – Получается, на тебя мою вину повесили... Выходит, брат, ты мне помог! Иначе бы меня давно черти в пекле жарили. Ну что ж, долг платежом красен...

Пётр напряжённо всматривался в темноту. Он ясно слышал, как ловкие пальцы работают отмычкой.

– Эй, Млахуба, возьми и нас! – прошептал кто-то в соседней камере.

– Ага, разбежался, – процедил Шикуга. – Пресвятой Дында тебе поможет, а у меня перед вами долгов нет!

Скрипнула дверь, и кто-то закутанный в рваный плащ потащил испуганного гончара к стене.

– Упрись и держи меня крепко! Мне нужна опора, тут балки совсем гнилые...

И было записано в городских книгах, что два разбойника и злодея ночью выломали крышу тюрьмы и бежали.

Куда ещё, кроме как в старый град Нистейку, могла привести дорога двух одиноких ночных путников? Пётр с опаской поглядывал на своего спасителя. Конечно, если бы Млахуба сознался в суде, что это он убил управляющего, то всё могло бы пойти не так. Не надо было бы никуда бежать, ребёнок не остался бы один в лесу. Гончар смотрел на разбойника, и слова застревали у него в горле. Нет, сейчас не время выяснять, кто из них

больше виновен. А что дальше? Ждать, пока их найдут? Или самому начать грабить?

Или взять полено, огреть этого чёртового Млахубу по затылку да сдать властям? Мысли путались в голове гончара...

Пётр растопил печь, Млахуба шнырял по граду и по привычке собирал в сумку всё, что может пригодиться в пути. Потом разбойник остановился, хлопнул себя ладонью по лбу и радостно произнёс:

– Вот я глупый, зачем мне куда-то бежать?! Мы же вполне можем осесть тут. Я ведь был на войне, не бойся, научу тебя нашему ремеслу. Набеги и грабеж – дело нехитрое. А при должной смекалке эти стены вынесут и осаду!

Пётр молчал. Потом он подошёл к печи и резко удалил кочергой по разгорающемуся пламени. Плавающие угли огненными искрами впились в кучку хвороста, пламя охватило старые корзины и заиграло на стенах комнаты.

Когда гончар выходил из ворот града, над крышей полыхали пурпурные хищные языки. А Млахуба бежал с ведром по двору и ругался, как чёрт...

Пётр снова стоял на дороге, которая теперь вела в никуда. Он ещё раз обернулся, словно услышав знакомый голос, и... На окраине леса, недалеко от града, стояла вила в своём необычном, волшебном платье... Она улыбалась и придерживала за плечо мальчика, занятого очень важным для него делом: он разглядывал, как первые лучи солнца играют на лёгком пере сойки. У Петра потемнело в глазах, сердце взволнованно забилося.

– Тебе нужен новый дом? – зашебетала лесная фея голосом, похожим на урчание кошки и шум дождя. Она медленно подняла руку и указала на север, где блестела среди расщелин и скал волшебная река Йизера. – Идите туда. Народ с гор, виллы и гномы, ищут хорошего гончара.

– Знать бы об этом раньше, – медленно произнёс Пётр Годэй.

Прижимая к груди сына, он ушёл туда, где по болотам бегали кликаницы, где в скалах искали драгоценные камни пермоники, туда, где жила сказка и куда летело серебристое перо сойки.

ВРЕМЯ РЕКИ

До сих пор неизвестно, почему венценосный род Вартенбергов выбрал для своего герба странный символический рисунок, изображающий девушку, которая управляет лодкой.

...Ледяной яростный ветер выл под натиском снежной пелены. Казалось, что с неба убрали бесконечный хрустящий занавес и гнев богов обрушился на грешную землю. Снег застилал глаза, скрипел под копытами лошадей, сковывал ледяной коркой их гривы и, казалось, преграждал путь шестерым всадникам, направляющимся к реке. Скорей бы переправа. Осталось всего несколько миль, и коней приютит тёплая конюшня, всадники согреют окоченевшие пальцы у пылающего камина, и в старинных кубках заиграет горячий пряный мёд.

Ян Вартенберг возвращался в замок Дечин. Он и его спутники уже не обращали внимания на пронизывающий холод и свист ветра, их веки слипались от усталости и от монотонного шёпота падающего снега.

И вдруг – испуганное ржание коней, свист стрел, предсмертные крики и сладкий запах горячей человеческой крови! Багровый снег взвился из-под копыт вставших на дыбы коней и осыпался ледяной крошкой на лица мёртвых рыцарей. Ян натянул поводья и обнажил меч. Двое слуг, уже готовые к бою, напрасно устремили свои взгляды на склон холма, поросшего густым лесом. Кони отчаянно храпели, тихая и белая снежная пелена таила в себе гибель. Смертоносной змеей зашипела в зарослях терновника тетива, и ещё один верный рыцарь упал лицом в снег.

– Отступаем к реке! – прокричал Ян и яростно прищепил своего коня.

Снег нестерпимо слепил глаза, но Ян видел, а скорее чувствовал, как из-за деревьев возникают всё новые и новые фигуры. Эта волчья стая голодной зимы, разбойники,

грабители, воины, пойманные чёрной судьбой, жаждущие одного – крови и добычи. Они догоняли. В пустых глазах бушевал огонь безумия, и гнилые зубы скрежетали от нетерпения.

Не останавливаясь ни на секунду, молодой правитель замка Дечин гневно рубил мечом руки, которые пытались скинуть его на стылую землю, молниеносно отражал удары клинков и сквозь рёв агонии ясно различал, как кричат его слуги, как ржут кони. Кровь стучала в его висках, он уже не видел дороги к реке, а сердце его сжимал холодный обруч отчуждения – он понял, что остался один. Его гневой захрипел и упал, сражённый чёрным копьём. Всё застилала кровавая каша из снега и человеческой плоти, и Ян понимал, что теряет рассудок. Превозмогая себя, он выбрался из-под туши мёртвого коня и инстинктивно выставил вперёд свой меч.

Доблестно пасть в бою с лесной падалью, заполонившей его страну, он не мог. Храбрость не означает безумие: он не прожил ещё двух дюжин лет и умирать не хотел. Он побежал, и горло его обжигало холодом зимы...

Они приближались.

«Трус, повернись и сражайся!» – стучало в его голове, но здравый смысл или животный инстинкт гнал его к реке. Рыцарь упал и покатился по снегу.

Тонкая ледяная кромка сжимала берег в своих холодных объятиях. Река тут не застывала никогда, то ли проклятая древними богами, то ли дарованная людям как знак спасения. Ян с трудом поднялся на ноги и в отчаянии посмотрел на другой берег. За его спиной раздался рык, в котором не было и намёка на человеческую природу – преследователи были уже близко.

– Господин мой, сюда! – неожиданно раздался девичий голос.

Девушка в чёрной грубой накидке придерживала лодку у берега, упираясь багром в прибрежную наледь. Лодка дрогнула, когда Ян опустился на её дно.

Свора одичавших, безумных людей бросилась к ним...

Девушка ловко и невозмутимо, словно в её руках был не тяжёлый багор, а лёгкий осиновый прут, нанесла точный удар, раздался вопль, и ледяная вода поглотила разбойника. Остальные стояли и злобно смотрели, как течение реки уносило маленькую узкую лодку. Вой отчаяния пронёсся над холодной рекой, схваченной ледяными оковами.

«Всё кончилось», – пронеслось в голове Яна. Его мысли путались, он устало сидел и смотрел на стылую чёрную воду, опустив окровавленные руки.

– Плохая погода для прогулки в лесу, – произнесла девушка. – И для охоты тоже, мой господин. Я думала, что во время правления королевича Карла можно не бояться разбойников. Хотя я не вправе судить людские поступки.

– Это же граница, тут власть короля не всегда спасает, как и Бог. – Рыцарь перевёл дыхание. – Сегодня же соберу отряд и вернусь, чтобы отправить этих треклятых немцев обратно в ад.

Влажные от пота волосы прилипли к его лицу, иней покрыл ресницы. Если бы всё можно было вернуть, он бы не совершил этой глупости. Чешская земля для всех лакомый кусок, и усыплять себя мифом, что наступили спокойные времена, было чертовски глупо. Надо всегда быть настороже, даже если едешь в свой замок. И если бы не его давняя привычка носить кольчугу, он бы давно уже пировал на небесах со своими достославными предками.

Девушка отложила багор, сняла со своих плеч толстую козью накидку и с нежностью заботливой матери укрыла ею рыцаря. Шерсть приятно согревала, пахла девичьей кожей и сухой травой, а также чем-то до боли знакомым. Покой проник в сердце Яна из Вартенберга. Чёрная вода плавно несла их на своих холодных волнах, и тонкие осколки льда хрустели, ломаясь о борт лодки.

– Господин, не надо мучить себя мыслями о прошлом, – спокойно и вкрадчиво сказала с улыбкой девушка. – Снег заметёт следы. Радуйся, что ты сегодня выжил, Ян из Дечина. Мне было бы жаль, если бы смерть забрала твою молодость и ты бы не совершил своих великих побед...

– Ты знаешь, что со мной будет? – Смутные подозрения забрезжили в голове Яна, – Откуда ты знаешь моё имя? Мы не встречались ранее, я бы тебя запомнил. Ты ведьма?

– О нет, мой господин, я не ведьма! И уж если на то пошло, скорее русалка, – засмеялась девушка, и голос её прозвучал, вторя падающим снежинкам и плеску воды. – Если будет на то твоя воля, я смогу предсказать тебе, что с тобой случится. Осторожнее, господин, сейчас мы пристанем к берегу.

Лодку резко качнуло вправо. Она упёрлась носом в заснеженный пологий берег.

– Течением нас отнесло туда, где нам будет спокойно, – сказала девушка, выходя из лодки. – До града Дечин ещё далеко, уже смеркается. Не отказывайся от моего скромного пристанища, отдохни, а путь свой продолжи завтра.

Одинокая хижина перевозчика словно выросла в берег, укрытая сиреневыми сумерками, а из покосившейся трубы вырывался тонкой лентой сизый дым. Девушка открыла дверь, и свет лучины затрепетал на её теперь белокурых волосах, словно первые лучи солнца, играющие на морозном узор застывшего льда.

– Я отплачу тебе за своё спасение. Что ты хочешь? Золото, землю или жить при моём замке? – спросил рыцарь, протягивая руки к пылающему камину.

Хищные языки пламени медленно согревали его тело, иней таял на изорванном плаще. Он помотал головой, словно стряхивая с себя наступающий сон.

– Мне не нужна оплата.

Тогда Ян поднялся и подошёл к девушке. Её глаза были сейчас зелёными и глубокими, как речной омут, и он был готов утонуть в них.

– Я бы хотел, чтобы моя благодарность тебе длилась столетия... – сказал рыцарь, снимая с её плеч тяжёлую накидку.

Минула полночь, пламя в камине погасло, но все ещё поблескивало на чёрных углях. Молодой господин обнял девушку, поцеловал её полуприкрытые веки и спросил:

– Речная нимфа, ты обещала предсказать моё будущее.

– Тебя ждут великие события, – ответила она. – Летом придёт большая война, старый король погибнет, и его сын станет властелином Чехии. Под его рукой ты будешь великим правителем, ты этого заслуживаешь, ты мудр, как и твой дед, и у тебя доброе сердце...

– Сладкие речи, – сонно откликнулся Ян, – Наш король любит ратные подвиги, он всегда искушает судьбу на войне. Будь милостив к нему, Боже. Если его убьют, то скорбь по нему будет долгой...

– Я знаю, что ты скоро найдешь себе жену, – продолжила девушка, играя прядью его волос. – Твоя жена не будет красива, но за ней дадут хорошее приданое.

– Тогда лучше я женюсь на тебе, – улыбнулся Ян.

– Жена родит тебе двух сыновей и дочь. Твой род будет славен на протяжении многих веков, – торжественно продолжила она, щёлкнув пальцами.

Его веки сомкнулись...

– Сыновья – это хорошо... Дочери – это неважно, – медленно отгоняя сон, прошептал рыцарь, – А что с Бенешем, что будет с моим младшим братом? Можешь сказать?

– Могу. Ты очень любишь своего брата, и он тебе дороже самой жизни. Вы выросли вместе под кровом Дечинского замка. Пройдёт время, и ты назначишь своего брата опекуном над твоими сыновьями.

Он вздрогнул и очнулся от сна:

– Опекунство?!

– Не каждый раз я смогу быть рядом, мой господин, – печально ответила русалка. – Больше не спрашивай, Ян.

Рыцарь ещё раз посмотрел на её бледное красивое лицо. Светало. Первые лучи солнца переливались бриллиантами на заиндевевшем окне, затянутом бычьим пузырьём.

– Не все твои слова вселяют надежду, – сказал он, чувствуя, как сон обволакивает его разум, – но сожалеть не о чем. Жизнь воина должна быть короткой и чистой, как вспышка

молнии. Последнее... ответь мне, откуда ты явилась?

Она нежно поцеловала его, её улыбка и голос медленно растворялись, превращаясь в сказочный сон.

– Холодная река иногда может подарить тепло тому, кто нуждается в этом. Вспоминай обо мне, когда тебе будет холодно, мой господин...

Через открытые двери в хижину проникал слепящий белый свет. Ян Вартенберг прикрыл глаза рукой. Примятая постель ещё хранила тепло ночной гостьи.

– Повтори ещё раз, – попросил он седовласого мужика, который недавно вошёл в комнату и разбудил нежданного гостя.

– Не было тут никого, храни вас Бог, мой господин, – сказал старец. – Уж много лет я один перевозчик на всю округу.

Николай Теллалов

НЕБЕСНЫЕ ПРИИСКИ

1

– Ну что, поехали?

– Поехали! – озорным голосом отзывается бортовой компьютер, Бэ-Ка для краткости, – Тяга три, расстыковка, курс пятьсот два...

Большинство мужчин быстрее и чётче реагируют на женский голос, однако речевой синтезатор этого Бэ-Ка по совету дипломированных ведунов-психологов настроен звучать чуточку нейтральнее, чтобы Василь Арапов не отвлекался на женский тембр, не мечтал зря. Василь сидит в не совсем гордом одиночестве посреди объёма икосаэдричного командного модуля. Космический корабль, Ка-Ка для краткости, безлюден, пусто и в подсобном отсеке. Всё ради экономии. Арапов не касается пульта, а только глядит на распечатанный листок, прилепленный магнитиком возле экрана – процедура отлёта и последующие манёвры рутинные, Бэ-Ка сам справится. Листок дрожит – движок, двигательльно-энергетический модуль, ускоряет кораблик вольного охотника, направляет на заданную траекторию. Василь продолжает пялиться на памятку, на которой длинный список всякой всячины по порядку убывания массы:

Ионный двигательльно-энергетический модуль малой тяги, модель «Саггитариус-437»;

Бустеры среднего класса – пять штук; Кассеты подзарядки реактора... Рабочий флюид...

«Сеть-рама...» – и ещё полтора ста артикулов – полный минимум ловца метеоритов. Рядом – бухгалтерская колонка цифр, аренда за три месяца пользования хардуера и взятые под процент суммы на расходные материалы, не подлежащие рециркуляции. Василь надеется управиться всего за полтора месяца – меньше расходов, больше останется премии после вычета налогов и оплаты лицензий. Конечно, компания «Небесные прииски» отхватит громадный кусок стоимости добычи, но дело должно принести прибыль. А потом ещё платить за ангар в орбитальном порту домования – за оставшиеся там его, Василя, собственные жилые модули-отсеки. На этот раз он решил выйти на дело в одиночку. Хватит с него пайщиков-товарищей. До сих пор ни один делёж без адвоката не обошёлся. Ни разу. А и расход воздуха, пищи, обогрева, лучевая защита на троих, масса лишняя, наконец, что значит рабочего вещества через сопло больше вылетает в вакуум, – нет, баста. По параболе над плоскостью эклиптики, даже не к астероидному поясу – туда все дураки летят, а в самые жидкие пояса кометных следов – вот там добыча.

Несметное количество мелких астероидов и метеорных тел кружится возле Солнца, а оно облизывает их раскалёнными языками плазмы, даже когда выглядит совсем малюсеньким. Астрономы каждый день вписывают в каталоги новые и новые куски

вещества, номера перевалили за десять миллионов – и это сравнительно крупные камешки. За самыми солидными, которые не раскидистее пары километров, гоняются тихоходо-петрофагеры. Впиваются в свободно дрейфующую по своей когда путаной, а когда стабильной и древней орбите космическую гору и начинают её поедом есть, как жуки – улиток. Лёгкие элементы гонят в качестве рабочего флюида через сопла маневровых движков малой и мало-средней тяги, а остальное разделяют электромагнитной перегонкой прямо в безвоздушном пространстве или в пустотах астероида. Более продвинутые комплексы утилизации астероидов, так они прямо строят из дикого материала шикарные станции и города, фабрики и солнечные энергонакопители. Но это всё титаны, которые ворочают широкомасштабным космическим строительством. Жрут много вещества, не мелочатся. А вот небольшим компаниям, производящим тонкое и немассивное оборудование, – им тоже нужно сырьё. Покупать у акул вроде «Небесных приисков», «Звёздных копеек» да «Спейс метал энд стаф» – дорого дерут, прижимают конкуренцию, они и сами оборудование производят, не одни мегаотсеки космических городов, но начинка в них стандартная, типовая, потребителям-покупателям не всегда нравится. С Луны тоже недёшево обходится, хоть и затраты на катапультирование небольшие, опять же – административные штучки, налоги и поборы разные, чтобы бюрократов кормить. Поэтому сырьё лучше заказывать вольным гонялам за метеоритами. Правда, у них матчасть неровня челнокам и Ка-Ка, принадлежащим большим компаниям, зато смелости, смекалки, изворотливости хоть отбавляй.

А преследовать метеориты – дело хлопотное, мороки много. Поэтому большие игроки глотают всё подряд, всё равно есть мощности для переработки. А охотники ищут «самородки», то есть более чистые куски – железоникелевые, с титаном, с золотом. Кремний тоже в ходу, но его и так навалом. Редки металлические метеориты, всё больше пустой породы, углистых хондритов и других булыжников, с них особо не разживёшься, имея маленький космический буксир класса «орбита– орбита». Да и целый комплект корабля дорого содержать – приходится брать в аренду у тех же шкуродеров из «Небесных приисков» отдельные модули и отсеки, кислород, воду... По большому счёту крупные компании стригут охотников до живца, до мяса, экономя на флоте небольших космолетов, но в конце концов навару хватает и независимым старателям – хотя бы для того, чтобы продолжать держаться в космосе, латая собственные космодули и свои организмы, а то ведь медкомиссия как чума строгая – отбирает статус космонавта за самую малость отклонений в здоровье. И тогда что? Возвращаться на Землю? Нет, лучше уж на Луну, там чище, не таклюдно, законы соблюдаются, беспорядков и волнений нет, правда, бюрократы давят на права личности... Если сильно повезёт – эмигрантом в Марсианские колонии, да что-то они в последнее время очень придираются, из пятнадцати кандидатов одного укажут, да потом ещё неясно, одобрят ли окончательно.

Разумеется, можно и на орбите остаться, да денег это стоит немалых, в смысле капиталовложений, чтобы спокойнее жилось и не приходилось всё время одну и ту же воду после биохимической перегонки пить, а лучше завести оранжерейный модуль, солнечные батареи раскинуть на гектар-другой, бронированный коттедж отсеков эдак на пять (на худой конец) пристыковать – и живи себе! Ну неплохо и негерметичный ангар приспособить, а в нём хоть один челнок держать, десяток роботов-ремонтников, не шнырять же на одном ранцевом движке и каждый месяц по тревоге выходить в скафандре для внешнего ремонта!

Обо всём этом размышляет Василь Арапов, даже погружается в лёгкую дрему, пока ведомый Бэ-Ка кораблик отдаляется от Базы. В бездне космической – россыпи звезд, густые, словно пыльца, сорванная с цветка яростного Солнца. Колобки планет и спутников проплывают на экранах дальнего обозрения, радиомаяк верещит на десятке частот, сигнальные огни и радарное приветствие близко проходящего космолёта – рядом совсем, на пять тысяч миль расстояния. Ближе когда, если счёт на метры пошёл, – это контакт уже. Видно дюжину комет с призрачными хвостами, а где-то вспыхивает ярко-синяя звезда – отражатель атомохода тяжёлой тяги. Геометрической паутины орбитальных селений не

различить без телескопа. Эфир полон шелестом кодированных каналов. Доступ к Скайнет, музыка, телепередачи, прямая связь Ка-Ка...

Во сне Василь слышит шорох листопада, чует аромат жареной картошки и свежее испечённого хлеба. А видит – одни лишь списки оборудования да суммы своих долгов. И пустой экран радара...

2

Чуткие масс-детекторы измеряют прогибы эйнштейновского пространства-времени и оценивают массу сгустков вещества на тысячу с гаком километров вокруг. Фотоумножители похожи на фасеточные глазищи стрекозы (Василь видел стрекозу в инсектариуме) или богомола (и такого гада видел, даже понравился, обязательно купит себе такого, только бы наконец якорь фиксировать да занять кровный, свой, стыковочный причал или дом на грунте). Телескопы высматривают на фоне звёзд куски блуждающих в необъёмном пространстве скал, гор, материков. Селектор настроен на метеориты меньше пятисот метров в поперечнике. Пока ничего стоящего внимания. Изредка Бэ-Ка голосит о возможной добыче, но на проверку – хондрит, обычный каменный микропланетоид или чересчур крупный булыжник с низким процентом металличности. Скука. Да и время бежит.

Василь скрашивает часы несменной вахты игрой в трёхмерные шахматы с анонимным партнёром через форум в Скайнете. Противник его, может быть, сидит у себя дома на Земле, на службе в лунном офисе, в каюте космолайнера или орбитальной станции, под куполами марсианских жилубежищ – не понять. Запоздывание сигнала не выходит в протокол связи, когда общаешься через чаты, сайты и форумы Скайнета. Да и Василию всё равно, с кем играть. Он друзей по радио или по кабелю не заводит. Только глаза в глаза. Да вот беда – в году лишь несколько недель бывает там, где можно с людьми по-человечески встретиться, остальное время – в кабине комотсека, в ортопедическом противоперегрузочном кресле.

Ещё он читает. Редко литературу просто так – каталоги жилья, объявления о купле-продаже недвижимости и массивной движимости. В последнее время нет терпения развлекаться романами или рассказами. Василь мечтает, прикидывает, смешивает грёзы с планами. Вот сейчас попадётся ему богатый «самородок», сорвёт он большой навар с сырьём, расплатится со всеми кровопийцами и кислородососами из кредиторов, тресни их блистер, а там, глядишь, останется аккурат под виллу в лунном кратере – площадью в семь тысяч квадратов, а полезного объёма – о-го-го! Или же – на станцию с бубликом под псевдогравитацию, не больше двухсот тонн тары. И уж в самом-самом пожарном случае – на домик с садом в подходящем климатическом поясе на дне атмосферного океана Земли...

Тогда обязательно женится. Его замороженный «рассад», как и у любого другого космонавта, находится в надёжном месте – в trezoraх банка хранения спермы, яйцеклеток и генетического материала, прикрыт противорадиационными плитами, химический контроль начеку – словом, всё в порядке. На потомстве Василя не скажутся радиационные бури, невесомость, перегрузки, магнитные поля или их отсутствие, ни один из факторов риска его профессии и образа жизни. Семья будет здоровой и дружной. Летать за метеоритами станет всего раз в год. На пропитание и оранжереи хватит... значит, всё-таки лучше орбитальное жилище, что ли?

– Командир, – прерывает мысли Василя Бэ-Ка, – засёк добычу. Параметры объекта...

Арапов не слушает. Смотрит равнодушно на экран радара. Не ёкнуло в нём предчувствие охотника. Значит, опять ложный аврал. Опять пустая скала. Такой бы обрадовался петрофагер класса «Малютка», который как кит перед килькой «Саггитариуса» Василя. Но не вольный добытчик метеоритов.

Лишь в силу привычки, для порядка, Арапов ловит метеорит в перекрестье прицела и жмёт на гашетки. Укол лазером, искровая вспышка на поверхности камешка. Спектральный анализ, доклад – в текстовом формате. Василь скользит глазами по результату анализа...

А потом вдруг прыгает вперёд, растягивая ремни безопасности, глаза выпучены, губы

дрожат. Неужели?.. Нет, просто в такое место лазер попал, где рудная жила. А ну-ка попробуем ещё раз прощупать...

Опорный луч лазера касается далекого, аж на семьсот миль, куска вещества. Накачка, импульс – вспышка.

Ошалелый взгляд на текст-экран. Не может быть,.. Результат ещё заманчивее.

– Бэ-Ка! – грозно зовет Василь, – Серия лазерно-спектрального анализа! Полный доклад о цели зондирования! Огонь!

– Задание выполняю... серия окончена... объект перспективный...

Перспективный?! Да что ты мелешь, компьютер, это же КЛАД! Тьфу-тьфу, кабы не сглазить...

– Проверка данных! – сипло командует Василь умной машине.

Чёрт, почему сердце не ёкнуло? Наверное, ошибка в детекторах, вот и не ёкнуло...

– Экспресс-проверка завершена. Подтверждение данных. Приказы?

Арапов смотрит на экран, и в глазах у него рябит.

Поперечник триста метров... момент – меньше... эквивалентен сфере радиусом около ста восьмидесяти или чуть больше метров. Сканер ещё уточняет топографию и дико неправильную форму самородка, его точный объём станет известен лишь при дистанции в десяток километров, да ещё при полном облёте, потому как собственное околоосевое вращение довольно ленивое... Однако приблизительная масса говорит об одном – плотность самая что ни есть подходящая, согласуется с данными спектрального анализа: железа свыше восьмидесяти процентов, никель, титан даже в заметном количестве, ого, кобальт, следы слаборадиоактивных элементов. Ёлки-палки, вот это УДАЧА! А масса, масса-то какая! Многие сотни тысяч тонн! Золота статистически должно быть не меньше трехсот килограммов – причём на самый худой конец! Скорее всего – на порядок выше...

Василю пришлось принять успокоительные витаминки. Душа и вообще всё в объёме кожного покрова пело и танцевало от радости – танец по большей части виртуальный, воображаемый, символично выраженный гримасничаньем, изгибами позвоночника и размахиванием конечностей – для более раскованного торжества просто тесно перед пультом, от которого Арапов теперь не может оторваться. Одно лишь свербит на дне сознания – почему же не ёкнуло? Эх, суеверия чёртовы!.. В утилизатор вас, окаянные, неверные и бесполезные! В утилизатор! Долой! А удаче - УРА!

Кораблик Арапова сманеврировал, подстроился на сближение. Двадцать часов до дистанции захвата. Там Василь крепко заарканит глубоко проникающими якорями свой самородок. Состыкуется с метеоритом, ибо о «посадке» при таком поперечнике просто помыслить неудобно... Затем повернёт модуль движка так, чтобы начать буксировку. Сначала – мощные бустеры для крутого изменения орбиты. А затем – малая тяга и три-четыре недели прямой траекторией к Базе.

– Бэ-Ка! Покажи прибыль с этой охоты! – Нетерпение толкает Василя на опрометчивые поступки.

Компьютер, однако, ещё не вычислил параметры орбиты метеорита, а значит, неизвестен ему срок возвращения, ибо не сгенерировал план коррекции орбиты и транспортировки добычи на приёмный пункт. Дает осторожную оценку в двух вариантах – благоприятном и неблагоприятном. Арапов быстро вычисляет среднеарифметическое и млеет перед экраном счастливый, как квакушка в болотном аквариуме.

И тут – зуммер. Что такое?..

Корабль. Идёт на сближение. Класс, тип...

Посеревший Арапов смотрит на экран, даже косит глазом в иллюминатор. Не на него идёт чужой космолёт. А на сближение с самородком. Увидел, гад, вспышки лазерного анализа.

Корабль немаленький. Приписан к Марсианским колониям. Не петрофагер, но ещё хуже – «пылесос».

Такой подходит к метеориту и фокусирует на него свои дезинтеграторы. Начинает

испарять материал. В то же время раскидывает невидимые воронки электромагнитных полей и глотает сравнительно холодную плазму космического скитальца. А дальше – как при перегонке, в трюме «пылесоса» в отдельные гольдеры концентрируются чистые элементы или устойчивые простые соединения. Отходы накачают в двигатель и употребят как рабочий флюид. Корабль типа «пылесос» быстроходный, да и не нужно ему контакта с добычей – сожрёт её издали, оставив Василя Арапова с носом, а то и без него.

Вот почему не ёкнуло! – догадывается вспотевший Василь.

С тоски хочется выть, обида жжёт лицо, першит в горле, ломит глаза.

И ни к селу ни к городу, ни к шлюзу ни к переборке вдруг вспоминается, как этих кораблей-добытчиков называют на Марсе.

Дистанционными сепараторами класса «Не- ргал-Минима» – вот как. От отвращения у Василя дёргается кадык. Он начинает злиться. Пальцы порхают над клавиатурой, нет голоса общаться с Бэ-Ка – сорвётся голос, стыдно будет, пусть никого нет, перед самим собой осрамиться тоже неохота.

Так вот почему не ёкнуло...

3

В комотсеке мобильного сепаратора облицовка стен и переборок выдержана в блёкло-кирпичных и серо-жёлтых тонах, есть и немного белёсой сини. Бук- вослоги надписей – белые на густо-синем фоне. Панели операторов – чёрные с рубиновыми клавишами, экраны того же цвета, графики – ярко-красные, нарядно-жёлтые или тёпло-оранжевые. Все цвета подстроены под адаптированные к пейзажам ставшей уже родной планеты глаза марсианских поселенцев. Терраформирование красной планеты идёт мелкими шажками, а словно навстречу этому ходу движутся и сами люди, приспосабливаясь как только возможно к обитаемому ими миру. Дизайн ложементов и расположение оборудования непривычное, функциональное, сметены все намёки на старые традиции в космической инженерии. Новая ветвь человечества устанавливает свои порядки, развивает собственные вкусы. На марсианской орбите гораздо гуще строят орбитальные города, в которых безраздельно царит невесомость; станции уже почти слились в сатурновое кольцо, а продолжают расти. Материала нужно много. Флот ловцов астероидов и метеоритной мелочи Марсианской федерации (именуемой на Земле все ещё «колониями») в пять раз больше всех земных государств заодно с Лунными территориями по количеству мобильных единиц, а по общему тоннажу землян бьёт в три раза.

Два оператора переговариваются на своём чудном наречии – грамматика и часть терминологии английская, слова славянские, японские, из других языков ошмётки, что не счесть да и не узнать уже, как их переиначили:

- Охотник идёт курсом пять-алеф-два.
- Не успеет, у нас дистанция совсем немного до критической.
- Может... уступить ему? Независимый старатель всё же, не служащий концернов...
- Кому уступить? Землянину? Ну нет! Пускай другой осколок планетный ищет! Да у нас уже реактор на разгоне, что его, опять тушить, да? Из-за землянина?

Вмешивается секторный офицер:

– Первый оператор, делаю вам замечание за неподобающие выражения. Второй, не терзайтесь, правила свободной добычи мелких небесных тел просты – кто первым занял камешек, тому он и принадлежит... Есть связь с земным охотником?

– Отправили запрос, возможно, у него не функционирует киберпереводчик, поэтому использовали в коммуникации стандартный международный язык номер четыре.

– Что ответил?

– Ругается. Настаивает, что объект добычи его собственность.

– Разве он его регистрировал? – улыбается офицер.

– Нет, конечно. Когда бы?

– Отвечайте так: «Собственность признаем только ввиду факта высадки». Он тихоход, не доберётся.

– Минуточку... Спрашивает, что значит факт высадки. Мы хотим от него ступить ногой на метеорит? Говорит ещё, что...– Оператор осёкся.– Ну это он эмоции выражает.

Подплывает капитан, двигаясь ловко в условиях микрогравитации,– корабль-сепаратор движется на малой тяге, прицеливаясь раструбом магнитных ловушек и жерлами бластеров в почти сплошной металлический кусок космического вещества. Офицер скороговоркой вводит его в суть происходящего. Капитан пренебрежительно машет рукой:

– Подтвердите. Если успеет прогуляться по метеориту, то камушек полностью в его распоряжении. Но сформулируйте мягче, без расизма... Сколько времени до выхода на дезинтеграционный рубеж?

– Семь часов. Землянин в лучшем случае доберётся и сядет на объект через двенадцать.

– Предупредите его, что он рискует жизнью, если попадёт в секторы действия рабочих лучей и полей нашего судна. И пусть не пытается нарочно становиться нам поперёк дороги. Правила межпланетного кодекса на нашей стороне. Любой арбитражный трибунал осудит его за опасное маневрирование... Что он ответил?

– Ничего, мой капитан. Сказал только «ага».

– На каком это языке?

– Невозможно узнать, мой капитан. Одного слова недостаточно. С нами он коммуницировал на СМ-4.

– Анализ акцента?

– О да... виноват... славянский язык. Значение сказанного – согласие, подтверждение, несогласие с оттенком неопределённости, в смысле «это мы ещё поглядим»...

– Гм... присматривайте за ним. Подготовьте на всякий случай челноки с командой спасателей, если вздумает прикрывать метеорит корпусом своего корабля...

– Это невозможно сделать, мой капитан. Во всяком случае, не до того, как мы начнём разрушение и сепарирование объекта...

– Вот именно, оператор, вот именно. Часто вольные охотники из землян слишком уж отчаянные парни...

4

Хронометры следят за каждой долькой улетающего в прошлое времени, отмечают секунды, минуты, часы. А время плывёт независимо от них. Плывёт вокруг пространство. Кружатся планеты около звёзд вместе с мелким мусором, оставшимся в качестве излишка после их образования. Кружатся и сами звёзды – вертится галактика. А пожиратель метеоритов готовится слопать очередную жертву. Трюмы распределяют ценное сырьё и катапультируют его в контейнерах к марсианским техногенным кольцам, к новостройкам новой, невиданной прежде жизни. А сепаратор продолжит свой рейд. Крузер состыкуется с ним через сто сорок одни сутки, заберёт часть экипажа, загрузит новую смену, отработавшая своё команда отправится домой – к самому большому каньону в Солнечной системе, к самой высокой горной вершине – домой, где каждого космоматроса любят и ждут...

Звуковой сигнал оповещает дежурного оператора в секторе Бета, что земной буксир-охотник с движком типа «Саггитариус» и совершенно нестандартным жилым модулем проявляет непонятную активность.

– Выстрелил по направлению к метеориту буй,– докладывает после беглого анализа данных оператор секторному офицеру.– Наверное, пытается таким способом аргументировать претензии на собственность.

– Дурак,– вздыхает с некоторым сочувствием офицер.– Кодекс звездоплавания такие мелкие хитрости не признаёт. Растолкните земному коллеге, что напрасно старается, зря теряет время и горючее.

– Понятно, попробую отговорить... Прямо жалко человека, как за соломинку

цепляется...

– За соломинку?.. Ах да, выражение такое... Идиома. Да, жалко. Но таковы правила конкуренции. Намекните, что за буй мы ему заплатим, только пусть не создаёт неприятностей... Ну что?

– Молчит.

– Молчит?

– Молчит.

– Ну... пыль с ним тогда. Наблюдайте всё же за ним...

«Пылесос»-атомоход гудит – гул, разумеется, ощутим только в герметических отсеках под давлением бортовой атмосферы – и готовится активировать бластеры-дезинтеграторы, эмитеры магнитных полей, лучевые щиты. Техники вцепились в приборные панели контроля над процессом. Скачут вверх индикаторы мощности агрегатов-добытчиков. Команда в предвкушении успешного сепарирования, всасывания и перекачки разбитого на молекулы материала. В наушниках многих – бодрая музыка. И вдруг – сигнал тревоги. На мостике и в отсеках люди замирают, поворачивают лица к экранам.

– Мой капитан! Передача с метеорита! Землянин докладывает, что его нога ступила на поверхность объекта...

Замешательство на всех палубах.

– Говорит, что самородок принадлежит ему... согласно параграфу двести тринадцать Кодекса звездоплавания...

– Невозможно! Проверьте, наверное, это транслятор с буя!

– Проверяю... Нет, мой капитан... Землянин действительно высадился!

Василь Арапов как раз хвалит себя, что отказался сокращать массу кораблика, экономя на мелочах. А хотел скафандр на базе оставить, мол, одним автономным манипулятором внешнего доступа обойдусь...

Василь взмок от напряжения и радости. С тревогой ждёт реакции уже совсем отчётливо видимого корабля-сепаратора. И зарекается, что больше в жизни не станет носиться верхом на снарядоподобном бую, пронзая звёздную пустоту... Один в бездне. Страшно. И жутко красиво – сердце чуть не лопнуло. Нервы словно звенят, точно перетянутые гитарные струны. Нет, никогда больше подобного гусарства. Кошмарная штука – стокилометровая прогулка в одном скафандре. Космос совсем иной, когда не чувствуешь вокруг себя скорлупы корабельной брони, пусть даже мал кораблик, но совсем не то же самое, как висеть среди бесконечной и великой вселенской пропасти, не чувствуя движения, а от жестокого вакуума тебя отделяют тридцать миллиметров слоёной ткани да щиток шлема... Брр!

А на марсианском судне уже различимы подробности конструкции. Странно выглядит. Элегантная уродина. Василь поднимает руку, а под ложечкой сосёт – гекорринги на подошвах вроде надёжно прилипли к метеориту, а всё же боязно бросать лаг от вбурившегося в глубину буя...

На мостике молчание.

– Телескоп!

Глаза на лицах всех расширяются, на экране – серебристая фигурка торчит на куске межпланетной руды и приветливо машет рукой в толстой перчатке. Внезапно выражение лица капитана с растерянного, ошарашенного, гневного меняется на ухмылку, а губы шепчут восхищённо:

– Ну и чертяка, пыльный буран тебя закружи!..– И тут же снова маска сдержанности и авторитета на лице. Звучит деловой приказ: – Отменить процедуру! Меняем курс. Режим поиска всей команде!

Секторные офицеры повторяют распоряжения. Техники и операторы, обмениваясь репликами, принимают за дело. Гул реактора и конгрегатов гаснет. Капитан поворачивает голову к помощнику:

– Запиши регистрационные номера землянина. Пошлём рапорт в Комиссариат звездоплавания федерации. Очень может быть, там решат, что таким смекалистым

космонавтам место в Марсианском флоте.— И громче добавляет: — Курс на сектор Гончих Псов! Поищем другой материал для дезинтеграции, господа!

Арапов узнаёт через канал связи со своим Бэ-Ка, что марсиане дали отбой, а затем и своими глазами видит разворот «пылесоса». Конкурент удаляется, отправив лаконичное пожелание удачи и поздравление с ловким решением проблемы. По-спортивному отнеслись. Василь до последнего боялся, что шарахнут не церемонясь из бластеров. Ошибка вышла, скажут потом, извинятся, да ему лично — что толку-то?..

Охотник за метеоритами медленно осознаёт, что выиграл эту гонку. И, расхрабрившись, подпрыгивает, крича «ура!» и уповая на то, что лаг его удержит и не даст сорваться с поверхности метеорита прямо в омут звёзд великого и необъятного космоса...

5

Василь уныл. Хотя не с чего унывать — спёр у марсиан самородок, боролся за находку и прибрал её к рукам, оседлал добычу. А самородок — что надо! Только вот... слишком уж массивный. Чуть ли не под четверть миллиарда тонн оказался. А это значит — буксировать его придётся два неполных месяца. То есть — просрочит он арендный срок. И прижмут его проценты шкуродёров из «Небесных приисков», почти всю прибыль съедят. Ну по крайней мере не надо премию ни с кем делить... но и останется от неё совсем не так уж много. На собственный орбитальный дом не хватит. И на лунную виллу тоже. Можно купить в рассрочку ферму на Земле, изолированную, со всеми удобствами... да только как он обойдется без космоса? Нет, выгоднее попытаться бункер на Луне выторговать. А может, лучше кораблик основательнее оснастить? Купить списанный мини-петрофагер и пахать на нём по приискам небесным? Возвращаемость гарантирована, но лет через пять—десять. Серьёзное капиталовложение. Надо подумать. А жилые отсеки всё равно надо брать. Вот и оборудует оранжерею. Тоже дом получится, хоть и тесноватый, чистого объёма не ахти как, не разлетишься, как под лунным куполом.

Но зато место будет и для богомола, и для аквариума с рыбками и лягушкой, можно даже и кошке угол найти. Из тех, которые специальной породы, адаптированной к невесомости.

Ну а семья?

Василь Арапов дёргает плечами. Придёт и для семьи время. Главное сейчас — будущее обеспечить, подвести под независимость крепкий и устойчивый фундамент.

Пусть даже такой, который мчится по своей орбите в чёрно-звёздных небесах, в просторах невостребованных сокровищ.

ЖЁСТКИЕ КРЫЛЬЯ

Двое специалистов патентного ведомства рассматривали разостланные на полу кабинета чертежи, обмениваясь короткими репликами. Оба выглядели уныло.

— Всё продумал наш гений...— произнёс старший по возрасту эксперт, имея в виду изобретателя, приславшего не просто подробную, а чуть ли не художественно оформленную документацию.

— Объёмный проект...— согласился младший по возрасту специалист.

— ...которому грош цена! — взъярился его коллега.— Совершенно лишнее и бесполезное умотворение!

Служащие патентного ведомства замолчали, шаря глазами по чертежам, схемам и пояснительным рисункам, пестревшим среди колонок убористого аккуратного текста. Да, проект блестящий. Одна малость портила настроение — нужен он был как щучке спички. Дикий разгул воображения. Фантазия без тормозов. Труд, выброшенный на ветер.

Молчание прервал вошедший в помещение начальник.

– Чего нового на сегодня, орлы? – бодро спросил он.
– Жёсткие крылья, – пробурчал тот эксперт, что помоложе, и отодвинулся, пускай шеф сам полюбуется.

– Как это – жёсткие? – слегка опешил начальник патентного ведомства.

– Неподвижные, – пояснил коллега постарше. – Проект машины с жёстко закрепленными крыльями. Движок типа пропеллера. Чёрт-те что... Вон там лист первый, всё описано...

Начальник сосредоточился на крупных буквах первого листа:

«Аппарат машинного полёта – выше, быстрее, дальше!»

– В скобках «са-мо-лёт»! – съехидничал молодой и крикнул горестно. – Загнул наш изобретатель. Беда...

– Это, часом, не Многознай Щебетало придумал? – вскользь спросил шеф.

– Он самый. Гордость технической мысли. Многознай Зоркович Щебетало, посёлок Высокобережный, область Озёрная. Такой светлый ум был. Оплошал. Полный бред выдал.

– Ну и ну... – покивал начальник, – Бред-то бред... но как всё оформил, ты погляди! Всё расписал, всё предусмотрел. Шедевр. Ну и ну...

– Вот именно! – чуть не плача, заметил специалист постарше. – Всё расписал! Саму машину самолётную – раз. Черновик программы как обучать пилотов – это два. Ещё и про наземный персонал. Метеорологи. Механики. Эскиз аэродрома...

– Аэро... чего?

– Аэродром. Самолёту разбег надобен, без разбега не полетит. И для приземления – тоже. Сигнальщики с флажками предусмотрены – руководить взлётом и посадкой. Строителей расчёт сделан – раз построить аэродром, а потом с ним нянчиться, в исправном состоянии блюсти, чтобы не наломать дров и не покалечить кого...

– А двигатель, смотрю, толковый, – отметил начальник, изучая цепким оком чертежи и расчёты.

– Разумеется, всё же это Щебетало, а не кто-ни- будь! Вот, даже описал и нарисовал спиртоварни. Двигатель работает на алкоголе. Внутреннее сгорание, так назвал. Шуму от него, наверное, сорочьего...

– Мать честная...

– Вот именно, мать честная. Он тут, во-первых, предлагает рабочих оторвать от коммунального строительства и бросить их на сооружение аэродромов и спиртоварных фабрик. Кто их кормить будет?... Во-вторых – надзирать и ремонтировать аэродромы да вкалывать на топливном производстве. Третья «мать честная» – спирт гнать легче из винограда и фруктозы. Ну ладно, коршун с ними, с фруктами, но вдруг появятся злоупотребления спиртом? Какой-ни- будь дурак попробует и... А самое главное – машина с нелепыми жесткими крыльями не может летать надёжно и безопасно при плохой погоде, то есть когда как раз-то может и пригодиться, если вообще нужна, кроме как мозги тренировать всякую чушь конструировать! Просто ума не приложу, что сказать, начальник Воронский.

– А Многознай, – вмешался эксперт помладше, – парень во какой! Лучший механик! Государственного значения специалист! У него две дюжины полезных изобретений, таких полезных да своевременных! Как те же самые призматические очки прямого объёмного зрения. И вдруг... такая ерунда. Напрасно время потерял.

– Мы тут бьёмся хоть чегошеньки найти нужного! – подхватил старший, – Обидно за светлый ум. изобретателя, шеф! И так смотрели, и эдак – самолёт порождает больше проблем, чем решает. А у меня сердце болит поставить на осинобумаги печать «ОТВЕРГАЕТСЯ», и дело с концом! Потому как Многознай правда отличный парень! Не поймёт, расстроится. Захандрит. У гениев души нежные. Талант угробим. Скажи нам, Ворон Воронович, надоумь, как хлопцу отказать по деликатнее?

Начальник нахохлился:

– Понимаю тебя, коллега Совин, но ты всё чересчур уж лично... нервы не бережёшь, здоровье портишь. .. Так, так. Значит, опять мне думать, так, что ли?

Оба эксперта горестно кивнули.

– Так-так...– крикнул Воронский.– Так-так,– повторил задумчиво.– Гм. Так... та-а-а-ак,– проворковал неожиданно оживлённо и добавил снисходительно: – Так-так!

Подчинённые вытянули шеи.

– Коллега Голубев! – строго, но удовлетворённо сказал начальник патентного ведомства. – Я понимаю, что в ваши годы легко сделать пропуск в работе из-за лишней эмоциональности... ноты, Совин,– перевёл Воронский укоризненный взгляд на другого специалиста,– не могу поверить, как проглядел рациональное зерно в этом махровом щебеталовском фантазировании! А ну-ка прочитай вот здесь... А? Да нет, вон – приложение номер пять. Читай, читай.

– «При возникновении внештатной ситуации на борту самолёта экипаж легко может покинуть аппарат, причём даже в случае контузии посадка осуществляется с помощью ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРИБОРА СВОБОДНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ при аварии (парашют), чей принцип иллюстрирован на рис. с 5 по 12 включительно...» О! О светлые небеса! Вороныч, не сердчай на старика! И вправду оплошал я! Ай да молодец!

Начальник скромно посмотрел на потолок.

– Я не понял,– признался смущённый Голубев.

Воронский выпятил грудь:

– Дорогой мою юный коллега, подумай о ранцевом парашюте на спине начинающего летуна... ты сам, кстати, недавно ещё был с жёлтым клювом, верно? Ну и как, больно было падать после первого выхода из гнезда?

– Ой...

– Вот-вот – «ой»! – поучительно подвёл итог начальник,– Понял-таки... Ну орлы, вопрос решён. Пиши парашюту одобрение, а самолёту...– Шеф на мгновение нахохлил перья, но затем трепыхнул крыльями и каркнул: – Самолёт оставим на будущее! Думаю, так будет лучше – и птенцы сыты, и червяки целы. Давай следующий патент, Совин, а то скажет общество, что напрасно мух своих едим, ничего не делаем...

Александр Рудазов

КОГО БОЯТСЯ МАГИ

Утро. Раннее утро. Ласковые солнечные лучи щекочут глаза даже сквозь веки. С внутреннего двора слышны журчание фонтана и детский смех.

Креол сладко зевнул, раскидывая руки в стороны. Встать неохота. Ещё слишком рано. Сегодня первый день месяца кин-Инанна. Это самый жаркий месяц в году – день тянется долго-долго, а ночь, наоборот, донельзя короткая. В такой зной лениво даже шевелиться – хочется лежать на тёплой крыше и ничего не делать.

Вчера они с Шамшуддином засиделись допоздна. Старый ублюдок Халай впервые за три месяца сжалился над учениками – позволил отдыхать целых полдня. В питейном доме госпожи Нганду была опрокинута не одна кружка ячменного пива.

Правда, денег после той попойки не осталось совсем. Да их и было-то негусто – в карманах Креола и Шамшуддина редко встречаются даже медные сикли. Хотя оба из зажиточных семей.

Дед Шамшуддина – один из крупнейших землевладельцев Симуррума, а отец Креола – архимаг, один из богатейших аристократов Ура. Но до молодых наследников нет дела ни тому, ни другому. Старый Липит-Даган от души ненавидит незаконнорожденного внука, из-за которого его дочь лишилась честного имени. А Креол-старший вспоминает о существовании сына, только когда тот появляется перед глазами.

По счастью, маг – это очень уважаемая профессия. Даже если он только-только вступил

в ученичество. Благоразумная госпожа Нганду никогда не отказывается ссудить двум ученикам кувшинчик-другой пива или хотя бы ячменной сикеры. В долг, всё в долг. Когда Креол и Шамшуддин вырастут и оперятся, они уж верно не позабудут оказанных благодеяний.

Креол лениво поскрёб ногтями грудь. Ни единого волоска. Ему уже почти шестнадцать, а шерсть на груди до сих пор не растёт. Зато на верхней губе и подбородке первый пушок уже появился – спустя несколько лет он обязательно станет роскошными усами и бородой. Креол не жрец, не раб и не содомит, так что будет носить длинную завитую бороду.

Сквозь полудрёму донеслось тихое шлепанье. Босые ступни. Наверное, Шамшуддин продрал глаза и спускается в умывальную. Сегодня ученики мага ночевали на крыше – в такую жару лучше всего спать прямо под звёздами. Блаженна прохлада шумерской ночи, ничто не сравнится с этой дивной негой...

– Яу-у-у-у-у-у!!! – разорвал тишину дикий вопль.

– Вставайте, поганцы!!! – одновременно прорычали над самым ухом.

Вспокоившийся Креол резко открыл глаза... и тут же снова их зажмурил. Все тело пронизала страшная боль. Ученик мага скрючился и заскулил, держась за мучительно ноющий живот.

По нему словно шарахнули осадным тараном!

– Сию минуту вставайте, щенки! – зло прошипел чей-то голос, – Не то я...

Креол торопливо перекатился на живот, с трудом поднимая голову. Слезающиеся глаза кое-как различили костлявую ссутулившуюся фигуру – Халай Джи Беш.

Любимый учитель.

В руках дряхлый демонолог держит тяжёлый медный колокол на палке. Его звон созывает рабов к приёму пищи. И именно этим колоколом Халай только что от души шарахнул любимых учеников. Одного и другого – точно в живот.

– Мои внутренности... – жалобно простонал Шамшуддин, держась за отбитую печень, – О мои бедные внутренности...

– Немедленно замолчи, смрадная отрыжка Червя, не то твоя голова разделит судьбу брюха! – яростно сверкнул глазами Халай, – Поднимайтесь, ублюдки! Солнце давно поднялось, и вы тоже поднимайтесь!

Креол выпрямился, исподлобья поглядывая на учителя. Этому старому маскиму уже перевалило за сто лет, но он по-прежнему мастерски орудует жезлом и прочими орудиями для битья, А силища, как у молодого.

Не иначе использует какую-то магию.

На лестницу Шамшуддин успел выбежать первым. Замешкавшийся Креол тихо ругнулся.

Если Халай станет спускаться последним, то окажется у него, Креола, за спиной. И всю дорогу будет колотить ученика в спину. Ни за что не упустит столь удобного момента.

Если же попробовать пропустить учителя первым, тот непременно вспылит и обвинит Креола в медлительности и неповоротливости. Не только устами обвинит, но и палкой.

А пронырл ивый Шамшуддин в любом случае оста нется небитым.

С завтраком тоже не заладилось. Эхтант Ага Беш при виде младших учеников насмешливо положил на язык последний кусочек свинины и с подчеркнутым удовольствием облизнулся, А перед Креолом и Шамшуддином рабыня поставила пустую, без единого мясного волокна ячменную похлёбку.

– Пошевеливайтесь, ленивые скоты, пошевеливайтесь! – не переставал орать Халай, провожая каждое зёрнышко ненавидящим взглядом. – Жрите быстрее! Ещё быстрее! Ещё, ещё быстрее, смрадные выползки!!!

Креол с Шамшуддином и так работают ложками изо всех сил, спеша проглотить как можно больше похлёбки. Когда у учителя лопнет терпение, он просто выбьет ложки из рук, да ещё и зарядит кулаком в зубы.

Халай Джи Беш – самый злобный старик во всём Шумере.

– Можете не торопиться так, – прозвучал холодный голос. – Время есть.

Креол и Шамшуддин бросили быстрые взгляды на двери, ни на миг не прекращая работать челюстями. В кухню вошёл высокий полуседой мужчина в железном шлеме-шишаке с металлическим гребнем. Длинные волосы и короткая борода – так стригутся воины. А шлемы с гребнями носят только военачальники – лугали.

– Лугаль Хакуррай... – вполголоса пробормотал Креол, переворачивая опустевшую миску. – Интересно...

В самом деле, интересно, что за дело заставило начальника стражи Симуррума спозаранку явиться в гости к их учителю?

Хотя догадаться можно. Симуррум не так уж велик, и новости здесь распространяются быстро. В последнее время все судачат только об одном – о загадочном убийце, отправившем в Кур уже два десятка душ.

Причём это явно не человек, а какая-то потусторонняя тварь.

К кому же ещё обратиться с такой бедой, как не к демонологу?

Судя по кислому лицу Халай, этот гость не стал для него сюрпризом. Старый маг покрепче сжал жезл и буркнул, глядя в сторону:

– Ты пришёл рано, лугаль. Я ждал тебя только к полудню.

Вопреки обыкновению Халай не приправил слов ни единым ругательством. Креол ехидно сверкнул глазами. За полгода, прожитые в этом городе, он успел запомнить, что лугаль Хакуррай – держащая колонна Симуррума. Даже городской эн² старается не портить с ним отношений.

Да что говорить – достаточно взглянуть, как морщится Халай Джи Беш, как исходит дурной желчью. Один из величайших демонологов Шумера вынужден смирять своё высокомерие – слишком хорошо он знает, что бывает с магами, дерзнувшими пойти против лугалей императора Энмеркара. Даже Верховный маг Шурукках не заступится за ничтожного кудесника, позабывшего, где пролегает грань дозволенного.

Халай бросил быстрый взгляд в сторону Креола. В слезящихся глазах загорелось бешенство – учитель сразу догадался, о чём думает ученик.

Костлявый старикашка в два широких шага пересёк пространство кухни и с размаху огрел Креола жезлом. Жёлтые зубы плотно сжались, едва не крошась от напряжения. Халай Джи Беш принялся охаживать ученика палкой, вымещая скопившуюся злобу.

– Довольно, – холодно произнёс Хакуррай, глядя на расправу с явным неодобрением. – Знай меру, аб-галь Джи Беш. Всему есть свой предел.

– Это мои ученики, – прошипел старик, отпуская, однако, Креола. – Мне виднее, как с ними обращаться.

– Бесспорно. Но, может, всё же не стоит так над ними издеваться? А что, если однажды они станут сильнее тебя?

– Ты прав! – загорелись глаза Халай, – Я лучше убью их сейчас, пока они слабые!

Креол тоскливо застонал, заползая под стол. Всё тело ломит от нестерпимой боли. Опять. В очередной раз. Похоже, в плече трещина... и локоть почему-то сгибается в другую сторону...

Ну отчего Вершитель Судеб Мардук распорядился так, что ему достался самый жестокий учитель на свете?!

Лугаль Хакуррай покачал головой, садясь за стол. Любимая наложница Халай торопливо поднесла ему кружку пива – не той ослиной мочи, что достаётся рабам и ученикам, а настоящего, хорошего пива. Лугаль отхлебнул и степенно кивнул, поглаживая короткую бороду. Халай Джи Беш уселся напротив него и принялся сверлить нежеланного гостя глазами.

– Перейдем к делу, почтенный абгаль, – помолчав, сказал Хакуррай, – Полагаю, ты уже

² Эн – правитель города и одновременно верховный жрец главного городского храма.

догадываешься, зачем я пришёл...

– Догадываюсь ли я?! – воздел руки старый маг, – Как я могу не догадываться, если последние дни весь кар только об этом и судачит?! Даже последние из кар-кида уже знают, что за мерзкая участь постигла твоих стражников! Теперь ты явился с этим ко мне?!

– Да, всё верно, – склонил голову Хакуррай. – Возникшая проблема – не та проблема, с которой могут справиться мои воины. Погибли уже шесте – ро, а результатов как не было, так и нет. Нам нужен маг.

– И ты пришёл ко мне, – скрипнул зубами Халай, – Почему ко мне?! Разве мало в Шумере других заклинателей и чудотворцев?!

– На мой вкус – даже слишком много, – холодно ответил лугаль, – А пришёл именно к тебе я только из-за того, что наш Симуррум не самый большой город и мы относительно небогаты вашей братией. Кроме тебя в этих стенах живут только абгаль Кинадунга и старуха Игайя. Но первый – аптекарь, знающий лишь свои порошки и химикалии. А вторая – знахарка, разбирающаяся только в травах и овечьих болячках. Зачем мне беспокоить их, если у меня есть Халай Джи Беш, сам себя называющий величайшим демо- нологом Шумера? Кто ещё сможет сравниться с тобой в истреблении злокозненной нечисти?

Халай помрачнел. Собственное высокомерие сыграло с ним дурную шутку. Он ведь действительно любит приговаривать, что во всей империи не найдётся равного ему демонолога. Трудно сказать, сколько в этой похвальбе правды, а сколько преувеличения... да и какая разница?

Престарелый маг с большим удовольствием выгнал бы гостя за порог. Возраст уже не тот, чтобы бегать по лесам и полям, охотясь на неизвестных чудовищ. Но каменное лицо Хакуррая ясно говорит – отказ принят не будет. Просьба лугалья – просьба императора. А проигнорировать просьбу императора не посмеет ни один маг.

– Изложи мне суть дела, – неохотно пробурчал Халай, – С чем предстоит иметь дело и где его искать.

– Не знаю – на оба вопроса, – коротко ответил Хакуррай. – Никто из видевших тварь не дожил до того, чтобы об этом рассказать. И мы не знаем, где конкретно она скрывается. Известно лишь, что все нападения произошли к югу от города, близ берега реки. Там есть роща – думаю, не ошибусь, если скажу, что тварь свила гнездо где-то в ней.

– Мило, мило... хотя ничего милого, – фыркнул Халай, – Это что, всё, что ты мне дашь, лугаль?! Скажи хотя бы, как выглядели жертвы! Загрызены, разорваны, растоптаны?!

– Высосаны, – мрачно ответил Хакуррай, – Все, кого нашли, похожи на пустую кожуру. Представь персик, из которого высосали мякоть, а шкурку и косточку выбросили. Вот на это похожи теперь мои люди. Кожа, кости – ничего больше. Кровь выпита, мясо... мясо на месте, но оно выглядит так, словно вялилось под палящим солнцем несколько месяцев. Ни капли влаги во всём теле.

– Да ты поэт, лугаль, – злобно покривился Халай. – Персики, палящее солнце... какие эпитеты, какое описание! Бе-э! Слушать противно! Мерзость, пакость!

– Пропускай мимо ушей то, что тебе неинтересно. И скажи, можешь ли ты назвать тварь, что убивает подобным образом?

– Похожих-то много... – неохотно промямлил Халай. – Вампиры иногда иссушивают людей целиком... инкубы и суккубы выпивают из жертв жизнь... Кстати, были ли среди жертв женщины?

– Да. Кроме моих стражников погибло несколько простых земледельцев, рабов и один жрец. Среди них были и женщины.

– Тогда это не суккуб, – отверг предположение старый маг. – И не инкуб, конечно. Суккуб охотится только на мужчин, инкуб – только на женщин. Сразу отбрасываем и ещё несколько тварей, что жрут только какой-то один пол...

– И?..

– Что и?! Всё! Пока всё! Больше я сказать не могу – ты слишком мало сказал! Скажи больше – я скажу больше!

– Я могу назвать тебе имена погибших, описать их лица...

– Кому интересна такая чушь?! Мне не нужны имена трупов! С куда большим удовольствием я бы побеседовал с ними самими... но вызов духов займёт время, много времени... Я не слишком хорош в спиритизме, придётся посылать за специалистом, а это очень долго... Слишком много возни, за которую мне никто не заплатит! Кстати, а были ли трупы повреждены? Была ли разорвана одежда?

– Нет, почти нет. В одежде был некоторый беспорядок, но дикие звери оставляют другие следы.

– Тогда это и не эстри...– пробормотал Халай.– Да и откуда бы здесь взяться эстри? Содом и Го- морра далеко... Нет, скорее всего, это всё-таки вампир. Какая-то редкая разновидность. Не было у меня забот... Что я получу за помощь тебе?!

– Удовлетворение от того, что смог оказать городу важную услугу,– спокойно ответил Хакуррай.

– Да-да, это я знаю и без тебя. Пропустим бесполезный мусор и перейдём к звенящему золоту. Сколько?!

– Эн Симуррума щедр. Он вручит тебе четверть снизки золотом за помощь.

– Пятнадцать сиклей золота?! – жадно выпучил глаза Халай.– О! О! О! Что же ты молчал, презренный кусок ослиного навоза, с этого надо было начинать! Мне мало четверти снизки – я желаю треть! Третью снизки золотом!

Лугаль недовольно нахмурился. Креол, все ещё сидящий под столом, криво усмехнулся. Старый скряга своего не упустит. Пятнадцать сиклей золота – это огромная сумма. Если уж городской эн готов выплатить её чужеродному магу из касситов – его и в самом деле здорово припекло.

И раз Халай начал браниться – он тоже это понял. Понял, что нужен позарез, и мгновенно осмелел.

А осмелев – обнаглел.

– Наш эн оценил сложность работы, исходя из числа жертв,– сухо заметил Хакуррай,– Всего погибло пятнадцать свободных авилумов – и ты получишь пятнадцать сиклей золота.

– А рабов? Сколько погибло рабов?

– Рабов мы не считали. Возможно, столько же или немного меньше.

– В самом деле? А что говорят их хозяева? Понимают ли они, как самоотверженно заботится о их имуществе лугаль Симуррума?

– Не шути со мной, почтенный абгаль,– добавил холода в голос Хакуррай.– Отвечай, принимаешь ли ты работу или же мне послать гонца в Вавилон, испросить помощи Башни?

– Не надо,– торопливо ответил Халай, брезгливо поджав губы,– Я принимаю работу.

Хакуррай удовлетворённо кивнул. Само собой, жадному касситу не хочется, чтобы город обращался к Гильдии. Верховный маг не откажет в помощи, но непременно поинтересуется – а разве не живёт в Симурруме магистр демонологии Джи Беш? Что случилось – старый пёс вконец обленился, не желает покидать конуры? Может быть, магический жезл стал слишком тяжёл для него?

Судя по осунувшемуся лицу Халай, он тоже подумал о таком варианте развития событий.

– Тряпки! – зло рыкнул уважаемый маг.

– Что-что? – недоумённо нахмурился Хакуррай.

– Это я не тебе. Креол, Шамшуддин! Собирайте свои тряпки, зловонные недоноски! И скажите Хата- бу, чтобы приготовил мою колесницу! Придётся, видно, всё же потревожить мои старые кости...

– Сколько воинов тебе дать? – по-деловому осведомился лугаль.

– Ни одного. Твои меднолобые недоумки мне только помешают. Что с них проку? Путаться у меня под ногами? Благодарю покорно!

– Как пожелаешь,– быстро согласился Хакуррай.

На лице лугалья промелькнуло облегчение. Хорошо,

что не придётся рисковать добрыми стражниками. Пусть маг делает работу, которую он умеет делать лучше других. А если старый ублюдок сдохнет – потеря невелика.

Кто бы ни победил, от одной твари город избавится.

Овцы тревожно заблеяли, глядя вверх по течению. Пастух, приведший их на водопой, опёрся на посох и поднял ладонь к глазам. Едет кто-то. Колесница большая, дорогая, запряжена двумя онагами.

– Спокойно, трусливые блеялки, – недовольно проворчат пастух, следя за всполошившимися овцами. – Просто путник. Человек. Пейте себе дальше.

Колесница съехала по склону и начала притормаживать. Возница – черноволосый юноша лет шестнадцати – натянул поводья, останавливая онагров. Ещё один юноша, бегущий рысью чуть позади, смахнул со лба пот – не так-то легко держаться наравне с ездовым онагром.

Пастух удивлённо покосился на этого второго. Эбеновая кожа и ни единого волоска на голове. Жрец-евнух, да ещё и кушит? Откуда такое могло взяться здесь, в долине Тигра и Евфрата? Касситы иногда встречаются – этот народ живет не так уж далеко, – но кушиты...

В колеснице что-то зашевелилось. На глазах изумлённого пастуха из неё вылез дряхлый трясущийся старик с козлиной бородёнкой и весьма типичными чертами лица. Вот уж верно говорят – вспомни кассита, он тут же и появится.

А за поясом старика – длинный золотой жезл, кои являются обязательной принадлежностью магов...

Смекнув, кто перед ним, пастух торопливо поклонился, пряча лицо в ладонях. Халай Джи Беш окинул его пренебрежительным взглядом и проворчал что-то относительно дружелюбное.

– Мир тебе, почтенный абгаль... – пролепетал пастух, – Это величайшая честь для меня...

– Можешь выпрямиться, дерьмо прокажённой ослицы, – благодушно произнёс старый маг, сонно плямкая губами. В поездке его быстро сморило на солнышке, и он всю дорогу дремал на дне колесницы. – У меня сегодня хорошее настроение.

Пастух склонил голову ещё ниже, стараясь скрыть брезгливую гримасу. Ветер переменился, и его обдало запахом вонючего стариковского пота.

Такое впечатление, что почтенный маг не мылся уже несколько лет...

Пока любимый учитель зевал и почесывался, ученики трудились не покладая рук. Креол распряг и стреножил онагров, Шамшуддин развёл костёр. В конце концов, именно для того старый мерзавец их с собой и прихватил. Любимого правнука Эхтанта конечно же оставил дома, играть с наложницами в шек-трак и свечу.

А вот Креолу с Шамшуддином отдых в ближайшее время не светит. В доме учителя с ними обращаются даже хуже, чем с рабами. Беда, если Халай заметит за бездельем – будет колотить, пока не сломает пару ребер. А то хуже – загонит в пятки иглы и заставит бегать кругами. Он так уже пару раз наказывал.

Недаром же в башне Гильдии Халая Джи Беш называют исключительно «потрошитель учеников».

Старый маг поковырял в носу, глядя на тлеющий хворост. Перевёл взгляд на суetyащихся у костра Креола и Шамшуддина. Недовольно покосился в сторону робко сидящего в стороне пастуха.

В обычное время тот поспешил бы увести стадо куда подальше, но теперь, когда в округе бесчинствует некая тварь, ночи стали небезопасны. В последнее время каждый рассвет – как праздник. И уж если рядом случился маг, будет просто глупостью не воспользоваться его защитой.

Пусть даже придётся ради этого пожертвовать овцой.

– Я как раз собирался резать ягнёнка, – подобострастно сказал пастух, заметив нахмуренные брови мага. – Не изволит ли почтенный абгаль разделить трапезу с ничтожным, что не смеет поднять глаз в присутствии господина?

– Ягнёнок? – оживился Халай. – Ягнёнок – это хорошо, баранину я люблю. Так и быть,

позволяю тебе усладить моё чрево твоим угощением.

Креол с Шамшуддином тоже оживились. Мясо им доводится есть не так уж часто – учитель всё-таки редкостный скупердяй. Но даже прожорливое брюхо Халай Джи Беш не вместит целого ягнёнка – что-то непременно достанется и им.

Пока пастух резал молоденького барашка, Халай скучающе зевнул, глядя на идущее к закату солнце. Если верить лугалю Хакурраю, все нападения происходили ночью, под звёздным небом. Чем бы ни была неизвестная тварь, днём она не показывается. Спит в какой-нибудь норе или вовсе удаляется в одно из бесчисленных измерений, что таятся за Кромкой.

Значит, нужно немного выждать. Чем-нибудь заняться. Чем-нибудь развлечься. Спать не хочется – отоспался, пока ехали. Мясо ещё не готово...

– Так! – вдруг рявкнул Халай, переводя взгляд с Креола на Шамшуддина. – Ты... и ты!

– Что повелишь, учитель? – хором спросили ученики.

– Деритесь!

Креол и Шамшуддин озадаченно переглянулись. Их старый учитель и раньше многожды самодурствовал, но такое отчудил впервые.

– С кем драться, учитель? – на всякий случай уточнил Креол.

– Друг с другом, идиоты! Мне надоело бить вас самому! Скучно! И рука устала! Так что избивайте друг друга сами – не всё же учителю за вас отдуваться?!

– Но...

– Как ты смеешь пререкаться, дерзкий щенок?! – мгновенно остервенел Халай.

Щуплый старикашка с быстротой молнии подлетел к Креолу и саданул сухоньким кулачком в солнечное сплетение. Ученик согнулся и выпучил глаза, не в силах выдавить ни слова. Шамшуддин сочувственно поморщился, но в следующий миг ему в лоб врезался жезл учителя. Халай Джи Беш метнул его с удивительной точностью.

Пастух, размеренно вращающий вертел, содрогнулся в страхе. Дряхлый кассит выглядит хилым, чахлым – дунь, улетит! – но дерётся не хуже опытного воина. Его подопечные – молодые парни, сильные и быстрые, но мерзкий старикашка лупит и швыряет их, как слепых котят. Аж жуть берёт от такого зрелища.

Нет уж, от магов и магии лучше держаться как можно дальше.

Слегка отойдя от вспышки гнева, Халай упёр руки в бока и хрипло каркнул, глядя на избитых учеников:

– Поднимайтесь, ничтожества!

Помогая друг другу, Креол и Шамшуддин кое-как уселись на землю. Старый учитель неодобрительно покачал головой, цокнул языком, уловив явную ненависть в глазах учеников, и фыркнул:

– Вы что же думаете, щенки, мне нравится над вами издеваться?!

Креол удивлённо выпучил глаза, Шамшуддин приоткрыл рот...

– Правильно думаете! – торжествующе расхохотался Халай, – Очень нравится!

По счастью, тут ноздри учителя жадно задёргались. До них добрался ароматный дымок от костра. Запах жареной баранины вызвал у Халай обильное слюноотечение, и он на время оставил учеников в покое. Даже неразборчиво пробурчал, что они тоже могут взять малую толику мяса.

Креол принёс из колесницы узел с провизией. Ячменные лепёшки, толчёный чеснок, горчица – ничто из этого жареному мясу не повредит. Халай Джи Беш самолично разрезал ягнёнка, орудуя ножом с такой скоростью, что пастух вновь задрожал от страха.

– Ленивые прожорливые выродки, – неодобрительно прочавкал старый маг, видя, как жадно уписывают мясо ученики. – Вы оба – бесполезный мусор. Вы умеете только жрать и выводить меня из себя. Больше ничего не умеете. Отвратительно. Воистину отвратительно.

Креол и Шамшуддин часто кивали, не переставая отправлять в рот кусок за куском. Противоречить учителю нельзя ни в коем случае – мгновенно вспылит и начнёт орудовать жезлом.

Халай посмотрел на солнце, заходящее за рощу. Уже скоро. Сумрак сгущается, тени удлиняются. Овцы сгруппировались в кучу, многие уже дремлют.

– ...Места здесь гиблые...– тем временем рассказывал его ученикам пастух, тревожно озираясь по сторонам.– Старики говорят, тут и раньше люди пропадали. Но раньше редко – трое-четверо за год, не больше. Такое везде случается – волкам на зуб попадешься или с упырём повстречаешься... Бывает всякое. Про царь-кабанов слыхали?..

Шамшуддин наморщил лоб, что-то смутно припоминая. А Креол сразу мотнул головой – он ничего такого не слышал.

– Ну так вот,– оживился пастух, довольный возможностью почесать языком,– Обычный кабан – он зверь обычный. Гуляет себе по лесу, жёлуди роет, песни хрюкает. Конечно, на пути его попадаться не стоит. Свинья она и есть свинья. Увидит человека – даже не думает ни минуточки, сразу с места в галоп – да клыками!.. Совсем как...

Пастух невольно покосился в сторону Халая Джи Беш. Креол с Шамшуддином в ужасе выпучили глаза, замотали головами – беда, если учитель распознает намёк!

К счастью, внимание старого мага полностью поглотил жареный барашек, и он ничего не заметил. Ученики облегчённо вздохнули и выжидающе уставились на пастуха. Тот отхлебнул воды и степенно продолжил:

– Ну так вот. То, значит, обычный кабан. Их в здешних лесах довольно много – вот, шури́н мой на них часто охотится. С луком, с рогатиной. Но перед всяким походом обязательно бывает в храме. Кладёт монету доброму Думузи, прозванному Таммузом, да просит всякий раз об одном – не дай повстречать царь-кабана!

– И что это за зверь такой? – наморщил лоб Креол.

– Это ужас, отрок! Ужас в свиной шкуре! Выглядит-то он точь-в-точь как самый обычный кабан – и клыки те же, и пяточок, и щетина... Ни одного различия. А только встретиться с ним и врагу не пожелаешь. Рассказывают, что боги, когда творили кабанов, малость зазевались и по ошибке вложили в одного из них силу дракона! Вот и попадают иногда среди обычных кабанов царь-кабаны...

– И что же они, огнём пышут? – удивился Креол.

– Да нет, от этого боги миловали. Просто сильные они, как... как... один Энки знает, как кто. Как сам Хумбаба, не иначе. Шури́н рассказывал, что царь-кабан ударом пяточка сшибает столетний каштан, взмахом клыка прорезает в земле овраг. Бороться с ним – гиблое дело, стрелы с копьями его шкуру только смешат. Вот так вот.

– Так это что – царь-кабан у вас здесь людей убивает?

– А?.. Да нет, конечно! – махнул рукой пастух.– Царь-кабан тут ни при чем, точно. Он человечину не ест – просто злобы дурной в нём столько, что аж из сраки хлещет. Вот и таранит всякого, кого увидит. А тут у нас другое что-то объявилось... Тёмная это история, почтенные, пахнет от неё... нехорошим чем-то пахнет, грязненьким... Тут ведь у нас возле рощицы раньше колдун один жил...

– Колдун?

– Ну да. А в прошлом году пропал куда-то. И хижина его сгорела. Месяца три-четыре после того всё тихо было, никто ничего не слышал, а потом началось... Что ни день, то очередной труп находят. И все – как мумии. Высушены так, словно год в пустыне пролежали. Из поселений люди уходить начали, ночью никто носу за порог не высовывает... А уж чтобы в рощу после захода солнца зайти... хотя при солнечном свете тоже никто не суётся. Страшно.

– И кто?..– чуть приподнял бровь Креол.

– Один Энки знает,– понял его с полуслова пастух.– Тварь некая. Шури́н мой говорит, что себетту у нас завелся...

– Себетту?! – презрительно хохотнул Халай. Плотно набив живот, он начал прислушиваться к разговору.– Да твой шури́н глупей, чем подошвы моих сандалий! Чего ещё ждать от презренных грязеедов?! Себетту, подумать только!

Мысленно Креол с ним согласился. Он уже несколько месяцев учится демонологии и

конечно же прекрасно знает, кто такие себетту. Могучие воины-демоны с орлиными крыльями и шестью бычьими рогами – они неудержимы в битве и безжалостны к врагам. Даже архимаги страшатся поспорить с себетту – это не тот враг, которого можно недооценивать.

Но таинственный ночной убийца – совершенно точно не себетту. Эти демоны сражаются беспощадно, но и бесхитростно. Исподтишка не нападают, воюют открыто и даже в какой-то степени благородно. К тому же убитых они не трогают. Оружие себетту – меч, огромный меч, источающий смертельный яд. И ещё они выдыхают пламя, обугливая врага до хрустящей корочки.

Но высасывать кровь, оставляя иссушенные трупы... нет, кто-кто, а себетту здесь ни при чем.

– Вы все – пустоумные бараны с навозом в головах, – брезгливо фыркнул Халай, обсасывая кость.–

Вам несказанно повезло, что у вас есть магистр Джи Беш. Недоумки! Не говорят ли – зверя узнаешь по следам, а человека по почерку? Не говорят ли – скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты есть? Или вернее так – скажи мне, КАК ты ешь, и я скажу, что ты за тварь!

– А-а?...– перепуганно сглотнул пастух.

– Последнему дурню понятно, что, если из жертвы высосана кровь и прочие жизненные соки, но мясо оставлено в целости,– мы имеем дело с неким типом вампира. Это может быть некий зверь, нежить, демон – но это несомненно вампир! Сосун! Кровопийца! Самая мерзкая погань, какую только способен измыслить человеческий разум! Эй, два недоноска! Достаньте письменные принадлежности!

Креол и Шамшуддин мгновенно извлекли из-за поясов папирусные свитки и тростниковые каламы, заправленные чернилами. Учитель требует, чтобы ученики в любой момент были готовы записать его мудрые слова.

Очень хорошо, что в земле Та-Кемет придумали такие полезные вещи, как папирус и каламы. Иначе пришлось бы писать так, как исстари принято в великом Шумере,– выдавливая значки на глиняной табличке, а затем обжигая их в печи.

Счастлив писец, не ведающий подобного труда.

– Вампиры! – бешено загорелись глаза Халай,– Вампиры были всегда и везде. И везде следовали за людьми, везде зависели от людей, везде паразитировали на людях. Вампир – это нежить. Ходячий мертвец. Бессмертный труп. Не знающий старости и болезней, не чувствующий боли и усталости. Высшая форма жизни... как эти твари утверждают. Но нежить всё равно остается нежитью. У нежити нет той части души, что есть у живых,– праны. Жизненной энергии. Того, что отличает живое от мёртвого. Если в теле есть прана – это живое тело. Если нет – мёртвое. Даже если оно ходит, говорит, мыслит – это всё равно не жизнь, а лишь её внешнее подобие. Суррогат. Фальшивка. Подделка. Имитация. Вам ясно?! Вы записываете?!

– Записываем, учитель! – прогундел Шамшуддин, усердно водя каламом по папирусу.

– Итак, вампиры – это нежить,– важно поднял палец старый маг.– Псевдожизнь. Гнилое мёртвое мясо, прикидывающееся человеком. Но весьма умело прикидывающееся, надо сказать. Обычный вампир красив. Очень красив. Ослепительно красив. Точнее, так кажется, если ты с ним разного пола. Если ты мужчина, а вампир – женщина. Или если ты женщина, а вампир – мужчина. Эти твари очень умело наводят морок, представляя перед своими жертвами в бесподобно прекрасном обличье. Заманивают жертву, соблазняют её, усыпляют бдительность... а потом вонзают клыки и высасывают, как спелый плод! Однако если вы с вампиром одного пола, его чары на вас могут и не подействовать – вполне может статься, что вы увидите его таким, каков он есть. Омерзительным старообразным уродцем с прогнившей кожей.

– Похожим на тебя, учитель? – почтительно спросил Креол.

– Да, похожим на меня... что-о-о?! Что ты сейчас сказал, дерзкий мальчишка?! Да как ты осмелился?! Как твой поганый рот посмел выговорить столь поганые слова?! Воистину

это стоит жезла!!!

У Креола перед глазами поплыли звёздочки. Но внутренне он остался доволен. Привести учителя в такое бешенство – это действительно стоит парочки тумачков.

В конце концов, ему не привыкать.

– Если вы встретите вампиршу, – мрачно продолжил Халай, трясая уставшей рукой, – не вздумайте соблазниться её белоснежной кожей и очами небесной лазури. Пусть эти коралловые губы и шёлковые волосы не введут вас в заблуждение! Самые прекрасные цветки часто бывают ядовитыми... слишком часто! Слишком! Сразу же, сразу же поглядите на обманщицу истинным зрением... которому вы, никчёмные идиоты, до сих пор не выучились! Поглядите на неё истинным зрением – и вас стошнит! Трупобразные гнилые старухи – вот как выглядят вампиры на самом деле! Вся их чарующая красота – ложь и морок, не больше! Так им легче заманивать добычу в силки! Их добыча – вы, жалкие ублюдки! Не забывайте об этом!

Креола с Шамшуддином, высунув языки, бешено строчили в свитках. Разумеется, пропуская брань, столь щедро приправляющую речь учителя.

– Вампиры – это самое гадкое изобретение тупиц-некромантов! – скрипнул зубами Халай, – В отличие от прочей как-бы-не-мёртвой мерзости вампиры способны размножаться, плодить себе подобных самостоятельно! Однако совсем не так, как мы, живые и дышащие! Вампирам неведомо благословенное счастье деторождения! Вместо этого они превращают в подобных себе некоторых жертв! Далеко не всех, конечно, только «избранных»! Своих любимцев! Они – поганые ублюдки! – называют это Даром! Благодетели, бе-э-э! Мерзость! Само собой, если бы в вампиров превращался каждый укушенный, эти твари давным-давно заполнили бы весь мир. А это ударит прежде всего по ним самим – ведь тогда они попросту передохнут от голода! Для того чтобы жить, каждому надо кушать – иначе ничего не получится. Даже живые мертвецы нуждаются в пище, чтобы не стать мёртвыми мертвецами, чтобы и дальше длить своё богомерзкое существование. Но вампиры отличаются от всех прочих тем, что не едят обычной пищи. Их жизнь, их энергия – это прана. Чудесная сущность, энергия, оживляющая всё под этими небесами. А вампиры – трусливые воры, тайком сосущие прану у живых, питая свои мёртвые тела! Обычно вместе с кровью. Кровь – это сама жизнь. Волшебная алая жидкость, напоённая праной так, как ничто более. Именно поэтому мертвецы-крововосы выглядят привлекательнее мертвецов-пожирателей вроде упырей – в мясе прана тоже есть, но меньше, гораздо меньше, чем в крови! Однако сама по себе кровь вампиру необязательна – просто именно вместе с ней проще получить нужную энергию. Но это необязательно. Существуют, например, маги-вампиры – они кровь не пьют, а высасывают энергию напрямую. Высасывают прану. А самые могущественные – и ману. В отличие от настоящих вампиров энергетические – не нежить, а живые люди... но они ещё хуже, хуже трупов! В нашей Гильдии подобных отщепенцев ждёт только смерть, сожжение и забвение! И это правильно!

Халай Джи Беш говорит всё быстрее и неразборчивее. С Креола и Шамшуддина градом льёт пот – нелегко удерживать такой темп. Каламы уже опустели больше чем наполовину, место на свитках скоро закончится, а учитель всё чешет языком. Перечисляет виды и подвиды вампиров, рассказывает об их особенностях, повадках и слабостях...

– Иные твари подобны вампирам в образе питания, – продолжал Халай, жестикулируя обглоданной костью, – Сосуны, живущие за счёт вытягивания чужой энергии. Но уже не праны... о, в человеке множество, великое множество самых разных энергий! Некоторые из этих тварей вытягивают саму душу, оставляя пустую оболочку! После этого ты даже в Кур не попадёшь!

Креола передёрнуло. Тростниковый калам едва не выпал из пальцев, по спине пробежала холодная дрожь.

– А ну-ка!.. – резко вырвал у него свиток учитель. – Та-а-а-ак... Это что такое, шакалья моча?! Ты не записал и половины изречённого мной! Ты безнадежно отстал! И ты тоже!.. – рявкнул Халай, выхватив свиток и у Шамшуддина. – Вы позорите меня, мерзавцы! Почему не

записываете, выродки?!

– Но мы не успеваем! – взмолился Шамшуддин.

– Молчать, ничтожества! Только тот настоящий писец, чья рука не отстаёт от уст! Вы должны писать с той же скоростью, что и говорите! Пфе!.. Противно даже тратить на вас время!

Халай резко поднялся, отшвырнул прочь баранью лопатку, отхлебнул вина из кувшина и раздражённо фыркнул. Пояс с кистями упал на землю, подол туники задрался, и пламя костра жалобно затрещало – его оросил бурный поток. Креол, Шамшуддин и боязливо сидящий в сторонке пастух одновременно покривились – в воздухе запахло вонючей стариковской мочой.

– Вот так-то, – угрюмо кивнул Халай, завязывая пояс, – Вот что я думаю о вас о всех.

Креол с Шамшуддином смотрели настороженно, ожидая подвоха. Неужели это всё? Неужели мерзкий старик их даже ни разу не ударит? Подозрительно. Обычно в таких случаях он бьёт учеников ногами и жезлом, а потом справляет им на лица малую нужду.

А один раз – даже большую.

Но на этот раз Халай Джи Беш ограничился тем, что потушил костёр. Бросив взгляд на заходящее солнце, старик недовольно побряхтел, проверил наличие за поясом жезла и размашисто зашагал к чернеющим вдали деревьям.

Потеха потехой, а работа работой. Демонолога Халай обвиняли в бесчисленном множестве грехов, но ещё никогда – в некомпетентности.

– Так печально, что эти два идиота – мои ученики... – грустно пробормотал Халай, зажигая над головой магический фонарь, – Я самый несчастный учитель на свете...

Луна сегодня яркая, всё хорошо видно даже без чародейского света. Но войдя под лесную сень, Халай сразу замедлил шаг. Крючковатый старческий нос чуть дёрнулся. Волосатые ноздри раздулись, с шумом втягивая воздух. Демонолог почувствовал присутствие нечистой силы.

– Это не демон... – самому себе сказал Халай, привычным жестом выставя защитный барьер и медленно шагая в самое сердце чащи. – Не нежить... Не дух... Не проклятый... Что-то... что же это такое?..

Спустя несколько минут в воздухе чем-то запахло. Теперь уже не сверхъестественные витания, заметные только опытному магу. Совершенно материальная вонь. Звериный пот и мускус.

– Чудовище, значит... – недовольно хмыкнул Халай, перехватывая поудобнее жезл. – Ну-ну...

Не самый лучший вариант. Демонологу привычнее иметь дело с потусторонней тварью, отродьем Тьмы из иного измерения. В нашем мире подобное создание – чужак, его можно выдворить туда, откуда оно явилось.

Если обладаешь нужными навыками, конечно.

Но существуют и такие порождения Тьмы, что появились на свет в мире людей. Чудовища. В отличие от демонов их изгнать невозможно – попросту некуда. Приходится убивать. А это не всегда удаётся легко

– чудовища бывают всевозможных пород и обладают самыми разными свойствами и способностями.

С некоторыми нежелательно сталкиваться даже опытному магу...

– Хашшшшшш!.. – выкрикнул Халай, резко разворачиваясь.

С кончика жезла ударила ослепительная молния, прошившая насквозь древний дуб.

В свете заклинания что-то метнулось. Тёмный силуэт промелькнул между деревьями и исчез. Старик прищёлкнул пальцами, увеличивая яркость магического светильника.

– Я найду тебя... – зло проворчал Халай, неподвижно замирая. – Найду... Пятнадцать сиклей золота, пятнадцать сиклей золота... я хочу их! Ради них я убью шестьдесят... нет, сто двадцать человек! Или одно чудовище.

Новая магическая вспышка. На краткий миг чащу озарило так, словно начался пожар.

Взгляд Халая забежал туда-сюда, ища скрывшееся чудовище. Но вновь успел заметить только смутный силуэт, мелькнувший где-то вдалеке.

– Не играй со мной, мерзкая тварь! – прошипел старик, нашаривая за поясом коробочку порошка Вурх.– Я не из тех, кто позволяет подобное!.. Тха!.. Рес!.. Ши!.. Дала!..

Щепотка магической пылицы на долю секунды повисла в воздухе, а потом взметнулась кверху, расходясь белоснежной дугой. Вокруг начало светлеть.

– Посмотрим, как ты теперь спрячешься...– усмехнулся Халай... и осёкся.

В лунном свете он увидел на земле тень. Довольно необычную тень. Сначала маг даже не понял, что в ней неправильно – вроде бы просто человеческий силуэт. Очертания плеч, головы, два глаза, рот...

А потом он сообразил. Глаза и рот. Откуда у тени могут взяться глаза и рот? Их никак не может быть. Тень всегда безлика.

Но здесь они есть. Беспросветно-чёрное пятно на земле – а внутри два светлых кружка и изогнутая линия. Словно у хозяина этой тени в голове три сквозные дыры.

По костлявой спине пробежал холодок. Старый маг сразу же понял, с чем повстречался в этом страшном лесу. Только одна тварь в Шумере отбрасывает подобную тень.

В Гильдии полагали, что этот кошмар полностью вымер много веков назад... и до сегодняшней ночи Халай Джи Беш тоже так считал.

– Гаситель Света...– в ужасе прошептал маг, дрожащей рукой поднимая жезл.

Жуткая тень шевельнулась в ответ. Халай уставился на неё омертвелым взглядом, только теперь замечая знакомые черты в силуэте. Это его собственный силуэт – силуэт Халая Джи Беш.

Незримые щупальца уже проникли под кожу...

– Иииииииии!...– раздался истошный визг.

Грозный маг в одно мгновение обратился в перепуганного старикашку. Халай попятился, развернулся и, едва не роняя жезл, бросился бежать. Защитный барьер бесславно рухнул – его создатель утратил концентрацию.

В спину что-то ударило. С чуть слышным звоном рассыпалось заклятие Личной Защиты. Потеряв равновесие, демонолог запнулся о корень и повалился ничком, раскинув руки. По всклокоченной бородёнке потекло что-то липкое – Халай разбил скулу о камень.

– Мардук, спаси и защити, Мардук, спаси и защити...– исступлённо забормотал старик, съёживаясь в комочек. Он и думать забыл о волшебстве – за всю историю Шумера ещё не бывало такого, чтобы человек побеждал Гасителя Света, вышедшего на охоту.– Маа-а-а-а-а-а-ар!.. ахrrrrrrr...

Шею пронзило острой болью. В лопатки вошли острые когти, копчика коснулось что-то скользкое. Халай Джи Беш забился в агонии, на губах вспенилась слюна, белки глаз налились кровью.

Потом сознание милосердно померкло.

Креол зевнул и раскинул руки, глядя на звезды. Счастливы те, кому довелось родиться и жить в благословенном Шумере. Полуденное солнце печёт кожу, но наступает ночь – и на смену жару приходит блаженная прохлада. Боги смотрят с небес на людей, радуясь их удачам и огорчаясь бедам.

– Не спишь, брат?...– сонно пробормотал Шамшуддин, приподнимаясь на локте,– Что-то учитель долго не возвращается...

– Может, его сожрали? – предположил Креол. В голосе прозвучала искренняя надежда.

– Скорее уж бык даст молока...– усомнился Шамшуддин.

– Да, наверное. Но вдруг? У меня такое предчувствие, что сегодня мне повезёт.

– А мне?

– Не трогай моё предчувствие. Пользуйся своим.

Шамшуддин потянулся и легко вскочил на ноги.

Юноша с кожей цвета эбенового дерева сделал несколько гимнастических упражнений, с хрустом мотнул головой влево-вправо и замер, скребя в затылке. Предрассветную тишину

нарушило голодное бурчание.

– Мясо ещё осталось? – поинтересовался Креол, тоже поднимаясь на ноги. – Надеюсь, поганый уткуку вчера не все сожрал?..

Мясо осталось. Старый пастух увёл стадо ещё час назад, не дожидаясь восхода, но тушу ягнёнка, разумеется, уступил гостям. В благодарность за безопасную ночь.

Шамшуддин вынул из-за пояса нож и нарезал остывшую баранину плоскими ломтями. Креол молча подгрёб к себе добрую половину и принялся уписывать. Белоснежные зубы кушита-полукровки тоже занялись делом.

Оставить что-то учителю ни один из учеников даже не подумал.

– Смотри-ка, бредёт кто-то, – невнятно прочавкал Шамшуддин, облизывая жирные пальцы. – Учитель?..

– Походка другая, – мотнул головой Креол, бросив короткий взгляд. – Это какой-то бродяга. Очень старый и больной.

– Я всегда восхищался твоей наблюдательностью, брат.

– Я тоже. Спрячь мясо. Если будет попрошайничать – у нас ничего нет.

Шамшуддин повертел головой, безуспешно пытаясь найти место, куда можно что-нибудь спрятать. Ничего не нашёл. Тлеющая зола в костре, невысокая трава, их с Креолом туники и набедренники... До колесницы почти полсотни шагов...

– Креол!.. Шамшуддин!.. – послышался слабый оклик.

– А, так это всё-таки учитель, – недовольно пробурчал Креол, щуря глаза.

– Что, брат, надежды не оправдались? – ехидно посмотрел на него Шамшуддин. – 11 наблюдательностью твоей я зря восхищался...

– Отстань.

Халай Джи Беш подполз к костру только через несколько минут. Его походка действительно изменилась – появилась неуверенность, ноги стали подкашиваться. Бесследно пропал тот лёгкий, пружинящий шаг, с которым престарелый демонолог двигался раньше.

Да и внешне Хапай переменялся. Глаза помутнели, губы стали болезненно кривиться, пальцы мелко дрожат, на скуле – запёкшаяся кровь. Теперь учитель и в самом деле выглядит на свой истинный возраст – сто четыре года.

– Что с тобой, учитель? – с подозрением спросил Креол. – Ты выглядишь так, словно сейчас сдохнешь.

– Может, тебе присесть, учитель? – предложил Шамшуддин. – Вот, у нас ещё осталось немного вчерашней баранины. Она остыла, но...

– Креол!.. Шамшуддин!.. – прослезился Халай, раскрывая объятия. – Как же я рад вас видеть! Мои любимые ученики!

Креол резко отпрыгнул назад. Шамшуддин на миг замешкался, но последовал его примеру.

– Это не наш учитель! – прорычал Креол, сжимая кулаки. – Это демон в его обличье!

– Точно! – У Шамшуддина расширились глаза. – Ты несомненно прав, брат!

– Да нет же! – жалобно взвыл Халай, с трудом волочась за отстающими учениками. – Креол, Шамшуддин, пожалуйста, поверьте, это я, ваш учитель! Верьте мне, умоляю!

– Ах ты, проклятый самозванец! – подобрал с земли камень Креол. – Наш учитель – мерзкий злобный урод, он за всю жизнь не произнёс ни одного доброго слова!

– Сразу видно, что этот демон никогда не встречался с настоящим Халаем! – поддакнул Шамшуддин.

– Говори, кто ты такой, обманщик! – швырнул камень Креол. – И куда подевал нашего учителя?!

Булыжник угодил Халаю прямо в лицо. Старик вскрикнул от боли, прижимая ладони к губам. По бороде потекла кровь.

Ноги Халая подкосились. Он шлепнулся на землю, спрятал голову меж коленей и горько зарыдал. Креол и Шамшуддин озадаченно переглянулись.

– Знаешь, брат, я не знаю, кто этот демон, но выглядит он точь-в-точь как наш

учитель...– неуверенно произнёс Шамшуддин.

– Да и пахнет так же...– дёрнул носом Креол.

– Может, это всё-таки не самозванец?

– Да уж, трудно поверить, что кто-то по доброй воле согласился бы так смердеть...

Юноши медленно подошли к плачущему старику. Креол подобрал с земли веточку, оставшуюся от собранного вчера хвороста, и осторожно потыкал Халаю в плечо.

– Эй,– позвал он, готовясь в любой момент отпрыгнуть назад.– Демон. Ты кто такой? Говори правду и не говори лжи.

– Я ваш учитель! – поднял заплаканное лицо старик.– Халай Джи Беш, магистр Гильдии!

– Лжёшь. Зачем ты лжёшь? Говори правду.

– Это правда, проклятый щенок! – исказилось злобой морщинистое лицо.

Креол вздрогнул. В облике неизвестного самозванца вдруг проступил их ненавистный учитель. Может, это и в самом деле он?

– Докажи, что ты – это ты,– предложил Шамшуддин.– Наш учитель – великий маг. Магистр демонологии, не знающий себе равных в подлунном мире. Сотвори какое-нибудь заклятие и докажи, что умеешь колдовать. Мы не требуем многого – подойдёт любой пустяк.

– Отличная идея! – оживился Креол,– Слышишь, демон? Докажи нам, что ты Халай! Если сможешь, конечно.

– Не могу! – закачался из стороны в сторону старик.

– Я так и думал. Ты не Халай, а просто какая-то нечисть, замыслившая обмануть нас этой личиной. Но мы не так глупы!

– Брат, а помнишь, что учитель рассказывал вчера? – напрягся Шамшуддин.– О вампирах, которые принимают человеческий облик, чтобы подкрасться к жертве?

– Точно! Это вампир!

– Только почему он тогда принял именно такой облик? – продолжал размышлять вслух Шамшуддин.– Куда умнее было бы замаскироваться под нагую одалиску... Вампир мог бы сказать, что на него напали разбойники, украв всю одежду, а пока мы таращились бы на его перси...

– Не подсказывай ему! – зашипел Креол.

– Вы безмозглые недоумки,– пустым голосом произнёс Халай, поднимая взгляд.– Вас совершенно бесполезно чему-либо обучать. Вы даже не можете отличить человека от вампира. Вас надо выгнать с позором из моих учеников. Гильдия только выиграет, если в ней никогда не появится подобного отребья.

Креол с Шамшуддином запнулись. Если оставить неживой тон, это звучит довольно похоже на их учителя. Он частенько им такое говорит – только обычно более эмоционально.

– Это и в самом деле ты, учитель? – неуверенно спросил Шамшуддин.

– Жезл похож,– опустил взгляд Креол,– Но если бы это был учитель, он бы мог колдовать.

– Это на самом деле я! – злобно прохрипел Халай,– Не испытывайте моё терпение, отроки! Это я, но... но уже немного и не я...

– Объяснись,– снова ткнул в него веточкой Креол.

– В той роще... в той роще...– с трудом заговорил старик.– В той роще я столкнулся с Гасителем Света!

Креол и Шамшуддин переглянулись. Они ничего не поняли.

– Достаньте письменные принадлежности,– проскрипел Халай, жалобно кривя рот.– Сейчас я расскажу вам о той твари, что наиболее страшна для мага. Для любого мага. Себетту?.. Редехор?.. Демон Бури?.. Адский дух?.. Нет, нет и ещё раз нет! Гаситель Света – вот кошмар из кошмаров, с которым не пожелает встретиться ни один из нас!

Креол и Шамшуддин сглотнули, в страхе поглядывая на ряд деревьев вдали. В том, что перед ними именно Халай Джи Беш, они перестали сомневаться... но что же с ним произошло в той зловещей роще?

– Так кто это – Гаситель Света? – спросил Шамшуддин. – Я никогда раньше про таких не слышал...

– И я.

– Где же вам... – покривился Халай. – О Гасителях Света никто ничего не слышал уже несколько поколений. Ещё до моего рождения Гильдия объявила на этих тварей настоящую охоту, истребив всех до последнего. Только после этого маги сумели вздохнуть спокойно. Меня ещё обучали, как сражаться с Гасителями Света, но уже вскользь, буквально в двух словах. К тому времени они уже ушли в историю. Я и вовсе не собирался вас этому учить – зачем давать ненужные знания? Попусту тратить моё бесценное время? Я никогда раньше не видел эту тварь ни живой, ни мертвой... узнал только по описанию...

Халай помолчал, справляясь с подкатившим к горлу комком. Он все ещё переживал тот липкий страх, что нахлынул в тёмной роще.

Потом он заговорил снова:

– Гаситель Света – это вампир. Как я и предполагал, все эти убийства – дело вампира. Но не обычного вампира-нежити. Гаситель Света – чудовище, не имеющее ничего общего с людьми. Я не знаю, откуда оно здесь взялось, но подозреваю, что тут приложил руку тот колдун, что раньше жил возле этой рощи. Не знаю, откуда и зачем он его приволок... да и какая теперь разница? Этот глупец теперь во мраке Кура и ничего не расскажет. А Гаситель Света – здесь. И охотится. Эта тварь почти невидима и не отбрасывает тени даже в самый яркий полдень. Зато во время охоты её всегда сопровождает чужая тень – тень намеченной жертвы. Правда, ночью её всё равно не видно... но я её видел. Гаситель Света опасен, очень, очень опасен. Он слышит мысли противника, чувствует его намерения, даже видит на несколько секунд вперёд будущее! А ещё он чувствует магию – заранее знает, какое заклинание будет использовано, и всегда успевает уклониться. Гаситель Света движется с невероятной скоростью, с лёгкостью ускользая и от стрелы, и от копья, и от молнии мага. От него же самого защититься очень сложно. Гаситель Света ломает ментальную защиту, лишает воли, опутывает жертву незримой паутиной страха и безысходности, вселяет в душу непереносимый ужас, а когда жертва уже напугана до смерти и бежит без оглядки – нападает. Нападает всегда сзади. Вонзает жало в шею и высасывает... высасывает саму жизнь!

– Но как же тогда остался жив ты, учитель?

– Только благодаря тому, что я маг, – горестно посмотрел на свои руки Халай. – Маги для Гасителя Света – особенное лакомство. По нашим духовным линиям циркулирует мощная энергия – нет большей радости для Гасителя Света, чем напиться этой блаженной сомы! Вонзив жало в мага, тварь выпивает из него... выпивает... высасывает магическую силу! Моя седьмая оболочка теперь суха и безжизненна, ученики! Гаситель Света превратил меня в простого смертного! Я больше не могу колдова-а-а-а-а-а-ать!!!

Креол и Шамшуддин снова переглянулись, ошарашенные такой новостью. Теперь стало понятным, почему их учитель так на себя не похож. Магия для мага – это всё. Маг, утративший власть над заклинаниями, подобен безрукому ремесленнику, подобен безногому скороходу. А если пострадавший маг – дряхлый старец, уже не способный нормально существовать без чар...

Неудивительно, что Халай Джи Беш так страшно подавлен.

Осознав, что их учитель теперь столь же слабосилен, что и всякий старик его возраста, Креол и Шамшуддин неуверенно улыбнулись. Обменялись понимающими взглядами. Посмотрели на горько плачущего Халай. А потом одновременно воскликнули:

– Бей его!!!

Халай Джи Беш истошно завопил, закрывая лицо руками. Налетевшие ученики принялись безжалостно дубасить его кулаками и пинать сандалиями. Креол вырвал у учителя жезл и что есть мочи ударил воющего старика по затылку. Траву оросила кровь.

– Хватит, довольно, пощадите!.. – тоскливо заскулил Халай, безуспешно пытаясь отползти.

– Смерть тебе!..– пропыхтел Шамшуддин, залепляя учителю ногой с разворота.

– Сдохни, мерзкая тварь!..– рывкнул Креол, снова размахиваясь жезлом.

Через пару минут престарелый маг замер неподвижно. На нём не осталось живого места. Слегка уставшие Креол и Шамшуддин остановились и радостно переглянулись.

– Мы победили Зло, брат,– тяжело дыша, сказал Шамшуддин.

– Теперь мир сможет вздохнуть спокойно,– кивнул Креол, отбрасывая жезл Халай,– Только вот...

– Только вот?..

– Надеюсь, он всё-таки не до конца сдох. Если в Гильдии узнают, что мы прикончили учителя...

Шамшуддин в страхе выпучил глаза. Ему, полукровке, незаконнорождённому ребенку, прижитому от раба-кушита, нечего и надеяться на милосердие имперского суда. Креолу с этим проще, он всё-таки единственный наследник двоих архимагов – своих отца и деда. Юноша знатнейший из знатных.

– Вроде жив,– приложил ухо к чахлой груди учителя Креол.– Я слышу стук.

– Сердце?..

– А что, там что-то ещё может быть? – хмуро посмотрел на товарища Креол.– Эй, старый урод, ты меня слышишь?..

Халай слабо застонал. Тонкая рука, увитая синими венами, шевельнулась, цепляясь за край набедренника Креола. Веки поднялись, открывая помутневшие глаза.

– Жив,– облегчённо вздохнул Шамшуддин.

Избитый до потери сознания учитель приходил в себя довольно долго. Но в конце концов всё же сумел усесться ровно и даже начал кое-как ворочать языком.

– Неблагодарные мерзавцы!..– всхлипнул Халай, утирая глаза,– Как вы могли так со мной поступить?!

И это после всего того, что я для вас сделал!.. Разве не кормил я вас хлебом, разве не поил ячменной сикерой?..

Креол и Шамшуддин угрюмо промолчали. Ужасно хочется завершить начатое и добить учителя. Но неприятности могут быть и вправду нешуточными, так что лучше всё же подавить благородные желания.

– Слушайте меня, ученики,– проглотив гордость, заговорил Халай.– Гаситель Света высосал досуха мою седьмую оболочку. Лишил меня магических сил. Но именно благодаря этому я остался жив – поглотив мою силу, тварь вполне насытилась и оставила меня в покое. Сейчас Гаситель Света спит в какой-нибудь норе, переваривая то, что сожрал. Вы должны помочь мне вернуть способности!

– А это возможно? – с явным сожалением спросил Креол.

– Да. Способ есть. Нужно убить эту тварь до того, как зайдет солнце. Убить и принести мне её внутренние органы. Там есть такой особый орган... как бы желудок, но не желудок. Этой штукой Гаситель Света переваривает украденную у людей энергию. И если до захода солнца я этот желудок съем, мои способности ко мне вернуться! Может быть, не в полном объёме, но вернуться!

Креол и Шамшуддин опустили глаза, делая вид, что не понимают, о чем речь. Не очень-то хочется идти в эту страшную рошу и сражаться с тем, кто с такой лёгкостью одолел их учителя.

Тем более что выгода весьма сомнительна.

– А другого способа нет? – с надеждой спросил Шамшуддин.

– Есть, как не быть... Я могу просто обучиться всему заново, как учитесь сейчас вы,– пробурчал Халай,– Конечно, повторно я обучусь гораздо быстрее – знания-то никуда не делись, по-прежнему здесь, в черепе... Просто снова натренироваться... снова развить седьмую оболочку... но даже так это займет многие месяцы, если не годы...

– Мы тебе в этом поможем, учитель! – оживился Шамшуддин.

– Ты же никуда не торопишься? – поддакнул Креол.

– Не тороплюсь?! – зло сверкнул глазами Халай.– Я очень даже тороплюсь! Посмотрите на меня, глупцы! В отличие от вас я не зелёный отрок, лишь недавно отлучённый от материнской груди! Мне сто четыре года! Уже лет тридцать я поддерживаю жизнь магией! Теперь, когда я её лишился, я могу умереть в любую минуту! Умереть просто от старости, как мне давно положено!!! Вы этого хотите?!

– Нет, нет, не хотим! – истово закивали ученики.

– Сожри вас Нергал, а почему вы тогда киваете?! О-о-о, я всё вижу, я всё понимаю! Ваши презренные уста лгут, но ваши члены выдают истину! Вы хотите, вы жаждете моей смерти, мерзавцы! – захрипел Халай, потрясая высохшей десницей.– Но у вас ничего не выйдет! Ничего не получится! Я пока ещё не собираюсь в Кур! Мне ещё рано становиться добычей Безголовых! Клешни асакку до меня не дотянутся!

– А жаль,– вполголоса пробормотал Креол.

– Я это слышал! – гневно выпалил Халай.

– Ну и что с того? – дерзко посмотрел на него Креол.

Халай Джи Беш плотно стиснул челюсти. Всё тело ломит от ужасных побоев. Утратив магические способности, он уже не способен просто исцелить синяки парой заклятий.

И эти два юных ублюдка могут сделать с ним всё, что пожелают. Здесь, в уединённом месте, вдали от людей, он совершенно беспомощен. Кричи не кричи – никло не услышит, никто не поможет.

– Креол, Шамшуддин, но я же всё-таки ваш учитель!..– попытался ласково улыбнуться Халай.

Ученики невольно отшатнулись – такая мерзкая гримаса появилась на морщинистом лице.

– Вы же мои любимые ученики! – протянул руки Халай.– Я люблю вас, как родных внуков! Я прошу вас... нет, я вас умоляю! Вы просто обязаны мне помочь!

– Чего ради, старый урод? – хмыкнул Креол.

– Неужели вас нисколько не беспокоит судьба вашего бедного учителя?!

– Нисколько.

– Тогда подумайте ещё вот о чем! Если я не верну своих способностей, то больше не смогу вас обучать!

Шамшуддин посмотрел на Креола с лёгким беспокойством. Креол тоже помрачнел.

– А ещё я нажалуюсь на вас в Гильдию! – зло пообещал Халай.– Уж я позабочусь, чтобы больше никто и никогда не взялся вас обучать! Я это сделаю, клянусь своей печёнкой, обязательно сделаю!

Шамшуддин забеспокоился ещё сильнее. Креола в крайнем случае может обучить собственный отец или дед – Гильдия подобного не одобряет, но и не запрещает. А вот что делать ему, Шамшуддину?

У него не будет другого шанса. Грозный дедушка совершенно точно не согласится платить за обучение повторно. Он и так отдал старому вампиру Халаю немало серебра. Липит-Даган богат, но бережлив, сорить сиклями не любит... и незаконного внука тоже не любит.

– Брат, может всё-таки...

– Придётся, похоже,– угрюмо кивнул Креол.– Рассказывай, старый урод. Как мы должны одолеть эту тварь, если она такая неуязвимая?

– Здесь есть один очень важный аспект,– сквозь зубы процедил Халай. В другое время он переломал бы за «старого уroda» все кости, но сейчас приходится терпеть дерзость этих щенков.– Гаситель Света практически необорим ночью. Но днём... о, днём совершенно другое дело! Днём Гаситель Света отсыпается в норе. В это время он вял, медлителен и почти слеп. Если сумеешь отыскать Гасителя Света днём, пока он спит, переваривая пищу, справиться с ним несложно – в былое время их именно так и истребили. Истребили даже не маги, а самые обычные охотники из простых смертных. По нашему велению следопыты

разыскивали нору за норой, пронзая копьями тех, кто в них сидел. Теперь вы должны сделать то же самое для меня. Из оружия у вас есть ножи и топор – этого должно быть достаточно. И поспешите! Вы должны успеть до заката!

Креол посмотрел на небо. За всеми разговорами, избиением учителя и приведением его в чувство прошло немало времени. Солнце уже почти доползло до полуденной отметки.

– Пошли, – мрачно буркнул Креол, поднимаясь на ноги.

Шамшуддин молча достал из колесницы лёгкий топорик для рубки сучьев. Не самое лучшее оружие при охоте на дикого зверя, но выбирать не приходится. Учитель Халай в своем обычном высокомерии не озаботился прихватить ничего полезного, целиком положившись на магию.

– Ступайте же и свершите то, что должно быть свершено! – пафосно воскликнул старый маг, вздев трясущуюся ручонку. – Ради моего счастья! И... и ради будущего всего Шумера!

– Да чтоб ты сдох, старый урод, – вполголоса произнёс Креол.

– Я это слышал!

– Я знаю.

При дневном свете дубовая роща выглядит совсем не так зловеще, как ночью. Но Креол с Шамшуддином всё равно чувствуют себя как-то неуютно. Хотя учитель и сказал, что днём Гаситель Света немногим опаснее бродячей собаки, кто может поручиться, что это и в самом деле так? Ради своей драгоценной магии Халай вполне может и солгать. Жизнь учеников его совершенно не заботит.

К тому же совершенно непонятно, где искать нору этой твари. Какого она хотя бы размера? Как выглядит тот, кто в ней сидит? Учитель на эти вопросы ответил только причитаниями и бранью.

Значит, ему это тоже неизвестно.

– Брат, погляди-ка, – окликнул Креола Шамшуддин. – Как думаешь?..

– Слишком маленькая, – критически осмотрел найденную щель меж корней Креол, – Старый урод сказал, что должен быть зверь... примерно вот такой где-то.

Креол расставил руки на ширину плеч. Немного подумал и раздвинул их ещё чуть пошире. Потом вернул в прежнее положение. Потом снова раздвинул шире, никак не в силах вспомнить точно, какой размер показывал учитель.

Шамшуддин глубокомысленно кивнул, тоже расставил руки пошире и примерил получившийся размер к найденной норе.

– Не, такой сюда не влезет, – заявил он.

– А я о чём? Это вообще, по-моему, суслика нора.

– Суслика?.. А у нас тут разве водятся суслики?

– Да мне почём знать? Может, и водятся. У нас тут вообще много всякой дряни водится.

– Например?

– Например, плешивые кушиты.

– Брат, твои слова обидны.

– Да, я знаю.

Шамшуддин срубил топориком сук подлиннее и принялся ворошить траву. Толстые дубовые корни могут скрывать не одну нору. Хотя крупный зверь в таком месте, конечно, не поместится.

Л огово Гасителя Света просто обязано как-то отличаться от обычных дыр в земле...

– Клянусь душой Мардука, однажды я всё-таки убью проклятого ворошителя грязи!... – пробормотал Креол, спотыкаясь об очередной корень. – Пусть только закончит моё обучение – и я сразу же его прикончу...

Шамшуддин с сомнением покачал головой, но ничего не сказал.

Прошло несколько часов бесплодных поисков. Креол и Шамшуддин обшарили вдоль и поперёк всю рощицу. Она оказалась совсем небольшой. Но тщетно, тщетно – никакой норы,

никакого логова, никакого Гасителя Света. Жуткое ночное чудовище затаилось на славу, совсем не желая быть найденным.

Глаза учеников мага всё чаще обращаются к небесам. Закат ещё не близко, но уже и не за горами. Тени деревьев удлинились, дневная жара почти совсем спала.

Ещё немного, и начнёт смеркаться. С каждым часом оставаться здесь всё опаснее. Кто может сказать наверное, в какое время привык пробуждаться Гаситель Света? Любая минута грозит оказаться роковой. Если тварь, легко расправившаяся с магистром Гильдии, выйдет на охоту, что смогут ей противопоставить двое шестнадцатилетних мальчишек?

– Может, вернёмся? – с опаской предложил Шамшуддин. – Мы не виноваты, мы сделали всё, что могли...

– Ну уж нет, я не сдамся... – стиснул зубы Креол, шаря глазами вокруг. – Плох тот маг, что боится ночных теней...

– Брат, не говорят ли – глуп тот, кто положил голову на плаху, но трижды глуп тот, кто не убрал её вовремя? Наш учитель в высокомерии своём попал на ужин к чудовищу – его глупость. Мы с тобой, боясь гнева Гильдии, согласились выручить его из беды – наша глупость. Не будем же совершать ещё и третью глупость, дожидаясь темноты в этой обители Мрака!

– Хочешь – уходи, – огрызнулся Креол, жуя пресную лепешку. – А я остаюсь. Я найду эту маскимову нору. Или не найду. Но никто потом не скажет, что я сдался. Я никогда не сдаюсь.

– Вижу, упрямство и высокомерие наш учитель тебе уже передал... – вздохнул Шамшуддин. – Ты способный ученик, брат, но ты зря не прислушиваешься к голосу разума...

– Замолчи, надоел. Повторяю – если хочешь, можешь проваливать хоть к Нергалу в зубы.

– Отец учил меня, что трижды проклят будет тот, кто покинул товарища в опасную минуту, – снова вздохнул Шамшуддин. – Даже такого неразумного товарища, как ты, брат...

– Отец... – фыркнул Креол. – Кушитский раб...

– Да, он был рабом и имел чёрную кожу, – спокойно согласился Шамшуддин. – Ты вправе испытывать к нему презрение, сын шумерского аристократа.

Однако несмотря ни на что, я горжусь тем, что мой отец – Барака из Напаты.

– Кем он был у себя на родине? – без особого интереса спросил Креол. – Он ведь не родился рабом?

– Не родился. Но я не знаю, кем он был до того, как надел рабский ошейник. Пока отец был жив, мне не приходило в голову спрашивать его о прошлом. А когда умер – пришлось, но спрашивать стало уже некого. Дедушка этого не знает, другие рабы тоже не знают... или притворяются, что не знают. Возможно, когда-нибудь я побываю в Напате и своими глазами увижу родину моих предков...

– Что может быть интересного в варварском Куше?

– Не знаю. И не узнаю, пока не увижу собственными глазами.

– Твоя жизнь – делай как знаешь, – пожал плечами Креол. – Меня это никак не касается.

– Твоя правда, брат.

Креол досадливо ударил палкой по дубовому стволу. И замер. Взгляд уцепился за неровность в почве. Толстые корни образовали здесь настоящий навес, густо усыпанный листьями. Если приглядеться, можно заметить, что они не просто случайно попадали с ветвей. Эту листву кто-то сюда принёс – принёс и уложил в нарочитом беспорядке, маскируя...

– Есть! – оскалился Креол, расчищая отверстие палкой. – Огромное!

Шамшуддин подошел поближе. Похоже, это и в самом деле логово Гасителя Света. Дыра начинается меж дубовых корней и уходит глубоко под землю. Суця по размерам – тварь внутри сидит не гигантская, но всё же довольно крупная. В такой лаз вполне может пролезть и человек.

– Давай мешок, я полезу, – заявил Креол, обнажая нож. – А ты стереги вход.

Шамшуддин молча кивнул, перехватывая поудобнее топор. Креол чиркнул кремнем, зажигая смоляной факел, обвязал вокруг туловища шерстяной мешок, согнулся в три погибели и сунул голову в чёрное отверстие.

– Постарайся не погибнуть, брат, – сказал Шамшуддин.

– Я не нуждаюсь ни в чьей заботе, – огрызнулся Креол, вглядываясь в темноту, – Сам разберусь как-нибудь.

– Такое ощущение, что я слышу нашего учителя.

– Не сравнивай меня с этим старым шакалом. Всё, я пошёл.

Ползти на карачках ученику мага пришлось довольно долго. Проклятый Гаситель Света вырыл нору длинную, извилистую. Похоже, солнечные лучи ему и впрямь неприятны, раз уж он прячется от них так глубоко.

С потолка то и дело осыпается земля, под локти и колени попадают острые камни. Двигаться неудобно – обе руки заняты. Самодельный факел шипит и потрескивает, освещая туннель лишь на несколько шагов вперёд. Сердце в груди предательски ёкает – время уже вечернее, тварь может проснуться в любую минуту.

Креолу было бы легче ползти, сунь он нож за пояс. Но юноша твёрдо решил, что скорее умрет, чем выпустит костяную рукоять. Это обсидиановое остриё – единственное, что придаёт сейчас уверенность.

Надёжный, проверенный инструмент, подаренный дедушкой в день, когда внука отдали в ученики. Архи- маг Алкеалол – единственный человек в Шумере, способный соперничать со старым Халаем в искусстве демонологии. Именно Алкеалол настоял на том, чтобы внук пошел по его стопам.

Отец Креола, Креол-старший, возражать не стал – его никогда не беспокоила такая ерунда, как потомство и вообще родственники. Он отвёз сына в Симуррум, заплатил старому кровососу, сколько тот потребовал, и возвратился домой, в Шахшанор.

С тех пор вестей из дома не было. Креол-старший ничего не сообщал о себе и не интересовался судьбой Креола-младшего. Вполне возможно, он давно позабыл о существовании единственного сына и наследника.

Ползти понемногу стало легче. Узкий проход шаг за шагом расширяется. Креол вдруг сообразил, что может подняться на ноги. Выпрямиться в полный рост по-прежнему не получается, но лучше всё же идти согнутым, чем ползти на карачках.

Туннель закончился пещерой, выстланной дубовой листвой. В самом центре – травяное гнездо-спаленка. А в гнезде...

Креол на миг замер, рассматривая свернувшуюся тварь. Халай Джи Беш не солгал – днем Гаситель Света и в самом деле крепко спит. Его не разбудил ни пришелец снаружи, ни свет факела, вторгшийся в это царство мрака.

О внешности Гасителя Света Халай не обмолвился и словечком – потому что сам этого не знал. Но теперь Креол смог рассмотреть чудовище во всех подробностях. Оно оказалось не таким уж и страшным – демон-гала, до сих пор сидящий на цепи в подвале, выглядит повнушительнее.

Тварь примерно с шакала величиной. Шесть лап – из них четыре обычные, с пальцами о мягких подушечках, а две довольно короткие, растут из плеч, вместо пальцев – изогнутые крючья. Шея складчатая и толстая, морда длинная, оканчивается тускло светящимся хоботком с длинной иглой. Глаз нет совсем – лишь какие-то непонятные полосочки и пятнышки. От брюха тянется толстая склизкая труба – похоже на яйцеклад.

Креол сделал шаг вперёд, не отрывая взгляда от спящего чудовища. Не шевелится. Ещё шаг – по-прежнему никакого движения. Третий... и вот теперь Гаситель Света чуть заметно дёрнулся.

Плечевые крючья покачнулись, выдвигаясь из кожаных складок. Склизкий яйцеклад вздрогнул и запульсировал. Лапы примяли траву, из-под подушечек высунулись белёсые когти.

Тварь просыпается! То ли разбуженный незванным гостем, то ли просто выспавшийся,

но Гаситель Света вот-вот очнётся!

Креол метнулся вперёд, замахиваясь ножом. Длинная полоса обсидиана легко пропорола морщинистую кожу твари. Гаситель Света зашипел и забился, траву оросила дурно пахнущая буроватая кровь.

Смуглая рука резко выдернула нож наружу, тут же нанося второй удар. Одновременно с этим Креол сунул в морду Гасителю Света горящий факел. Тварь зашипела ещё сильнее, исступлённо колотясь всем телом о землю. Старый Халай не обманул и здесь – спросонья чудовище-вампир и в самом деле оказалось вялым и неуклюжим. Пожалуй, сейчас с ним справится и ребёнок.

Через несколько секунд всё закончилось. Тяжело дыша, Креол посмотрел на испачканные в буровой крови руки. На земле неподвижно лежит труп.

Шестнадцатилетний юноша в одиночку победил ужасного Гасителя Света.

– Желудок, значит... – пробормотал Креол, с отвращением распарывая брюхо убитой твари, – Какая гадость...

Ученик мага все ещё не изжил в себе остатки брезгливости. Вскрывать трупы, особенно такие омерзительные ... это до сих пор не доставляет удовольствия. Но со временем чувство гадливости, конечно, пройдёт.

Иначе хорошего мага не получится.

– Ну и что из всего этого желудок? – спросил сам себя Креол, вороша разноцветные склизкие мешочки. – Проклятый Халай, не мог описать поподробнее... а-а-а, Кингу с ним, заберу всё!

Преодолев отвращение, Креол принялся методично потрошить Гасителя Света, вырезая все органы, хоть чуть-чуть похожие на желудок. Пусть учитель сам разбирается.

Сунув в мешок последний орган, похожий на перезрелый баклажан, Креол замер. Воткнувший в земляную стену факел осветил в дальнем конце пещеры кое-то движение...

Халай Джи Беш закусил губу, с беспокойством поглядывая на солнце. Как неумолимо движется оно к горизонту!

С каждой секундой надежда на возвращение магических способностей утекает, улетучивается подобно дыму. Не стоило рассчитывать, что двое никчёмных мальчишек сумеют справиться с такой ответственной задачей. Но упавший в пропасть готов схватиться даже за гнилую соломинку – такой соломиной стали для несчастного мага Креол и Шамшуддин.

– Нергал Лугальгирра! – воздел к небу скрюченные пальцы Халай, – Львиноголовый царь Куты, потрясающий мечом и дубиной! Клянусь тебе самой страшной клятвой, что если двое моих учеников вернутся ко мне с пустыми руками или не вернутся совсем...

– Мы вернулись, учитель! – послышался голос Шамшуддина.

Наверное, ещё никогда в жизни дряхлый Халай не перебирал ногами с такой поспешностью. Аж трясаясь от волнения, он подбежал к неспешно шагающим ученикам и жадно затеребил одного и другого:

– Ну?! Ну?! Ну же!.. Креол!.. Шамшуддин!.. Мои любимые ученики!.. Скажите, скажите же мне, что я ждал не напрасно! Умоляю, порадуйте меня добрыми вестями!

– Мы порадуем тебя добрыми вестями, – усмехнулся Креол, пряча что-то за пазухой. – Шамшуддин, показывай.

Чернокожий юноша сбросил с плеч хлюпающий мешок. Халай с восторженным криком вцепился в него ногтями, роясь в груди потрохов.

– Это... это они?... счастливо воскликнул старик. – Это в самом деле органы Гасителя Света?!

– Своими руками вырезал, – устало кивнул Креол.

Халай Джи Беш тихо засмеялся, плотно сжимая тот самый перезрелый баклажан, что Креол сунул в мешок последним. Старческое лицо исказилось в торжествующей гримасе... а потом он жадно сунул добычу в рот. Совершенно жёлтые, но вполне ещё крепкие зубы с бешеной яростью вгрызлись в плоть Гасителя Света.

Халай Джи Беш съел всё без остатка. Вкус у желудка чудовища оказался отвратный, но жующий маг выглядел так, словно ему преподнесли сладчайшее кушанье в мире. Доев до конца и облизав пальцы, старик уселся на землю, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

– Да!..– воскликнул он, легко вскакивая на ноги.– Да, да, да!!! Я... я чувствую... чувствую!!!

Тысячу раз повторенным движением маг выхватил жезл. Левую ладонь охватило голубоватое сияние. С жезла сорвалась короткая молния, испепелившая пучок травы. Синяки и ушибы начали стремительно исчезать, морщинистое лицо порозовело, в глазах появился прежний блеск.

– Ко мне вернулись мои способности,– улыбнулся Халай, утирая слезы счастья.– Вернулась сила... Вернулась благодаря вам... Креол, Шамшуддин, дорогие мои ученики... Знаете, для чего я вас все время ругал и бил?..

– Для чего, учитель?

– Да для того, чтобы вы поняли, что я великий маг!!! – бешено взревел Халай, замахиваясь жезлом,– А вы – никчёмные смердящие недоноски, заслуживающие только побоев!!!

Злобный старик колотил учеников довольно долго. Лупил жезлом, лупил ногами, обутыми в кожаные сандалии. Креол и Шамшуддин только тихо постанывали, закрывая голову руками.

– Как вы посмели поднять руку на своего учителя, подонки?! – шипел Халай, раздавая тумаки направо и налево.– Как вы посмели оставить на мне синяки?! Как вы посмели заставить меня унижаться и ползать на коленях, выпрашивая вашей помощи?! Как вы посмели колебаться, желая оставить меня в столь жалком состоянии?! Не прошу!.. Никогда, ни за что не прошу!..

Расправа завершилась примерно через полчаса. Халай поглядел на избитых до полусмерти мальчишек, смачно плюнул им на головы и злобно захихикал. Немного подумав, он приподнял набедренник и справил на учеников малую нужду.

– Теперь лежите здесь и думайте о своей ничтожности! – фыркнул маг, залезая в колесницу,– Домой пойдёте пешком! И учтите, что, когда вы вернётесь, я снова вас изобью!

Цокот копыт онагров и рокот колесничных спиц затихли вдали. Креол и Шамшуддин остались лежать на траве под закатным небом. Ни единого движения. Просто нет сил шевелиться.

Только через полчаса Шамшуддин с великим трудом сумел усесться. Кажется, проклятый старик сломал ему руку. Как-то она неправильно гнётся. Хотя болеть совершенно не болит – всё остальное тело болит, а эта рука нет. Даже странно. Неужели уже успела онеметь?

– Брат, ты как?..– слабо простонал кушит-полу- кровка.

– Терпимо,– приподнялся Креол.– Только хребет болит. И голова.

– Не стоило нам помогать этому старому маски- му...– вздохнул Шамшуддин.– Понимали же, что он с нами сделает, когда вернёт могущество...

– Да Кингу с ним,– пожал плечами Креол.– Халай есть Халай. Я бы даже удивился, если бы он поступил как-то иначе.

Шамшуддин обратил внимание, что побратим от- чего-то совсем не выглядит подавленным. Наоборот – на лице блуждает лукавая улыбка, а руки поглаживают выпуклость за пазухой. Шамшуддину вспомнилось, что во время избиения Креол вроде бы старательно защищал именно эту загадочную выпуклость, совершенно пренебрегая остальными частями тела.

– Что там у тебя, брат? – полюбопытствовал Шамшуддин.

– А, интересно? – оживился Креол, оттопыривая край туники.– Смотри!

Шамшуддин наклонился, с удивлением разглядывая крохотное существо, пригравшееся на груди побратима. Шесть тоненьких лапок, мордочка с хоботком...

– Что это такое?

– Это детеныш той твари! – восторженно воскликнул Креол,– Детеныш Гасителя Света! Смотри, какой он милый!

– Что-о-о?! Где ты его взял, брат?!

– Там же, в норе. Тот, которого я убил, был его мамашей.

– А зачем он тебе?! – поразился Шамшуддин.

– Вырашу,– погладил крохотное чудовище Креол.– Воспитаю. И натравлю на Халая.

– На учителя?!

– Да. Вот только бы придумать, чем его кормить...– Креол ласково посмотрел на своего нового питомца и просюсюкал: – Рости большим и сильным, малыш! Ты – моё секретное оружие!

Наталья Татаринцева

АНЖЕЛИКА И ФИЛОСОФ

– Нет, это невозможно! – Анжелика с досадой задёрнула занавески, чуть не сорвав напрочь карниз.

Лирическое завывание, сопровождаемое нестройными гитарными аккордами, слегка поутихло.

– Ну почему, почему?! – Анжелика повалилась в тоске на ветхий диван и дала наконец выход своим эмоциям.– Почему же я была такой дурой?!

Комната, в которой происходило сие душераздирающее действо, представляла собой зрелище весьма странное. На столе, на стульях и на полу стояли разнокалиберные ёмкости с водой и шикарными венками букетов. Куча непоместившихся валялась в углу. Со шкафа грустно взирали плюшевые мишки всех цветов и размеров, на столе грудой лежали конверты, обильно украшенные сердечками и политые скупыми мужскими слезами. И апофеозом этому – зарёванное лицо хозяйки. Устаревшего дизайна очки с толстенными стеклами, безобразно покрасневший нос, да и вообще, даже если зарёванное создание умыть, причесать и успокоить – результат останется далёким от общепринятого стандарта миловидности, как альфа Центавра от Земли.

Истошно зазвонил телефон.

– Кто?! – тоном заправского цербера взревела в трубку девица,– Петя? Какой Петя?.. Ах этот... Нет, не хочу я погулять. ..Ив кино... И в театр... Ничего я не хочу... И оставьте меня все в покое!.. Ну и вешайся... Что?.. Ну можешь застрелиться... Ага... Ага... И тебе спокойной ночи! И этот туда же...– философски вздохнула коварная разбивательница сердец.

Нет, она вовсе не была жестокосердной, но опыт предыдущих истеричных поклонников уже научил наивную. Не повесится. И не застрелится, несмотря на красноречивые обещания. А ведь верила поначалу. Одного героически в три часа ночи снимала с карниза, у другого отнимала горсть таблеток, которой тот демонстративно потрясал, глотать, однако, не спеша. И только когда счёт подобным спектаклям перевалил за второй десяток, дипломированный психолог наконец-то поняла – это не более чем самобытный театр одного актёра для одного же зрителя.

– И зачем я только загадала?! – с непередаваемой тоской произнесла Анжелика,– Ведь могла же дом, машину, виллу на Канарах! Интернет безлимитный, в конце концов!

– Можем устроить...– вкрадчиво произнесли за спиной.

– Ай! – В диком прыжке метнувшись в ванную, она вернулась уже через полминуты, вооружённая старым веником и толстенным блокнотом.

– Что ж, профессиональный психолог для нечисти готов к работе,– иронично подколола стройная дама без возраста, но с извечной тонкой сигаретой и безупречным макияжем, маникюром и стилем жизни.

– Витольда Харитоновна? – несказанно удивилась Анжелика.

С момента подписания контракта она свою интригующую нанимательницу не видела. К счастью... Ибо не раз за последние несколько месяцев приходили ей в голову мысли, весьма далекие от человеколюбия. Немалое место в этих мыслях занимали угрожающего вида кувалды и цепные пилы, а также душераздирающие анатомические подробности в духе Ганнибала Лектора. Месть! Хотя... По здравом рассуждении (и Анжелика это прекрасно понимала, не дура же) винить следовало только себя.

– Итак, – насмешливо глядя на ошарашенную и встрепанную девицу, в душе которой смешались самые разнообразные чувства, сказала Витольда Харитоновна, – что я слышу?! Вы недовольны? Волею случая вы оказали нам столь неоценимые услуги, что мы сочли возможным взять вас на работу и предоставить право на одно любое, подчеркиваю, любое желание. Вы, может, дальновидно, а может, и опрометчиво загадали довольно забавную вещь – нравиться мужчинам. Заметьте, об улучшении внешности речь не шла. И теперь вас это не устраивает?

– Не-э-эт, ну почему же. – Как всякая воспитанная девушка, Анжелика просто физически не могла повторять своему нанимателю в лицо те гадости, что не так давно успешно крутила в возмущённом мозгу. – Меня всё устраивает, но...

– Вот-вот! – с торжеством воскликнула Витольда Харитоновна. – Что меня в вас и удивляет. Всегда, даже если обеспечить вам поистине райские условия и исполнение всех сокровенных желаний... всегда возникает это непреодолимое «но...». Итак, что же на этот раз?

– Не знаю... – повесила голову несчастная девушка.

– Ну же, – подбодрила начальница. – Я уже почти угадала, что конкретно тебя не устраивает!

– Они все... не такие!!! – как на духу выпалила Анжелика. – И в книгах всё совсем не так, я думала, когда за тобой ухаживают, это здорово и красиво, а мне... просто скучно... Да зачем мне эти букеты, конфеты, мишки плюшевые... Я просто общения хочу!!! А они... Я не представляю, о чем с ними можно поговорить. Сплошные комплименты и угрозы самоубийства...

– Да, для разговоров они мало пригодны... – согласилась начальница, хитро улыбаясь. – Ну что ж! – уже официальным тоном добавила она. – Мы согласны пойти на некоторые уступки и предоставить тебе право на ещё одно желание, если...

– Если что?

– Ты отправишься в небольшую командировку и исполнишь там свои непосредственные служебные обязанности, то есть окажешь одному весьма интересному индивиду квалифицированную психологическую помощь.

Командировка в представлении Анжелики являла собой либо прибытие на место в самолете бизнес-классом, встречи в дорогих ресторанах, подписание документов за бокалом martini и проживание в шикарных пятизвёздочных гостиницах, либо «по диким степям Забайкалья» с увесистым рюкзаком и молотком геолога, без всяких нормальных, человеческих удобств. А тут...

Никаких самолётов, никаких рюкзаков... Только что Анжелика стояла посреди комнаты и деловито прикидывала, какое бы желание загадать на этот раз, и вот уже она... Где? Кругом была таинственная, непроницаемая темнота и не менее таинственная тишина. Рядом увесисто стукнуло что-то явно неодушевлённое. Двигаясь на ощупь и матеря сквозь зубы свою непредсказуемую работодательницу, изрядно напуганный психолог обнаружила полиэтиленовый пакет, а в нём – небольшой дохлый фонарик и карту, карту чего?... Критского Лабиринта?

– Та-а-ак! – с дрожью в голосе протянула она, настороженно прислушиваясь к гулкой тишине – не дай бог, раздастся неподалёку топот тяжёлых копыт. Тусклый свет фонарика трепетно озарял живописный каменный коридор...

Сколько прошло времени, Анжелика не знала... В пакете щедрой Витольды

Харитоновны часов, увы, не оказалось... хотя, может, оно и к лучшему. Ноги устали непередаваемо, однако в бесконечном блуждании по коридорам был хоть какой-то смысл. Карта не помогала ничуть. Что поделаешь, Анжелика, как и многие представительницы её пола, обладала просто уникальным топографическим кренинизмом... И чем ей могла помочь здоровая красная стрела, которая недвусмысленно указывала на место, где спрятался её клиент? Кстати... Зачем Минотавру психолог? Может, они вкуснее?

Чтобы не терять времени, Анжелика начала прикидывать, как бы угадать со вторым желанием, чтобы опять не попасть впросак. Надо чётко определить, что бы она хотела... А это непросто. Нет, отменять первое желание и превращаться опять в неприметную серую мышку она не собиралась. Может, загадать себе внешность, чтобы не расстраиваться каждый раз, глядя по утрам в зеркало. Ну там,– губы Анжелины Джоли, глаза как у Одри Хепберн, ну и... от Памелы Андерсон тоже... по мелочам... Хотя... Анжелика считала себя образованным, интеллигентным человеком, и поэтому ей было просто стыдно загадывать что-то насчёт... Памелы Андерсон. А может, загадать себе мировую известность? Главные роли в кино, платиновые диски или, на худой конец, Нобелевскую премию? Но интеллигентность предполагала ещё и патологическую честность, то есть – всего надо добиваться только

11 Чего хотят демоны своими силами, так что и этот вариант определенно не подходил. А может...

– Настоящей, большой и чистой любви! – торжественно провозгласила Анжелика.

– Ишь ты! – искренне удивился голос из темноты,– Ну и желания пошли!

– Не подходи!!! – истошно завопила мечтательная девушка, в лучших традициях Ночного Дозора светя заплывшим фонариком во все углы.

– И нет бы попросить что-нибудь материальное, понятное и, главное, нужное в хозяйстве. Так нет – любовь! А кто вообще знает, что это такое? Один из неразрешимых вопросов философии наряду с достижением абсолютного знания а рпоп или, к примеру, существования небытия. Любовь зла, полюбишь и козла? Так, что ли? Или – бьёт, значит, любит? Это, что ли?

– И не смей меня есть!!! – по инерции продолжала орать интеллигентная девушка.

– Есть? Зачем? – искренне удивилась рогатая тень в дальнем углу,– Еда вообще очень скучный, бесполезный процесс, а для высокоорганизованного существа даже и вредный.

– Так вы что, вообще не едите?

По легендам и мифам Анжелика твёрдо знала, что если чем и занимался злобный Минотавр, так это ел. Причём преимущественно молодых девушек. Впрочем... Минотавр, разбирающийся в философии, тоже являлся немалым потрясением для психики. Так, может, её скорая психологическая помощь как раз и заключалась в том, чтобы вернуть Минотавра к его, так сказать, естественному состоянию? И тогда он немедленно захочет есть... А молодых девушек вокруг... Ну кроме нее. М-да-а-а, тяжело ей будет загадывать заветное желание из живота оголодавшего монстра.

– Ну удружила Витольда Харитоновна, нечего сказать! – в сердцах воскликнула она.

– А это кто? – с искренним любопытством поинтересовался рогатый.

– Как, вы не знаете Азazelло Витольду Харитонов- ну? Главу всей нечистой силы?! – Может быть, Анжелика слегка преувеличила, но личный опыт убедил её, что начальницу знали и уважали все, начиная от трансильванских вампиров и заканчивая снежным человеком с холодной Аляски.

– Нет, не знаю...– огорчился голос во тьме,– Вы говорите – «нечистой силы»... Интересный эпитет. Тогда в противовес ей должна существовать чистая сила. А где критерии отбора? Кто решает: чистая или нет у тебя сила? А почему нет других слоев? Например: «слегка запачканная сила»? Или: «почти совсем чистая сила, но с одним ма-а-аленьким пятнышком»?!

– Всё, всё! Брейк! – Она поняла, что философский спор пора прекращать.– Вы меня убедили, я прониклась и осознала! Хотя я понимаю ваше возмущение, здесь, в Древней

Греции, и термина-то такого наверняка нет ещё...

– Милая моя! Ты искренне думаешь, что мы в Древней Греции?!

– А где? Это разве не критский Лабиринт?

– То, что место, где ты находишься, действительно является критским Лабиринтом, не доказывает неоспоримо, что это всё – Древняя Греция.

– А что же тогда? Антарктида, что ли? Или Израиль?

– Греция, две тысячи восьмой год, если не ошибаюсь, по-моему, весна.

– А как же вы?.. Вас же убил... не помню кто, но очень давно...

– Ах это... это не более чем легенда, созданная, чтобы скрыть совершенно обычный, житейский подтекст.

– Какой?

– Из года в год, с древних времен и до наших дней определённое количество молодых, наивных, но убедительных девушек решают наперекор родне непременно создать семейную жизнь и вечную любовь до гроба со своим избранником. И что они делали в Древней Греции? Они спокойно сбежали с милым куда подальше, оставив несколько красноречивых улик у входа в Лабиринт. А кто поумнее – сидели в том же Лабиринте дня три, естественно, запасшись едой, питьём и косметикой, сами же изображали утробный рёв злого Минотавра из темноты и шлёпали отпечатки копыт. Ну конечно, прийти на выручку несчастной девушке вызывался один герой, который, повозившись для виду, возвращался под руку со спасённой страдальцей и рассказывал о победе над чудовищем. Тут уж отпадали все возражения родственников вроде «он тебе не пара». Свадьба, хеппи-энд!

– Так вас не было?!!

– Именно!!! Меня нет и никогда не было.

– А с кем же я сейчас разговариваю? – Анжелика окончательно запуталась.

Минотавр вздохнул:

– Вера. Чистая, незамутнённая, первобытная вера в сказки. Сколько людей искренне считали, что Минотавр действительно существовал? Миллион? Десять миллионов? Сто?! И вот – чистая случайность, сказанные не в том месте и не в то время слова, случайно пролитая капелька крови... В тёмном древнем Лабиринте возродился мрачный зверь... Который почему-то совсем не хочет гоняться за молодыми девушками с целью поедания. Зато он очень хочет общаться с интересными, умными людьми, читать хорошие книги и приносить пользу обществу.

– Извините, конечно, что я так не к месту, но почему вы... такой?.. Философ.

– В подсознании людей Греция прочно связана с философией, вот так и получилось... выйти к людям я не могу, убьют как чудовище! А здесь жить уже нет никакой возможности...

– Что же нам теперь... делать?

Девушка и Минотавр рядышком сидели в темноте. И оба думали об одном и том же. Иногда выход из ситуации найти гораздо сложнее, чем выход из самого запутанного лабиринта.

– Нет, я просто поражена!!! – Витольда Харитоновна изумлённо всплёскивала руками каждую минуту вот уже на протяжении получаса. – Такая гениальная идея!!!

– Это точно, – довольно подтвердила Анжелика, смотрясь в зеркало. Приятно было ощущать себя гением, – Ну как он?

– Прекрасно! Счастлив по уши. Целыми днями читает и ведёт серьёзные споры на форумах. В основном на философские и богословские темы. Вот... – начальница порылась в записях, – неделю назад о пользователе с пиком Рогатый Мин начали упоминать, через день – цитировать, а теперь на него ссылаются, как на непогрешимый авторитет. А он уже планирует свой сайт! Нет, что ни говори, идея Интернета полностью себя оправдала. Минотавр за экраном компьютера смотрится немного странновато... да еще и посреди Лабиринта.

– И как вы туда электричество провели...

– Магия! Обычная, примитивная бытовая магия! Кстати, хорошо, что напредила, у тебя

же ещё желание не использовано. Ну что? Что хотим, замуж?

Нет уж, подумала Анжелика. Свою единственную неземную любовь я найду как-нибудь сама. Не хочу, чтоб мне кто-то в этом помогал. Тем более начальница всей нечис... То есть просто начальница. Что там он говорил? «Материальное, понятное и, главное, нужное в хозяйстве...» Так и сделаем.

И, непонятно зачем зажмурившись, она твёрдо произнесла;

– Хочу машину!

– Чудесно! У меня как раз есть на примете один старенький «Запорожец». Правда, крыло слегка помято и колёс нет..,

– А-а-а-а!!! – А что бы было, если б загадала жениха? Пенсионер с деревянной ногой?!

– Успокойся, успокойся...– Витольда Харитонов- на с трудом удерживалась, чтобы не захохотать в голос.– Что, уже и пошутить нельзя? «Лада Калина» тебя устроит? Ну и ладушки...

Андрей Белянин, Галина Чёрная

КОТ ДЛЯ ДА ВИНЧИ

В тот вечер мой муж вернулся с задания пьяным. Да, да, мой Алекс, он же суперагент Орлов, он же командор, красавец и профессионал, практически выпал из разреженного воздуха в космопорте с косыми глазами и переходником в зубах! Я лично при этом позоре не присутствовала, я-то, как порядочная жена, ждала его в нашем отделе у «оборотней». С какого бодуна мой благоверный появился в космопорт, когда отправлялся не на Венеру, а всего лишь в скромную Верону времен эпохи Возрождения, не известно было никому!

За мной прислали наглого хоббита, который умудрился вытрясти из меня аж две конфеты, прежде чем передал записку от Хекета. То есть такой рулон бумаги для факса с перфорацией по обеим сторонам, и там рубленным шрифтом, без извинений: «Заберите своего пьяного мужика!!!!!!» На самом деле там было ровно сто сорок два восклицательных знака, но не переписывать же мне их все, правда? Хотя настроение испортилось сразу и бесповоротно.

Нет, не то чтобы я так уж поверила (Хекет – старый космический корабль и сам любит вечером опрокинуть рюмку-другую прогорклого масла в дюзы...), но обидным был сам факт. Я, значит, весь день занималась уборкой, раскрутила Синелицега на блины, почти приготовила романтический ужин, а мой благоверный возвращается с задания уже пьяным. Что это за пирушки на стороне? И с кем? И по какому, собственно, поводу?! А ну пойдём разберёмся...

– Да на, забери свою конфету, психованная,– едва слышно просипел бледный хоббит, возвращая мне помятую карамельку.

О небо, оказывается, в порыве задумчивости я его не выпустила, а волокла за собой за шиворот. Пришлось извиниться и отпустить. Конфету я обратно не взяла по двум причинам – из-за великодушия и потому что он её всю пальцами обжмакал – бэ-я-а...

На территории меня встретили двое знакомых гоб-линов-механиков и молча провели к дальнему отсеку, где и находился мой весьма нетрезвый мужёк. Суперагент Орлов – в богатом камзоле испанского гранда, перемазанный грязью, облитый вином, ещё чем-то жирным – сидел, прислонившись спиной к бортовому трапу Хекета, и счастливо мурлыкал себе под нос: «Теперь я Чебурашка-а, мне каждая двор-няжка-а при встрече сразу лапой поддаёт...» Слева болтались пустые ножны без меча (потерял? Шеф сожрёт с потрохами!), в руках пустой глиняный стакан с обгрызенными краями, а устроился мой милый на своей широкополой шляпе с перьями. Уже хорошо, хоть не простудится...

– Алиночка-а... Ты пришла! – радостно опознал меня он.

– Вставай, дорогой, – самым елеиным голосочком попросила я, мысленно клянясь себе: «Вот только проспись, скотина!» – Пойдем домой, солнце моё...

– Куда? – чуть сощурился он. – Домой? А я дома!

– Ты на Базе, но немножко перепутал место прибытия. Вставай, родной, тебе надо в постельку...

– Мне и тут хорошо...

– Любимый, Аллахом прошу, не доводи до греха, – все еще ласково огрызнулась я, продолжая тянуть его за руку, но ведь пьяного фиг поднимешь.

– А ты, собственно, кто?

– Я-то?! – Я бегло огляделась по сторонам в поисках чего-нибудь тяжёлого, и ему очень повезло, что не нашла. – Я – твоя законная жена! И если ты, пьянь подзаборная, сейчас же не встанешь...

– Алиночка-а! – опять узнал меня он. – Слушай, что меня так качает? Пошли домой, а?

– Убью...

– Мр-р-да, все признаки человеческой деградации налицо, – самодовольно раздалось за моей спиной, – Вот что происходит со среднестатистическим мужчиной, когда он добровольно позволяет увести себя в кабалу официально зарегистрированного брака.

– Убью обоих, – не оборачиваясь, пригрозила я, потому что этот кот вечно суёт нос куда не просят.

– Ладно, мир, – фыркнул Профессор, мягко толкая перед собой компактное инвалидное кресло на колёсиках. – Садись, партнёр, прокатим с ветерком. Похмелин у меня в тумбочке, работает безотказно. Но чтобы я ещё раз позволил тебе идти на задание одному...

– А это кто? – не понял мой супруг. – Чё за кошак говорящий?

Агент 013 картинно схватился за сердце, всем видом изображая, что его вот-вот хватит инфаркт. Разбираться с командором в таком состоянии смысла не было, он даже старого друга и соратника в упор не узнаёт.

Но утром для Алекса настал момент истины, он же час расплаты, он же день мести. После тарелки куриного бульона, когда у него перестала раскалываться голова, мой любимый признался как на духу, что, выполнив задание, он всего лишь почувствовал себя голодным. Прикинув по часам, что обед на Базе уже прошел, а до ужина еще далеко, решил перекусить в местном ресторанчике. Тем более что он был доволен собой и тем, как филигранно выполнил простенькое задание, и сознавал, что вполне заслужил хороший обед. Начал с кружки пива, чтобы запить слишком острые спагетти с креветками и чили, потом бокал вина, потом какой-то аперитив и...

– Не смог остановиться, – утвердительно фыркнула я.

– Просто не рассчитал градуса. Меня уверяли, что они этим младенцев поят от простуды.

– Ха! Нашёл кого слушать – забулдыг в таверне. Да любой бармен мать родную продаст, лишь бы кого-нибудь непьющего спойть и вытрясти из него побольше. Что было потом, могу тебе и сама примерно рассказать...

– Дальше все как в тумане, – не понял иронии Алекс, – Помню только, подсел ко мне какой-то растрёпанный старик с седой бородой, пока я приходил в себя на лавочке у городского фонтана. И, разглядев во мне путешественника, начал выпрашивать, где я был, что видел, то да сё, предложил попробовать некий алхимический ликёр его собственного изобретения. Бутылочка была такая маленькая-а...

– Ну разумеется, с этой малости тебя конкретно и развезло. О чём хоть разговор был, помнишь? Ты случайно не разболтал военных секретов Базы?

– А они у нас есть? – испуганно вытаращился он.

– Пока нет. Но мало ли!

– Родная, кажется, его интересовало другое: птицы, звери, насекомые разные. Большей частью мы говорили о животном мире... Ты простишь меня?

Я хотела сказать, что подумую, потом помучить его ещё с полчаса, а там уж дать

шанс исправиться и загладить свою ошибку мытьём полов, но... У Апекса были такие виноватые глаза, что я не удержалась и потянулась к мужу с поцелуями. Дверь распахнулась в самый неподходящий момент...

– Всем привет! Не помешал?

Широко улыбающийся кот без приглашения плюхнулся на кровать между мной и Алексом. Хорошо мы были ещё одетые...

– Что, закончили выяснять отношения? Досталось тебе, напарник?! А ведь поделом, должен признать! Я специально пришёл попозже, чтобы, не дай бог, не помешать семейным разборкам.

– Чего надо? – не сдержалась я, и мой муж укоризненно показал взглядом на небольшую книгу под мышкой у Профессора. Ага, значит, он по службе...

– Милочка, я по службе! – с деланным возмущением подтвердил агент 013, нахальнейше выгибая спинку и потягиваясь на нашем одеяле.

Терпеть не могу его ехидство и бесцеремонность.

– Тут такое интересненькое дело! Не поверите... Я тоже сначала подумал, что мне мерещится. Но, трезво рассудив, что до маляра мне ещё далеко, понял, что со мной-то всё в порядке. Дело в этой книге! Короче, друзья мои, по утрам, пока ясный ум и котята с Анхесенпой спят, я читаю познавательную литературу, шлифуя свой интеллект...

– И как? Есть прогресс? – нетерпеливо подстегнула его я.

Но кот не обратил на моё ответное ехидство никакого внимания.

– Вижу, мне здесь не рады, поэтому сразу перейду к главному, – равнодушно заметил он, – Я читал сейчас бестиарий Леонардо да Винчи. Текст в книге изменился!

– Как это?

– А вот так, вчера всё было по-другому. Сегодня решил перечитать последние пять страниц. Я всегда так делаю, чтобы закрепить в памяти и лучше усвоить прочитанное накануне. И вдруг вижу, что слова новые и смысл иной. Причём бред полнейший! Я пролистал всю книгу. Ни одной здоровой мысли, сплошные ошибки или идиотские фантазии. Судите сами. Читаю от середины: «Пеликан горячо любит своих птенцов и, найдя их в гнезде убитыми змеёю, раздирает себе грудь и, омыв их своей кровью, возвращает к жизни». Или вот, о единороге: «Единорог посредством неводержанности и неспособности обуздать себя из любви к прекрасным девушкам забывает свою свирепость и дикость; отложив всякий страх, он подходит и ложится на лоно девушки, тогда-то охотники и ловят его».

– А вчера как было?

– Про единорога было написано коротко и ясно, что это мифическое животное, никогда не существовал. И баста.

– Непонятно...

– И я о том же! – кивнул кот.

– Мгм. Интересно... А про пеликана-то что не так? Вроде всё верно, – нахмурилась я, размышляя. – А единорог же большой, как лошадь. Как может он ложиться на лоно девушки? Раздавит, и у неё детей не бу... ой! О чём это я?!

Повернув голову, Профессор посмотрел на меня с величайшей скорбью во взоре.

– Это я! Я рассказал ему всё это! – вдруг вскочил с места Алекс.

Мы с котом обернулись к нему. Агент 013 недоверчиво, я – потрясённо, даже не успела настоять, чтобы Мурзик сказал мне всё-таки, что не так с пеликаном. Мысль, конечно, тут же улетела...

– Кому рассказал?

– Тому старику, который подсел ко мне. Это и был да Винчи! Если бы я не был тогда пьян, то догадался бы. Алхимия, ликёр собственного изобретения, крохотная бутылочка, как из-под лекарства...

– Ты изменил мировую историю, напарник. Учёные такой хай поднимут...

– Это неправда! Я теперь почти всё вспомнил, я нёс какую-то ерунду про животных, при чём тут мировая история?

– А он воспринял всё это всерьёз? Но, милый, как...

Я прикусила язычок. Рождённому из пробирки на далекой планете агенту Орлову с заранее заложенными в него рабочими функциями пилота азов зоологии никто не преподавал. И жил он исключительно на космических кораблях, а потом на Базе, где из живности только хоббиты, а с недавнего времени и попугай мистер Корртон, который давно уже очеловечился не хуже нас, пиратствуя с друзьями по морям Антильского архипелага. Завтра же куплю мужу учебник зоологии за пятый класс...

– Откуда я мог знать, что это сам Леонардо да Винчи? – оправдывался Алекс. – Старик как старик, с бородой, одет простенько...

– Неужели это ты сообщил ему, что аспид, чтобы не слышать заклинателя, закрывает уши хвостом? И что хамелеоны, спасаясь от птиц, поднимаются в разреженные слои атмосферы, чтобы пернатые не могли до них добраться? – убийственно осведомился кот, поднимая поражённые глаза от текста.

– Отрицать не могу... – опустил голову мой любимый.

Я сердито свела брови.

– Ах вот, значит, как ты проводишь время на заданиях в моё отсутствие! Напиваешься с местными

обалдуями до невменяемого состояния и путаешь всяких гениев, чтобы они потом запутали все оставшиеся поколения потомков. Да это же натуральное преступление против человечества! Будешь ещё так пить? Будешь, скажи?!!

– Деточка моя, не преувеличивай. Ничего страшного не произошло, – миролюбиво мурлыкнул Пу- сик, наслаждаясь моим состоянием.

Ага, сам только что объявил это как катастрофу мирового масштаба! У меня резко разболелась голова. Вампир энергетический! А ещё говорят, что коты лечат! Это жестокая ошибка – они сосут из нас энергию и мурлыкают, смеясь в душе над нашей наивностью и рабским служением им, нашим маленьким тиранам с лапками мягкими, но раздирающими сердца острыми коготками. Ну держись...

– Это я преувеличиваю, я?! Не смей разговаривать со мной в таком покровительственном тоне! Меня это уже достало! Сколько можно?! Я уже не та наивная второкурсница! Я агент «оборотень»! Профессионал экстра-класса! По три раза в неделю рискую жизнью не меньше тебя. И вообще, я... кхе-кхе-кх...

Я закашлялась, как всегда, когда не могла донести свою мысль до возмутительно равнодушно внимающих моей справедливой речи слушателей. А откашлявшись, начала снова, потому что лопну, если не выскажусь.

– И не смей лезть на нашу кровать! Чего ты на ней забыл? Мы женаты дольше, чем ты, на целых два месяца! Хочешь, я поучу тебя, как обращаться с Анхе- сенпой? А-а, не хочешь? Тогда иди сам, учи её щи варить!

– Ты с чего разбушевалась, Алиночка? – отступая за друга, нервно откликнулся Профессор. – И у тебя серьёзные нелады с логикой. При чём тут щи? Мы, коты, их вообще не очень жалуем. К тому же она у меня не готовит. Зачем ей огрублять свои нежные розовые подушечки, когда есть Синелиций с поварами...

– Вэк?! Вот именно! Вы привыкли, чтобы мы, люди, вас обслуживали, воображаете себя эдакими маленькими царьками!

– Почему же маленькими? Обычными царями, – сказал он, пожав белыми плечиками и потупив хитрые глазки.

– Тебе меня больше не достать, жертва наполеоновского комплекса, – глубоко вздохнув и отворачиваясь, буркнула я, – Я всё сказала.

– Если так, то, может, мы уже отправимся в Верону, а то вечером получать новое задание, – с видом праведника напомнил Алекс.

– Точно! Исправим всё на месте, – осенило меня. – Ты умница!

Я схватила его ладонь, притянула к себе и, крепко обняв его сильную руку, щекой прижалась к плечу. Пусть кот завидует...

– Конечно, ещё какой умница! Напарник, но неужели ты серьёзно считаешь, что «ушастая сова мстит всем, кто насмехается над ней», а ласка, «обнаружив логово василиска, убивает его запахом своей урины, но этот запах часто убивает и её саму»? – едва удерживая рвущийся наружу хохот, начал Пусик, мигом переключаясь на другой объект для колкостей.

Покрасневший Алекс кинулся отбирать у него книгу, я охотно пришла на помощь мужу, но даже под нашими удвоенными усилиями кот сдался только после упорного сопротивления.

– Нет, я не могу поверить, что и это ты выдумал: «Куропатка из самки превращается в самца и из зависти крадёт у других яйца», – уже по памяти упоённо цитировал Профессор, запрыгнув на шкаф. – Зачем, ей что, своих мало? Общеизвестно, что самка куропатки откладывает до двадцати восьми яиц за раз. А этот перл: «Крот, когда выходит на свет, тут же умирает». Да тут сейчас каждая строчка – это находка для зоопсихолога! Или, может, просто психолога?

– Если ты сейчас же не заткнёшься, я за себя не отвечаю! – взорвался багровый как свёкла командор, сжимая кулаки.

– Хорошо-хорошо, напарник, я ведь не «дикий бык, который столь безрассуден, что бросается на обёрнутое красной тряпкой дерево, в неистовстве вонзая в него рога. И тем даёт охотникам поймать его», глупышка...

– Что, интересно, да Винчи делал в Вероне? Он, как помнится, жил во Флоренции, – попыталась я перевести разговор на другую тему.

Все задумались, значит, драки не будет. А коту отомщу потом за Алекса, так что он пожалеет, что на моём месте не ушастая сова. В том плане, что это птичка не самая крупная, с ней бы он справился, а со мной – ха!

– Какая разница, – почесал лапкой за ухом агент 013. – У него могла быть тысяча причин. Расписывал местную церковь, строил фортификационные сооружения, испытывал парашют, гостил у друзей, презентовал новую картину, навещал старую любовницу... Италия не такая большая страна, и расстояния между городами у них меньше, чем у нас в России между соседними деревнями.

– У нас? Так ты, кажется, украинец.

– Я кот, рождённый в СССР! – гордо поправил он.

Я смирила его серую морду одобрительным взглядом, все обиды были забыты – что нам делить, когда у нас одна родина на двоих. Через час, который нам понадобился на сборы, мы, не предупредив шефа, тайно вылетели в Верону.

Ах этот чарующий аромат Италии! В нём перемешан привкус сточных вод, апельсинов и моря... Плюс не перебиваемый ничем запах свежей рыбы, такой соблазнительный, что у котика сразу закружилась голова.

На городской площади рядом с церковью Сан-Дзе-но Маджоре, как гласила надпись над дверьми, и фонтаном, у которого Алекс плодотворно пообщался вчера с да Винчи, дрались на шпагах какие-то мальчишки лет четырнадцати-пятнадцати. По одежке явно из аристократов, но при этом обзывая друг друга такими словами, какие, я думала, можно услышать только на криминальных задворках хоббиточьего квартала, а никак не в пристойном итальянском городе...

– Безобразие, куда смотрят родители! – укоризненно покачала я головой, поцокав языком. Пока не знаю, что такое материнство, и ни черта не смыслю в воспитании детей, можно и понаслаждаться, критикуя уже состоявшихся пап и мам.

Но тут в драку вмешались слуги, потом в считанные секунды подросли горожане с дубинками и алебардами, домочадцы горожан и затеявших драку юнцов, вооружённые кто чем в зависимости от статуса и пола... Ну и гулянье развернулось! Где стража, а?

– Постой же, трус Монтеки!

– Ты, Капулетти, плут! Пусти, жена!

Стоящий рядом молодой человек чисто английской наружности, наблюдающий драку с интересом букмекера, повторял вслух, водя пальцем по воздуху, как бы записывая в памяти:

– Ты, Капулетти, плут... Или здесь будет лучше «трус»? Пусти, жена... Неплохо...

Агента Орлова с агентом 013, разумеется, втянули в драку. Хотя, собственно, когда наши отказывались? На моего мужа кинулись сразу несколько человек и повалили в лужу, он только шпагу успел вытащить, хорошо хоть сам не поранился и никого не поранил. Я с проклятиями полезла за него заступаться. Храбрые итальянцы буквально шарахнулись от моего зверского лица и боевого клича гурунов. Вот ведь полезная штука, кстати...

– Ну и свинство, костюм испорчен, из зарплаты вычтут, а за что?! – расстроился Алекс, с моей помощью кое-как оттирая грязь и снова бросаясь в потасовку.

– «Горностай скорее умрет, чем испачкается», верно? – радостно издевался разгорячённый дракой кот, разбрасывая цитаты из да Винчи направо-налево. – Эй, брат Монтекки, полегче со шпагой, я тебе не «кузнечик, чтобы в случае чего легко возродиться в уксусе».

Его оппонент, молодой итальянец, одетый в синее, ошалев от не только размахивающего длинным кинжалом, но и заговорившего кота, в страхе отступил и бросился в церковь. Зуб даю – отмаливать грехи, за которые дьявол пришёл к нему в образе воинственного домашнего мурлыки. Это бегство послужило сигналом для остальных, драка закончилась так же неожиданно быстро, как и началась.

Да Винчи мы нашли быстро. Алекс выяснил, где его дом и как туда пройти, ещё в процессе потасовки у своих спарринг-партнеров.

– Что-то мы не вовремя, час ночи. Может, он спит уже?

Но свет в окне горел.

– Трудится, – удовлетворённо заметил Пусик, – как все гении по ночам, когда окружающие не достают.

Входная дверь была незаперта, и мы поднялись по лестнице на второй этаж, где он снимал квартиру. Ни один слуга нам по пути не встретился и не попытался нас тормознуть. Командор постучал в дверь, я перестала дышать от волнения.

– Открыто!

Великий мастер стоял перед мольбертом, сбоку от него был заваленный всяким хламом рабочий стол, левой рукой он водил кистью по холсту, а правой споро собирал макет чего-то смахивающего на дельтаплан с пропеллером.

– Буона сера! Мы к вам, маэстро, и вот по какому делу...

Долго объяснять ему, что мы из будущего, не пришлось, он уже давно для себя вывел математическое доказательство возможности перемещения во времени, как он сразу же нам и сказал. И что поверил бы нам, даже если бы мы не показали ему переходник, который продемонстрировали в доказательство, что не врём, а по одному нашему признанию. Ибо такого «вранья» даже от сумасшедшего современника не услышишь, ведь это равносильно признанию в пособничестве дьяволу. А значит, мы не врём. Железная логика.

– Вам надо вернуть первоначальный вариант бес-тиария, а не тот, что вы написали или напишете под влиянием беседы с этим молодым господином, моим мужем. Забудьте всё, что он вам наговорил. Это всё неправда!

Алекс в ответ на обращённый к нему вопросительный взгляд учёного, виновато кивнул.

– Извините, спьяну нёс полную чепуху, – покаялся он, решив не вдаваться в подробности о своём происхождении и невозможности вовремя получить полноценное образование.

– Я действительно начал писать бестиарий для герцога Людовика Сфорца. На самом деле у меня уже шесть тысяч листов заметок на всякие разные темы. Никак не найду времени сесть и хотя бы часть из них подготовить к изданию...

– Значит, в будущем, – я уж не стала говорить «после вашей смерти», чтобы не напоминать о неприятном, – кто-то издаст их за вас и загребёт себе денежки.

– Сие было бы прискорбно. Золото мне и самому нужно. Я тут как раз разработал новую модель летательной машины и буду опять просить в письме моего покровителя герцога Сфорца прислать деньги на его постройку, на мост же он мне выделил средства.

Правда, с тех пор не дал ни гроша.

– Прискорбно, но вы не забудьте нашей просьбы.

Седой художник рассмеялся:

– Да, но я речь о деньгах завёл не просто так...

Кот начал падать в обморок, решив, что он с нас тянет дивиденды. Но да Винчи с застенчивой улыбкой, которая явно сводила с ума девчонок лет двадцать назад, а меня и сейчас загипнотизировала, продолжил:

– Конечно же я не столь наивен и знаю, что журавли по ночам не держат в лапе камень, чтобы, если заснут на страже своего короля, камень упал и раздался такой шум, что они вновь проснулись бы и заодно перебудили всё болото. И короля у них конечно же нет, в этом они умнее нас. И яд василиска не поднимается по копыю и не повергает в прах поразившего его всадника вместе с лошадыю. А только лишь убивает взглядом, а когда ему некого убивать, пристально смотрит на растения, отчего они увядают.

Мы трое переглянулись, но решили промолчать. У всех у нас свои недостатки и странности, чего цепляться к мелочам.

– Но кого это волнует? Народу подавай удивительных чудес, как и моему сиятельному покровителю. И чем фантастичнее, тем лучше. А на издание такой книжки он мне выделит средства, которые я потихоньку потрачу на мою летательную машину или на миномётное устройство. Одно из двух. И если вы, друзья, найдёте время, чтобы рассказать мне ещё десяток таких историй, я буду век вам благодарен.

– А картину подарите? – поторговалась я. Так, чисто на всякий случай...

– Они мне трудно даются, могу лишь немного уступить в цене. Но вот бутылку кьянти в подарок – пожалуйста! Ну так как? Что-нибудь интересное из вашего будущего? Кстати, институт папства себя уже изжил?

– Увы, по нашим сведениям, останется до скончания веков.

– Я так и думал.

Короче, ничего менять он не собирался и оставил все бредни моего мужа как есть, потому что за лёгкую литературу всегда платят лучше, чем за серьёзную. Что, кстати, верно, по себе знаю, потому и пишу...

Мы начали прощаться, понимая, что пора уходить, час поздний, и так оторвали гения от работы, но бесцеремонный кот остался ещё на две минуты, он закрыл за собой дверь и о чем-то стал шушукаться с хозяином. Я приникла ухом к замочной скважине. Стальной Коготь обещал заглянуть на днях и выдать «чудеснейшую» информацию о пылесосах, машинках для удаления волос из носа и кедах на каблук! Но только чтобы его имя было упомянуто в сносках. Так сказать, оттиснуто золотой вязью.

– Сам говорящий кот с двумя высшими образованиями и званием профессора с таинственным именем агент 013 займёт почётное место в моём бессмертном бестиарии, – довольно потирая руки, бормотал мэтр, когда наш серый напарник с видом триумфатора выходил к нам. – И что главное – в отличие от слона он существует!

Кажется, по возвращении в книгу об обычных и мифических животных мы сможем найти статью о нашем великоучёном напарнике, и, кто знает, может, даже с портретом кисти самого великого Леонардо! Профессор, конечно, окончательно зазнается, но, с другой стороны, у меня будет повод чаще щёлкать его по носу...

Послесловие

А знаете, тенденция, однако. Или традиция – кому как больше нравится. Зима – это Новый год, весна – пора любви, лето – долгожданный отпуск, осень – новый сборник рассказов славянских писателей-фантастов, друзей Андрея Белянина. Этот третий, между прочим. Лица всё знакомые, но среди них есть и те, кто дебютирует в этой компании

единомышленников, и те, чьё творчество российские читатели открыли для себя благодаря хорошему вкусу и неутомимости Андрея. Польша, Болгария, Чехия, конечно, Россия – думаете, легко поднимать в одиночку литературное единство наших славянских народов? Труд Андрей проделал колоссальный, но ни останавливаться на достигнутом, ни почивать на лаврах не собирается. А собирается, ведомый зовом родственной крови, снова в путь – пока на Балканы, ну а там видно будет...